

Главный редактор

Л. В. Шкваря, д-р экон. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: destard@rambler.ru

Заместитель главного редактора

С. Ю. Муртузалиева, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Председатель редакционного совета

А. В. Шишкин, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Редакционный совет

Л. Гринберг, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Москва, Россия
E-mail: grinberg@inecon.ru

М. В. Кулаков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению социально-экономических проблем развивающихся стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

Н. Н. Неновски, д-р экон. наук, профессор Университета Пикардии имени Жюль Верна, член Правления Болгарского национального банка, Амьен, Франция,
E-mail: nenovsky@gmail.com

А. А. Праневич, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе Белорусского Государственного экономического университета, Минск, Беларусь
E-mail: pranevich@bseu.by

В. А. Шлямин, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института североазиатских исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия
E-mail: shlyamin@petsu.ru

Б. Д. Хусайнов, д-р экон. наук, профессор, академик Казахстанской национальной академии естественных наук, Алматы, Казахстан
E-mail: bkhusainov@gmail.com

Хэ Минцзюнь, канд. экон. наук, старший преподаватель Куньминского университета науки и техники, Куньмин, КНР
E-mail: sldj2005@163.com

О. А. Ястребов, д-р экон. наук, профессор, ректор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: rector@rudn.ru

Chief Editor

L. V. Shkvarya, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: destard@rambler.ru

Deputy Editor-in-Chief

S. V. Murtuzalieva, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: murtuzalieva.sy@rea.ru

Chairman of the Council

A. V. Shishkin, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Marketing Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: shishkin.av@rea.ru

Editorial Council

R. S. Grinberg, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: grinberg@inecon.ru

M. V. Kulakov, D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Laboratory Studying Social and Economic Problems of Developing Countries, of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mkulakov39@yandex.ru

N. N. Nenovsky, D. Sc. (Economics), Professor of the University of Picardie Jules Verne, Member of the Board of the Bulgarian National Bank, Amiens, France
E-mail: nenovsky@gmail.com

A. A. Pranevich, D. Sc. (Economics), Professor, Professor of the World Economy Department of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus
E-mail: pranevich@bseu.by

V. A. Shlyamin, D. Sc. (Economics), Professor, Scientific Director of the Institute of Nordic Studies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
E-mail: shlyamin@petsu.ru

B. D. Khusainov, D. Sc. (Economics), Professor, Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Sciences, Almaty, Kazakhstan
E-mail: bkhusainov@gmail.com

He Mingjun, PhD (Economics), Senior Lecturer of the Kunming University of Science and Technology, Kunming, China
E-mail: sldj2005@163.com

O. A. Yastrebov, D. Sc. (Law, Economics), Rector of the RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: rector@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Р. Бышарова, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: byasharova.ar@rea.ru

Т. В. Воронина, д-р экон. наук, доцент,
заведующая кафедрой «Мировая экономика
и международные отношения» Южного
федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: tvoronina@sfsedu.ru

Н. В. Захарова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: zakharova.nv@rea.ru

С. В. Иванова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ivanova.sv@rea.ru

Л. Констанци, д-р экон. наук, профессор,
Американский университет
в Центральной Азии, Бишкек, Киргизия
E-mail: konstants_l@auca.kg

Т. И. Кузьмина, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

Л. Ф. Лебедева, д-р экон. наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, руководитель центра социально-
экономических исследований Института США
и Канады РАН, Москва, Россия
E-mail: liudran@mail.ru

Д. В. Муха, канд. экон. наук., доцент,
директор ГНУ «Институт экономики НАН
Беларуси», Минск, Беларусь
E-mail: mukha@economics.basnet.by

Г. В. Подбиралина, канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

И. А. Родионова, д-р геогр. наук, профессор,
главный научный сотрудник АО ЦНИИ
«Электроника», Москва, Россия
E-mail: iarodionova@mail.ru

А. В. Рыжакова, д-р техн. наук, профессор,
профессор кафедры товароведения
и товарной экспертизы Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

Е. Д. Фролова, д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры международной экономики
и менеджмента Уральского федерального
университета, Екатеринбург, Россия
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

EDITORIAL BOARD

A. R. Byasharova, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: byasharova.ar@rea.ru

T. V. Voronina, D. Sc. (Economics), Associate
Professor, Head of the World Economy
and International Economic Relations Department
of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
E-mail: tvoronina@sfsedu.ru

N. V. Zakharova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: zakharova.nv@rea.ru

S. V. Ivanova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: ivanova.sv@rea.ru

L. Konstants, D. Sc. (Economics), Professor
of the American University of Central Asia,
Bishkek, Kyrgyz Republic

E-mail: konstants_l@auca.kg

T. I. Kuzmina, D. Sc. (Economics),
Professor, Professor of the World Economy
Department of the Plekhanov Russian University
of Economics, Moscow, Russia

E-mail: kuzmina.ti@rea.ru

L. F. Lebedeva, D. Sc. (Economics), Professor, Honored
Worker of Science of the Russian Federation,
Head of the Social and Economic Research Center
of the Institute for US and Canadian Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: liudran@mail.ru

D. V. Mukha, PhD (Economics), Associate Professor,
Director of the Institute of Economics of the National
Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E-mail: mukha@economics.basnet.by

G. V. Podbiralina, PhD (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the World Economy Department
of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: podbiralina.gv@rea.ru

I. A. Rodionova, D. Sc. (Geography), Professor,
Chief Researcher of JSC Central Research Institute

"Electronics", Moscow, Russia

E-mail: iarodionova@mail.ru
A. V. Ryzhakova, D. Sc. (Technology), Professor,
Professor of the Commodity Science and commodity
Examination Department of the Plekhanov Russian
University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: ryzhakova.av@rea.ru

E. D. Frolova, D. Sc. (Economics), Professor,
Professor of the Department of International
Economics and Management
of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

Содержание

Россия и мир

<i>Булатов А. С.</i> Современные проблемы участия России в глобальной экономике.....	5
<i>Родникова О. Ю.</i> Международные транспортные коридоры в Большой Евразии и роль России.....	21
<i>Гусарова С. А., Фернандо С. Х.</i> Развитие приоритетных направлений и форм экономического взаимодействия России и Шри-Ланки.....	34
<i>Кузнецова Г. В.</i> Российский экспорт в контексте мировых трендов: движущие силы, текущее состояние и перспективы.....	49
<i>Ратнер А. В.</i> Обоснование перспективных направлений экспорта российского региона через методiku оценки импортных потребностей стран-партнеров.....	67

Торговая политика

<i>Смирнов Е. Н.</i> Влияние тарифного протекционизма на усиление напряженности в современной международной торговле.....	83
<i>Елизарова О. И., Хохлова С. В.</i> Трансформация международной торговой политики и ее последствия: глобальный и региональный аспект (на примере стран ССАГПЗ).....	102
<i>Меньшиков П. В., Меньшикова А. М.</i> ИИ как инструмент внешнеторговой политики в системе национальной безопасности США...	112

Цифровизация и мировые рынки

<i>Красных С. С.</i> Цифровые технологии как инструмент преодоления санкционных ограничений во внешнеэкономической деятельности.....	125
<i>Аббакумова И. В., Каржанова Н. В.</i> Мировой рынок образования и направления его трансформации: переход от локального к глобальному и цифровому.....	143

Экономическая интеграция

<i>Кириллов В. Н.</i> Цели и задачи международной экономической интеграции: вопросы теории и современной практики.....	154
<i>Соловьёва Ю. В.</i> Глобальная трансформация регионального вектора инновационно-технологического развития.....	167
<i>Панченко Е. Ю., Родникова О. Ю., Федорова А. В.</i> АСЕАН в мировой экономике: эмпирический анализ.....	183

Иностранные инвестиции

<i>Сугаков Г. К.</i> Мозамбик как центр активности иностранных инвесторов...	194
<i>Крупина А. А., Шарова А. Ю.</i> Экономическое взаимодействие США и Мали: торговля, инвестиции и помощь развитию.....	208

Contents

Russia and the World

<i>Bulatov A. S.</i> Contemporary Problems of Russia's Participation in the Global Economy	5
<i>Rodnikova O. Yu.</i> International Transport Corridors of Greater Eurasia and the Role of Russia	21
<i>Gusarova S. A., Fernando S. H.</i> Development of Priority Directions and Forms of Economic Interaction between Russia and Sri Lanka.....	34
<i>Kuznetsova G. V.</i> Russian Exports in the Context of Global Trends: Driving Forces, Current State and Prospects.....	49
<i>Ratner A. V.</i> Substantiating the Perspective Export Directions for the Russian Region Through Technique for Assessment of Import Needs of Countries-Partners.....	67

Trade Policy

<i>Smirnov E. N.</i> The Impact of Tariff Protectionism on the Increased Tensions in Modern International Trade...	83
<i>Elizarova O. I., Khokhlova S. V.</i> Transformation of International Trade Policy and Its Consequences: Global and Regional Aspects (Using the Example of the GCC Countries).....	102
<i>Menshikov P. V., Menshikova A. M.</i> AI as an Instrument of Foreign Trade Policy in the US National Security System	112

Digitalization and Global Markets

<i>Krasnykh S. S.</i> Digital Technologies as a Tool for Overcoming Sanctions Restrictions in the Foreign Economic Activity.....	125
<i>Avvakumova I. V., Karzhanova N. V.</i> The Global Education Market and the Directions of its Transformation: the Transition from Local to Global and Digital.....	143

Economic Integration

<i>Kirillov V. N.</i> Goals and Objectives of International Economic Integration: Issues of Theory and Modern Practice	154
<i>Solovieva Y. V.</i> Global Transformation of the Regional Vector of Innovation and Technological Development.....	167
<i>Panchenko E. Yu., Rodnikova O. Yu., Fedorova A. V.</i> Asean in the Global Economy: an Empirical Analysis.....	183

Foreign Investments

<i>Sugakov G. K.</i> Mozambique as a Centre of Foreign Investors' Activity.....	194
<i>Krupina A. A., Sharova A. Yu.</i> Economic Interaction between the United States and Mali: Trade, Investment, and Development Assistance.....	208

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА Т. 12, № 1 (45) 2026

Ответственный
секретарь **Е. В. Золотова**

Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки
Ю. С. Жигалова

Адрес редакции:
109992, Москва,

Стремянный пер., 36.

Тел. **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Подписано в печать 31.02.2026.

Формат 70 x 108 1/16.

Печ. л. 14,25. Усл. печ. л. 19,95.

Уч.-изд. л. 16,03.

Тираж 1 000 экз.

Заказ .

Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».

115054, Москва,

Стремянный пер., 36.

INTERNATIONAL TRADE AND TRADE POLICY Vol. 12, № 1 (45) 2026

Executive Secretary
E. V. Zolotova

Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

Tel.: **+7 495 800 12 00 (доб. 24-76)**

E-mail: **mttp@rea.ru**

Signed for print: 31.02.2026.

Format 70 x 108 1/16.

Printed sheets 14,25.

Conv. sheets 19,95.

Publ. sheets 16,03.

Circulation 1,000.

Order

Free price.

Printed in Plekhanov
Russian University
of Economics.

36 Stremyanny Lane,
109992, Moscow.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-5-20>

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. С. Булатов

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Москва, Россия

В статье рассматриваются три группы проблем: участие нашей страны в новом мировом экономическом порядке, преодоление Россией экономической блокады со стороны западных стран, а также внутриэкономические проблемы, мешающие развитию внешнеэкономического сектора. В ряде случаев эти проблемы пересекаются и рассматриваются совместно. Для их конкретизации в статье используется преимущественно эмпирический анализ показателей глобальной экономики и внешнеэкономического сектора России. Характерными чертами нового мирового экономического порядка, по мнению автора, являются прежде всего следующие: изменившееся соотношение экономических сил в мире; изменение участия ведущих стран в экономической глобализации по некоторым показателям; экономическая нестабильность, связанная во многом с геополитической нестабильностью; воздействие четвертой промышленной революции на структуру внешнеэкономических связей. Проблемы преодоления Россией экономической блокады, с точки зрения автора, сводятся прежде всего к результативности географической переориентации отечественного внешнеэкономического сектора, эффективности импортозамещения, а также налаживанию международных расчетов. Основными внутриэкономическими проблемами автор считает недостаточный уровень инвестиций и расходов на НИОКР, а также слабость денежно-кредитной системы. На основе анализа указанных проблем делаются некоторые выводы.

Ключевые слова: новый мировой экономический порядок, внешнеэкономический сектор, Россия, США, Япония, Германия, Китай, Индия.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE GLOBAL ECONOMY

Alexander S. Bulatov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation Moscow, Russia

The paper research three groups of problems: Russia's participation in the new world economic order, overcoming of the economic blockade by Western countries, as well as internal economic problems that hinder the development of the foreign economic sector. They partially overlap and are considered in some cases jointly. To specify these problems, the paper uses mainly an empirical analysis of some indicators of the global economy and the foreign economic sector of Russia. The characteristic features of the new world economic order, according to the author, are

primarily the following: the changed balance of economic forces in the world; changes in the participation of leading countries in economic globalization by some indicators; economic instability resulting largely from geopolitical instability; the impact of the Fourth industrial revolution on the structure of foreign economic relations. The paper analyzes statistics detailing these characteristic features on the background of other leading economies, as well as draws conclusions from these statistics for Russia. From the author's point of view, the problems of Russia overcoming the economic blockade are primarily related to the effectiveness of the reorientation of the geography of the domestic foreign economic sector, the effectiveness of import substitution, as well as the establishment of international payments. The author considers the main domestic economic problems to be insufficient investment and R&D spending, as well as the weakness of the monetary system. Based on the analysis of those problems, some conclusions are drawn.

Keywords: new world economic order, external sector, Russia, United States, Japan, Germany, China, India.

Введение

Внешнеэкономическая и внешнеполитическая ситуация, в которой находится современная Россия, ставят перед ее внешнеэкономическим сектором ряд актуальных проблем. Во-первых, это проблемы участия России в формирующемся новом мировом экономическом порядке. Во-вторых, проблемы Российской экономической блокады со стороны западных стран. В-третьих, внутриэкономические проблемы, затрудняющие развитие внешнеэкономического сектора. Некоторые из этих проблем частично пересекаются и поэтому рассматриваются как с точки зрения участия России в новом международном экономическом порядке, так и преодоления экономической блокады.

Для конкретизации указанных проблем применялся эмпирический анализ показателей глобальной экономики и внешнеэкономического сектора России. Статистика статьи охватывает последние два с половиной десятилетия с упором на данные России и остальных ведущих экономик мира (США, Японии, Германии, Китая, Индии). Используются данные прежде всего следующих реперных лет:

- 2001 г. (начало века, продолжение начавшейся в 1970–1980-е гг. волны активной экономической глобализации, восстановление России после экономической катастрофы 1990-х гг.);
- 2008 г. (восстановление в России советского объема ВВП, начало мирового экономического кризиса);
- 2014 г. (переход к новому мировому экономическому порядку, первые санкции в адрес России, начало политики активного импортозамещения в России);
- 2018 г. (последний год перед коронакризисом);
- 2024 г. (разгар санкций против России, последний год обобщающей статистики по ведущим экономикам на момент написания статьи).

Проблемы участия России в новом мировом экономическом порядке

По мнению автора, для формирующегося нового мирового экономического порядка характерны прежде всего следующие черты, отличающие его от прежнего миропорядка:

- изменившееся соотношение экономических сил в мире;
- изменение участия ведущих стран в экономической глобализации по ряду показателей;
- усиление экономической нестабильности, вытекающей во многом из роста геополитической нестабильности;
- воздействие четвертой промышленной революции на структуру внешнеэкономических связей.

Рассмотрим эти черты на примере ведущих экономик мира; как менялся их вес в мировом ВВП, рассчитанном по ППС (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Изменившееся соотношение экономических сил в мире: доля стран в мировом ВВП по ППС* (в %)

Страна	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	100	100	10	100	100
США	21,4	20,6	15,9	15,2	14,8
Япония	7,3	6,3	4,4	4,1	3,3
Германия	4,5	4,2	3,4	3,2	3,0
Китай	12,1	11,4	16,6	18,7	19,3
Индия	4,7	4,8	6,8	7,7	8,2
Россия	2,6	3,3	3,3	3,1	3,5

* Источники табл. 1 и 2: World Economic Outlook за соответствующие годы.

Следует отметить, что вес трех ведущих развитых стран в мировом ВВП за прошедшую четверть века заметно снизился, однако в 2014–2024 гг. он снижался медленнее (на 7 процентных пунктов у США, 25 процентных пунктов у Японии и 12 процентных пунктов у Германии), чем в период активной глобализации 2001–2014 гг. Так, тогда у США он снизился на 26 процентных пунктов, у Японии – 40 процентных пунктов у Германии – 24 процентных пункта. Прежде всего данное замечание относится к США.

Одновременно заметим, что удельный вес России, восстанавливавшийся в 2001–2014 гг. после экономической катастрофы 1990-х гг. (ВВП сократился более чем на 40%), в 2014–2024 гг. оставался на уровне 3,3–3,5% в мировом ВВП. Это объясняется тем, что темпы экономического роста нашей страны в целом за 2008–2024 гг. были близки к среднемировым (рис. 1). У остальных двух ведущих развивающихся экономик – Ки-

тая и Индии – темпы роста ВВП превосходили среднемировые. Сохранение (но не увеличение) удельного веса России в мировом ВВП, что нехарактерно для двух других ведущих развивающихся стран (их вес растет), сопровождалось у России также снижением ее веса в мировой торговле товарами и услугами, начавшимся после 2008 г. Заметим, что у США после 2008 г. их вес в мировой торговле стабилизировался, а у Китая и Индии продолжал расти (табл. 2).

Рис. 1. Годовые темпы роста ВВП в мире и России (в %)¹

Т а б л и ц а 2

**Изменившееся соотношение экономических сил в мире:
доля стран в мировом экспорте товаров и услуг (в %)**

Страна	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	100	100	100	100	100
США	13,6	9,3	10,0	10,1	10,0
Япония	6,0	4,5	3,7	3,7	2,9
Германия	8,7	8,7	7,5	7,5	6,0
Китай	4,0	8,0	10,5	10,7	11,8
Индия	0,9	1,4	2,0	2,2	2,6
Россия	1,5	2,7	2,4	2,0	1,5

Обратимся к другому показателю экономической силы страны – ввозу в нее прямых иностранных инвестиций (табл. 3).

В мировом ввозе прямых иностранных инвестиций происходят еще более глубокие изменения, чем в мировом экспорте товаров и услуг. Из данных табл. 3. видно, что выросшая в 2001–2014 гг. доля трех ведущих развивающихся стран в нашем десятилетии стала сокращаться, прежде всего это относится к России, на приток иностранных инвестиций в кото-

¹ Источник: World Bank Open Data.

рую повлияла блокада со стороны западных стран – главных экспортеров капитала в мире. Одновременно сохранилась доля Японии и выросла доля США, особенно в последние годы. Что касается Германии, то колеблющийся по годам приток в эту страну прямых иностранных инвестиций позволяет сделать лишь предварительный вывод о его ослаблении.

Т а б л и ц а 3

**Изменившееся соотношение экономических сил в мире:
доля стран во ввозе прямых иностранных инвестиций* (в %)**

Страна	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	100	100	100	100	100
США	19,5	17,6	14,9	14,0	18,5
Япония	0,8	1,4	0,9	0,7	0,9
Германия	4,1	0,2	0,3	2,0	0,4
Китай	5,7	6,2	9,5	9,5	7,7
Индия	0,4	2,4	2,5	2,9	1,8
Россия	0,3	4,3	2,2	0,9	0,2

* Источник: World Investment Report за соответствующие годы.

Рассмотрим позиции стран в производстве и использовании знаний в мире. Данные о весе стран в мировых затратах на НИОКР показывают, что Китай по внутренним затратам (в пересчете по ППС) на исследования и разработки почти не уступает США (812 млрд против 822 млрд долларов в 2022 г.), обогнав еще в позапрошлом десятилетии Японию, Германию и Россию (соответственно, 201, 175 и 56 млрд долларов в 2022 г.) [3]. Однако не менее важно оценить продвинутость страны в использовании знаний, о чем говорит место страны в Глобальном индексе инноваций (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

**Изменившееся соотношение экономических сил в мире:
место стран в Глобальном индексе инноваций**

Страна	2009	2015	2019	2025
США	11	5	3	3
Япония	13	19	15	12
Германия	16	12	9	11
Китай	43	29	14	10
Индия	56	81	52	38
Россия	64	48	46	60

* Источник: Global Innovation Index за соответствующие годы.

Изменяющийся ренкинг стран (табл. 4) показывает не только улучшающиеся позиции ведущих развивающихся стран в Глобальном индексе инноваций (кроме России в нашем десятилетии), но и сохранение ведущими развитыми экономиками своих ренкингов, а в случае США – даже его радикальное улучшение.

Не менее важно для нашего анализа и рассмотрение показателей участия ведущих стран мира в экономической глобализации. Это прежде всего отношение экспорта товаров и услуг к ВВП страны (табл. 5).

Таблица 5

**Изменение уровня участия в экономической глобализации:
экспорт товаров и услуг по отношению к ВВП по официальному курсу* (в %)**

Страна	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	22,9	30,7	29,8	29,0	29,1
США	9,7	12,4	13,6	12,4	11,1
Япония	10,1	17,2	17,4	18,3	22,8
Германия	30,6	40,9	41,7	42,5	41,4
Китай	20,1	32,1	23,1	18,8	20,0
Индия	12,6	24,1	23,0	19,9	21,2
Россия	36,9	31,3	27,1	30,8	21,9

* Источник табл. 5; 7; 8; 13: World Bank Open Data.

Как мы видим, в ведущих странах отношение экспорта к ВВП после резкого роста в 2001–2008 гг., особенно в 2014–2024 гг., имеет тенденцию к снижению, кроме Японии. Данная тенденция прослеживается и при использовании данных Системы национальных счетов. По нашим расчетам на основе статистики американского государственного Bureau of Economic Analysis, в США отношение экспорта товаров и услуг к выпуску продукции в основных ценах (учитываемой не по добавленной стоимости, как это делается при подсчете ВВП) выросло с 5,4% в 2001 г. до 6,8% в 2008 г. и 7,4% в 2014 г., а затем затормозилось на уровне 7,5% в 2018 г. и упало до 6,3% к 2024 г.¹ Но особенно заметно данная тенденция проявилась в России, где рассматриваемый показатель снижался еще с начала века (табл. 6).

Другой важный показатель участия страны в экономической глобализации – отношение ввоза прямых иностранных инвестиций к ВВП – перестал расти в ведущих экономиках мира после 2008 г. и продолжает снижаться. Особенно заметно этот показатель снизился у России (табл. 7).

¹ URL: <https://bea.gov>

Т а б л и ц а 6

Россия: доля экспорта и импорта товаров и услуг по отношению к выпуску продукции в основных ценах* (в %)

Показатель	2001	2008	2014	2018	2024
Доля экспорта товаров и услуг к выпуску продукции в основных ценах	20,7	18,0	16,1	17,2	12,1
Отношение импорта товаров и услуг к выпуску продукции в основных ценах	13,6	12,7	12,3	11,6	9,7

* Источник: Консолидированные счета. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Consolidated-accounts_1995-2024.xls

Т а б л и ц а 7

Изменение уровня участия в экономической глобализации: ввоз прямых иностранных инвестиций по отношению к ВВП (в %)

Страны	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	2,7	3,7	2,4	1,2	1,3
США	1,6	2,3	1,4	1,0	1,0
Япония	0,1	0,5	0,4	0,5	0,4
Германия	2,9	0,8	0,4	4,0	0,4
Китай	3,5	3,7	2,5	1,7	0,1
Индия	1,1	3,6	1,7	1,6	0,7
Россия	0,9	4,5	1,1	0,5	< 0,1

По такому направлению экономической глобализации, как международное движение знаний, у ведущих экономик мира картина другая. Если за 2008–2024 гг. экспорт товаров и услуг вырос в мире всего на 51%, а ввоз прямых иностранных инвестиций упал на 37%, то платежи за пользование иностранной интеллектуальной собственностью подскочили на 161%. Во многом этот рост был обеспечен платежами со стороны ведущих экономик (кроме России после 2014 г.) (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Изменение уровня участия в экономической глобализации: платежи за импорт интеллектуальной собственности (в млрд долл.)

Страна	2001	2008	2014	2018	2024
Мир	76,2	254,6	376,7	445,5	664,6
США	16,2	27,8	37,6	43,3	54,0
Япония	11,1	18,3	20,9	22,0	29,7
Германия	4,3	8,6	10,7	16,4	26,5
Китай	1,9	10,3	22,6	35,8	45,8
Индия	0,3	1,5	4,8	7,9	16,3
Россия	0,3	4,5	8,0	6,3	2,3

Растущую экономическую нестабильность в мире хорошо демонстрируют курсы национальных валют. Если отвлечься от ежегодных курсовых колебаний, то можно увидеть, что в целом за 2001–2014 гг. иена, евро, юань укрепились по отношению к доллару, а рупия и рубль ослабли. Однако за 2014–2024 гг., т. е. в период возросшей геополитической нестабильности, все эти валюты дешевели по отношению к доллару. Особенно радикально подешевел рубль (табл. 9). В свою очередь курс доллара по отношению к корзине шести ведущих западных валют (U.S. Dollar Index) за первый период снизился на 30%, а за второй – вырос на 20%.

Т а б л и ц а 9

Экономическая нестабильность: изменение среднегодовых обменных курсов национальных валют по отношению к доллару за рассматриваемый период* (в %)

Национальная валюта	2001–2014	2014–2024
Иена	+15	-43
Евро	+41	-23
Юань	+26	-17
Индийская рупия	-30	-37
Российский рубль	-32	-141

* Рассчитано по данным международной статистики.

Воздействие четвертой промышленной революции на структуру внешнеэкономических связей видно на примере структуры экспорта товаров и услуг. Табл. 10 демонстрирует две основные характеристики этой структуры в 2014–2024 гг.: сдвиг в сторону услуг и продолжающееся преобладание готовых изделий в товарном экспорте.

Т а б л и ц а 10

Воздействие четвертой промреволюции на структуру экспорта* (в %)

Страна	2014		2024	
	Доля экспорта услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг	Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте товаров	Доля экспорта услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг	Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте товаров
США	30	72	35	62
Япония	19	87	24	82
Германия	15	85	22	87
Китай	9	94	11	91
Индия	33	62	46	68
Россия	12	21	9	22 (2022 г.)

* Источники: Статистика внешнего сектора; Федеральная таможенная служба России; Trade Profiles 2015, 2023; Global Trade Outlook and Statistics. 2025, October.

Из табл. 10 видно, что сдвиг в сторону услуг характерен для экспорта всех ведущих стран, кроме России. При этом доля готовых изделий в экспорте товаров в США понизилась во многом из-за роста экспорта топлива, так же как в Японии и Китае из-за роста экспорта материалов и компонентов для сборочных предприятий японских и китайских компаний за рубежом. Тем не менее главное во всех рассматриваемых странах, в том числе с богатыми природными ресурсами, – преобладание экспорта готовой продукции. Это отличает их от России, в которой экспорт готовой продукции по-прежнему занимает скромные позиции.

Проблемы преодоления Россией экономической блокады

По мнению автора, как отмечалось ранее, главные из этих проблем следующие:

- переориентация географии внешнеэкономического сектора России и ее последствия;
- активизация импортозамещения и ее результаты;
- проблема международных расчетов.

Экономическая блокада стран Запада и прежде всего их экономические санкции в адрес России заметно сказываются на российской экономике и ее внешнеэкономическом секторе. По данным опросов ИНП РАН, около половины респондентов на протяжении всего периода 2022–2025 гг. отмечали, что санкции имели для них отрицательные последствия и прежде всего означали трудности с получением импортных комплектующих и сырья, для преодоления которых они обращались к поиску новых поставщиков как за границей, так и в России [4].

Перейдем к проблеме переориентации. Если судить по географии экспорта товаров из ведущих экономик (точнее – по доле основных партнеров в их экспорте, т. е. тех, которые совместно весят примерно половину экспорта), то за 2014–2024 гг. она мало изменилась, кроме России (табл. 11).

Как видно из табл. 11, из шести ведущих экономик мира только Россия радикально изменила географию своего экспорта, повернувшись от Европы в сторону Азии, прежде всего Китая, на который приходится треть российского экспорта. Китай также стал главным партнером России по импорту, обеспечив 41% ввоза товаров в нашу страну в 2024 г.¹ Конечно, вес Китая в российской внешней торговле рос и раньше, поднявшись к 2021 г. до 14% в российском экспорте и 25% в импорте, однако в 2022–2024 гг. под влиянием западных санкций, особенно европейских,

¹ URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>; URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries>

произошел скачок в его весе в российской внешней торговле. Китай стал главным поставщиком в Россию машин, оборудования и транспортных средств (традиционно это главная статья российского импорта, на которую обычно приходится около половины российского импорта), обеспечивая, по оценке автора, до 2/3 этого импорта и заменив страны – члены ЕС.

Т а б л и ц а 11

Доли стран/групп стран в товарном экспорте ведущих экономик мира в 2014-2024 гг.* (в %)

США			Япония			Германия		
	2014	2024		2014	2024		2014	2024
USMCA	34	31	США	19	20	США	9	10
ЕС	17	18	Китай	18	18	ЕС	57	54
Китай	8	7	ЕС	10	10	Китай	7	6
Китай			Индия			Россия		
	2014	2024		2014	2024		2014	2024
США	16	16	США	17	18	ЕС	52	8
ЕС	16	16	ЕС	12	17	СНГ	13	13
Гонконг	15	11	ОАЭ	8	9	Китай	8	33
Япония	6	7	Китай	3	5	Индия	1	15
Республика Корея	4	5	Бангладеш	3	5	Турция	5	6

* Авторские оценки по ряду данных: Федеральная таможенная служба; Trading Economics; World Integrated Trade Solutions.

Что касается активизации импортозамещения в России, то она дала наибольший эффект в сельском хозяйстве, которое, помимо уже решенной к XXI в. проблемы самообеспечения зерном, смогло заметно повысить уровень самообеспечения другими основными продуктами питания (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Россия: уровень самообеспечения основными продуктами питания* (в %)

	2008	2014	2024
Зерно	148	154	152
Мясо	67	96	102
Молоко	83	78	85
Рыба	-	115	125
Овощи	84	84	89
Ягоды и фрукты	31	33	43

* Источник: Уровень самообеспечения основными продуктами питания по Российской Федерации. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Хуже обстоит дело с импортозамещением оборудования и материалов: по данным опроса ИНИП РАН, в апреле 2022 г. около 62% предприятий реального сектора не нашли российской альтернативы импортному оборудованию и материалам, хотя в апреле 2025 г. их доля составляла уже 55%¹. В нефтегазовой промышленности локализация составляет 70%², в автопроме – около 50%, в станкостроении – около 30%, ИТ-инфраструктура российских компаний в 2024 г. на 74% состояла из зарубежного программного обеспечения (в 2014 г. – на 90%³). Однако качество импортозамещенной продукции часто уступает импортным аналогам, поэтому большинство (74%) промышленных предприятий приветствуют восстановление зарубежных поставок оборудования и технологий⁴.

В свою очередь проблема международных расчетов связана прежде всего с отключением большинства российских банков от системы SWIFT. Оставшиеся в системе немногочисленные российские банки используют SWIFT сдержанно и преимущественно через внешних посредников. Внутри России с 2014 г. действует Система передачи финансовых сообщений – СПФС, которая во многом компенсирует отключение от SWIFT внутри страны. На конец 2025 г. в ней состояло 584 финансовые организации, при этом зарубежных организаций было лишь 177 из 24 стран, преимущественно из ЕАЭС и других стран Азии⁵. Как видно, ситуация с международными расчетами заметно сложнее, поскольку ЕС запретил своим банкам использовать СПФС даже за пределами ЕС, а Минфин США предупредил об этом финансовые институты не из США⁶.

Для решения проблемы международных расчетов российские участники внешнеэкономических связей реализуют следующие альтернативы:

- использование региональных финансовых систем, прежде всего китайской CIPS, к которой подключено более 1 200 банков из более чем 100 стран с оборотом в 1,5 трлн долларов, преимущественно в Азии; при этом доля операций в юанях растет⁷;

- использование западных валют (увеличение доли рубля и юаня в расчетах). Если до 2022 г. рубль преобладал во внешней торговле только со странами ЕАЭС, то в последующие годы он стал основной ва-

¹ URL: <https://www.rbc.ru/base/17/10/2025/68ee1a019a794798d92f6920>

² URL: <http://komitet-energo.duma.gov.ru/novosti/5276e6be-45c0-4959-982c-5b811b346238>

³ rtest.ru/article/importozameshchenie-v-rossii-itogi-2025-problemy-i-perspektivy-.html

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/base/17/10/2025/68ee1a019a794798d92f6920>

⁵ URL: <https://digitalved.ru/newspage/swift-spfs-cips-cto-vybirayut-kompanii-v-kontse-2025-goda/>

⁶ URL: <https://www.interfax.ru/business/1017844>

⁷ URL: <https://digitalved.ru/newspage/swift-spfs-cips-cto-vybirayut-kompanii-v-kontse-2025-goda/>

лютой во внешнеторговых расчетах (рис. 2). Отчасти это результат использования стейблкоинов, посредством которых двусторонние международные платежи могут осуществляться в национальных валютах для резидентов обеих стран.

Что касается российского внутреннего валютного рынка, то юань стал главной валютой на нем (40,6% в январе 2024 г.), потеснив доллар и евро¹.

Рис. 2. Доля различных валют во внешнеторговых расчетах России в 2024 г.²

Воздействие внутриэкономических проблем на внешнеэкономические

Огромное влияние на экономические отношения России с внешним миром оказывают ее внешнеполитические проблемы. Повторим, что в настоящее время это прежде всего проблема блокады со стороны развитых стран.

Географическая переориентация экономических связей России на дружественные страны (это все развивающиеся страны, как и сама Россия), прежде всего Китай, смягчает блокаду, но не ликвидирует ее последствия. Напомним, что вес развитых стран в мировой торговле составляет около 60%, в международном движении капитала – около 80%, и, вероятно, еще больше в международном обмене знаниями. Поэтому естественно, что эти страны продолжают преобладать во внешнеэкономиче-

¹ URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65c4e0129a79472c0d128304>

² URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/173923/kg0_2024.pdf

ских связях развивающихся стран (см. пример Китая и Индии в табл. 11), обеспечивая им приток высокотехнологичных товаров и услуг, капитала для передовых отраслей и современных знаний. Перестройка связей России на развивающиеся страны Азии ведет к переходу на китайские машины, оборудование и транспортные средства вместо западных, обмелению притока иностранных знаний и инвестиций, а также к посредничеству компаний из этих стран в получении Россией товаров из развитых стран.

Вместе с тем еще большее влияние на внешнеэкономические связи России, особенно на участие в формирующемся новом мировом экономическом порядке, оказывают ее внутриэкономические проблемы. Прежде всего это проблема темпов экономического роста. Как показано в табл. 1 и рис. 1, из-за недостаточно высоких темпов экономического роста Россия лишь сохраняет свой вес в мировом ВВП по ППС, но не увеличивает его, как Китай, Индия и большинство стран Юго-Восточной Азии, темпы роста которых выше среднемировых. Конечно, в России на ее экономический рост влияют медленный прирост рабочей силы, а после 2014 г. даже его прекращение. Однако страна не компенсирует это ростом капиталовложений: норма накопления основного капитала в 2001–2024 гг. колебалась в России в районе 19–22% от ВВП¹, в то время как в Южной и Восточной Азии она находилась на уровне 36–40% [5]. Не компенсируется нехватка рабочей силы и расходами на НИОКР, которые в указанный период были на уровне 1% от ВВП, в то время как в странах схожего уровня развития они заметно выше – в 2022 г. в размере 1,3% в Турции, 1,5% в Польше и Греции, 1,7% в Португалии, а в Китае достигали 2,6% [3].

Ситуация с капиталовложениями и расходами на НИОКР также тормозит модернизацию отраслевой структуры российской экономики и ее экспортного потенциала. Реальный сектор экономики России по-прежнему базируется на производстве сырья, материалов и полуфабрикатов: добыча полезных ископаемых, нефтепереработка, металлургия, основная химия весят в российском ВВП около 20%, а производство готовых изделий (без учета указанных отраслей) дает менее 10% ВВП, по данным Росстата за 2024 г.² Можно согласиться с расчетами, которые говорят, что потенциально Россия могла бы увеличить экспорт несырьевых неэнергетических товаров в три раза, однако этому мешают не столько проблемы логистики и рынков сбыта, сколько производства [2].

В свою очередь недостаточность инвестиций в современные производства и НИОКР во многом объясняется слабостью денежно-кредитной системы России. Активно вывозя капитал (за 1992–2022 гг. вывоз капитала

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

² Там же.

заметно превысил его ввоз [1]) и наращивая свои резервные активы, Россия не смогла обеспечить собственную денежно-кредитную систему достаточным количеством финансов, что ведет к скудости и дороговизне кредита и слабому развитию фондового рынка (табл. 13).

Т а б л и ц а 13

Некоторые показатели состояния денежно-кредитной системы в ведущих экономиках мира, 2024 г.

Страны	Отношение широкой денежной массы (M2) к ВВП, %	Отношение выданного на внутреннем рынке кредита частному сектору к ВВП, %	Численность зарегистрированных на фондовом рынке местных компаний, шт.	Отношение стоимости обращающихся на фондовом рынке акций к ВВП, %
США	100,7	200,9	4 010	148,2
Япония	267,4	196,8	3 971	183,3
Германия	-	77,3 (2023 г.)	435	19,7
Китай	227,8	194,2	11 231	186,1
Индия	82,1 (2021 г.)	50,1 (2021 г.)	2 673	85,6
Россия	69,9 (2020 г.)	54,6 (2021 г.)	194	10,4

Добавим, что слабые финансы не только ограничивают экономическое развитие страны, но и не позволяют активно финансировать ее внешнеэкономический сектор: по оценке ЮНКТАД, свыше 90% мировой торговли зависит от финансирования [6].

Выводы

Россия не входит в число тех развивающихся стран, вес которых в глобальной экономике возрастает. Этому мешают недостаточно высокие темпы ее экономического роста, вызванные прежде всего невысокой нормой валового накопления основного капитала.

Сокращение ввоза в Россию западных товаров и услуг, капитала и знаний потенциально ведет к технологическому отставанию России, особенно на фоне недостаточных российских вложений в НИОКР.

Чрезвычайно высокая ориентация во внешней торговле на Китай, особенно в импорте оборудования, ведет к росту зависимости российской экономики от китайского оборудования и китайской валюты.

Прекращение экономической блокады со стороны Запада может ослабить эти неблагоприятные тренды, но не остановить их, так как слабость российского внешнеэкономического сектора обусловлена прежде всего внутриэкономическими причинами – несвоевременной структурой реального сектора и слабой денежно-кредитной системой.

Список литературы

1. Булатов А. С. Участие России в экономической глобализации: новый перелом тенденций // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – №1. – С. 112–135.
2. Гнидченко А. А. Оценка экспортного потенциала России с учетом сбытовых, логистических и производственных ограничений // Вопросы экономики. – 2025. – № 3. – С. 5–28.
3. Индикаторы науки. Статистический сборник. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1013106714.pdf>
4. Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А., Ибрагимов Ш. Ш., Зайцева А. А. Препринт: Российские предприятия в конце 2025 года: нарастание трудностей, порожденных жесткой макрофинансовой политикой. – URL: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-v-kontse-2025/>
5. World Economic Outlook. October 2025. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025>
6. Trade and Development Report 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2025>.

References

1. Bulatov A. S. Uchastie Rossii v ekonomicheskoy globalizatsii: novyy perelom tendentsiy [Russia's Participation in Economic Globalization: New Reversal of Tendencies]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2023, No. 1, pp. 112–135. (In Russ.).
2. Gnidchenko A. A. Otsenka eksportnogo potentsiala Rossii s uchetom sbytovykh, logisticheskikh i proizvodstvennykh ogranicheniy [Estimating Russia's Export Potential Taking into Account Sale, Logistics and Production Constraints]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2025, No. 3, pp. 5–28. (In Russ.).
3. Indikatory nauki. Statisticheskiy sbornik [Science Indicators. Statistical Collection]. Moscow, ISIEZ VSHE, 2025. (In Russ.). Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1013106714.pdf>
4. Kuvalin D. B., Zinchenko Yu. V., Lavrinenko P. A., Ibragimov Sh. Sh., Zaytseva A. A. Preprint: Rossiyskie predpriyatiya v kontse 2025 goda: narastanie trudnostey, porozhdennykh zhestkoy makro-finansovoy politikoy [Preprint: Russian Enterprises at the End of 2025: Growing Difficulties Caused by Tight Macro-Financial Policy]. (In Russ.). Available at: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-v-kontse-2025/>

5. World Economic Outlook. October 2025. Available at: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025>

6. Trade and Development Report 2025. Available at: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2025>.

Поступила: 29.12.2025

Принята к печати: 09.02.2026

Сведения об авторе

Александр Сергеевич Булатов
доктор экономических наук, профессор,
старший научный сотрудник кафедры
мировой экономики МГИМО
МИД России.
Адрес: ФГАОУ ВО «Московский
государственный институт
международных отношений
(университет) Министерства
иностраных дел Российской
Федерации», 119454, Москва, проспект
Вернадского, д. 76.
E-mail: bulatov.moscow@mail.ru

Information about the author

Alexander S. Bulatov
Doctor of Economics,
Professor, Senior Researcher
of the Department of World Economy
of MGIMO University.
Address: Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
Russian Federation,
76 Vernadskiy Avenue,
Moscow, 119454,
Russian Federation.
E-mail: bulatov.moscow@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-21-33>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ В БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ И РОЛЬ РОССИИ

О. Ю. Родникова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Развитие международной торговли и те фундаментальные и комплексные изменения, которые претерпевает эта форма международных экономических отношений в последней четверти века, вызывают к жизни необходимость исследования возможностей акселерации международных транспортных коридоров в Большой Евразии как факторов наращивания и стабилизации торговли в этом макрорегионе, развития дву- и многосторонних торгово-экономических отношений между странами, обеспечения устойчивости социально-экономического процесса и выравнивания существующих разрывов между странами в различных областях. Цель статьи – систематизировать основные направления развития международных транспортных коридоров в Большой Евразии с точки зрения возможности формирования Евразийского транспортного каркаса и обеспечения экономических интересов Российской Федерации. Автор обосновывает, что для Российской Федерации целесообразно уделять больше внимания транспортным системам в рамках евразийских международных транспортных коридоров, не отдавая их на откуп другим заинтересованным сторонам, даже несмотря на те сложности, с которыми сегодня сопряжен этот процесс.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китай, экономическая интеграция, международная торговля.

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS OF GREATER EURASIA AND THE ROLE OF RUSSIA

Oksana Yu. Rodnikova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia.

The development of international trade and the fundamental and complex changes that this form of international economic relations has undergone in the last quarter of a century have led to the need to explore the possibilities of accelerating international transport corridors in Greater Eurasia as a factor in increasing and stabilizing trade in this macroregion, developing bilateral and multilateral trade and economic relations between the countries, ensuring the sustainability of the socio-economic process and bridging existing gaps between countries in various fields. The purpose of the article is to systematize the main directions of development of international transport corridors in Greater Eurasia in terms of the possibility of forming a Eurasian transport framework and ensuring the economic interests of the Russian Federation. The author

substantiates that it is more expedient for the Russian Federation to pay more attention to transport systems within the framework of the Eurasian international transport corridors, without leaving them at the mercy of other interested parties, even despite the difficulties that this process involves today.

Keywords: Russian Federation, China, economic integration, international trade.

Введение

Для развития и активизации хозяйственного взаимодействия в Большой Евразии в условиях меняющегося миропорядка [12], нарушения безопасности транспортных путей сообщения [4] актуализируется задача развития надежных и эффективных международных транспортных коридоров. Концептуально Евразия – это макрорегион, включающий страны СНГ, Центральной Азии, Восточной Европы, выступающий своего рода мостом, прежде всего транспортным, между Европой и Азией. В свою очередь в Большую Евразию инкорпорируются Китай, Индия, Монголия, страны АСЕАН [3; 10]. Большая Евразия зачастую связывается с китайской инициативой «Пояс и путь» (BRI) [13]. Интересно отметить, что западные исследователи уделяют мало внимания изучению этого феномена как такового, главным образом – с точки зрения его последствий для Европейского союза [18; 20].

Анализ роли международных транспортных коридоров (МТК) Евразии не только позволяет оценить эффективность текущих логистических решений, но и сформулировать предложения по их оптимизации с учетом интересов устойчивого регионального развития и евразийской интеграции. Гипотеза исследования заключается в том, что формирование Евразийского транспортного каркаса приобретает особую важность с точки зрения фактора эскалации интеграционного взаимодействия в Большой Евразии.

В статье систематизированы направления развития МТК в Большой Евразии исходя из обеспечения экономических интересов Российской Федерации, что позволяет не только оценить эффективность текущих логистических решений, но и сформулировать предложения по их оптимизации.

Результаты исследования

Транспортная составляющая Большой Евразии (включая транспортную политику и транспортную дипломатию) крайне важна для международной торговли и в целом экономической стабилизации как в самом макрорегионе, так и вне его. Понимание этой важности наряду с ростом проблем и вызовов в мировой и евразийской транспортно-логистической системе требует поиска (формирования) новых возможностей качественного ее совершенствования [16], особенно с учетом того,

что именно Большая Евразия сегодня становится одним из наиболее активных торговых регионов на основе роста производства [8], направленности его специализации, формирования новых конкурентных преимуществ. Этот рост подталкивают демографические процессы, социальная ситуация, современные тенденции в сфере экологии, декарбонизации, инноваций и инвестиций, геополитики, торговли. В связи с этим международные транспортные коридоры Большой Евразии можно рассматривать не только как ключевые элементы глобальной логистики, но и как интеграторы торговли, инвестиций и технологий (в том числе в транспортной сфере) [11], катализаторы социально-экономического прогресса и факторы стабилизации и снижения рисков.

Так, за первые 11 месяцев 2025 г. положительное сальдо торгового баланса КНР со странами, сотрудничающими в рамках инициативы «Один пояс – один путь», превысило положительное сальдо торгового баланса этой страны с США на фоне растущей напряженности в отношениях между Поднебесной с США [17]. Следовательно, необходимость совершенствования и акселерации МТК в Большой Евразии – насущная задача.

В макрорегионе Большая Евразия традиционно сформировалась сложная сеть международных транспортных коридоров, которые выступают каркасом для торговли и логистики между Европой, Азией и Ближним Востоком (таблица). Их значение резко возросло после изменения глобальных логистических цепочек в 2014 г., и особенно в 2022 г., так как международные транспортные пути стали уязвимы для различных вызовов и зачастую выступают целью геополитической борьбы и служат полем конкуренции [5]. Это подтверждает, например, взрыв «Северных потоков». Таким образом, страны через обеспечение контроля над транспортными путями стремятся обеспечить себе конкурентные преимущества, что не является новым в истории, или пытаются использовать МТК как фактор влияния на партнеров (другие страны).

Как видно из таблицы, транспортно-логистическая система Большой Евразии остается весьма сложной. Она развивается в ответ на складывающиеся геополитические и геоэкономические изменения и призвана обеспечить возможность развития торговых и других хозяйственных связей между странами Большой Евразии.

В то же время в экономике в целом (включая хозяйственное взаимодействие между странами макрорегиона) и в транспортной системе Большой Евразии в частности сохраняется целый ряд проблем, таких как дифференциация развития отдельных стран [2], несбалансированность торгово-экономических отношений, различного рода разрывы, внешние угрозы.

Система международных транспортных коридоров в Большой Евразии

Коридор	Маршрут	Характеристика	Особенности
1	2	3	4
Транссибирский коридор (Транссиб, или Первый Евразийский мост)	Владивосток/Находка (РФ) - Москва - Западная Европа	<i>Трансконтинентальные коридоры «Восток-Запад» (Европа - Азия)</i> Самый короткий сухопутный путь из Юго-Восточной Азии в Европу. Основной объем идет через российскую железнодорожную сеть (широкая колея 1 520 мм).	Традиционно основной маршрут. После 2022 г. его загрузка выросла, но столкнулась с ограничениями пропускной способности и логистическими сложностями
Новый Евразийский континентальный мост (Второй Евразийский мост)	Китай (порты Ляньюньган, Шанхай) - Казахстан (пункт Достык/Алтынколь) - Россия - Беларусь - Польша - Европа	Ключевой наземный маршрут китайской инициативы «Один пояс и один путь» (ОПОП/ВРИ). Проходит через территорию Казахстана, что дает альтернативу прямому входу в Россию	Вариант: Китай - Казахстан - Азербайджан (Баку) - Грузия - Турция (Карс) - Европа (минуя Россию)
Средний коридор (Trans-Caspian International Route, TPIR)	Китай - Казахстан/Узбекистан - Каспийское море (порты Актау, Курык) - Азербайджан (Баку) - Грузия - Турция/Черное море - Европа	Самый динамично развивающийся альтернативный маршрут, не проходящий через территорию России. Требуется мультимодальных перевозок (железная дорога - паром - железная дорога). Является приоритетным для ЕС, Турции, Казахстана, Азербайджана и Грузии	Паромные переправы через Каспий и пропускная способность железных дорог Кавказа являются узкими местами
Международный транспортный коридор «Север-Юг» (INSTC)	Западная ветка (морская/сухопутная): Россия/Северная Европа - Астрахань - порты Дагестана (Махачкала) - Иран (порт Энзели/Бендер-Аббас). Далее в Индию. Восточная ветка (железнодорожная): Россия - Казахстан - Туркменистан - Иран. Транскаспийская ветка: Россия - Каспийское море - Иран - Индия	<i>Коридоры направления «Север-Юг» Россия, Центральная Азия - Индийский океан</i> Создает альтернативу Суэцкому каналу для грузов между Северной Европой, Россией и Южной Азией/Ближним Востоком. Ключевая роль Ирана и Индии	
Коридоры в сторону Индии и Пакистана	Маршрут через Афганистан: Узбекистан/Таджикистан - Афганистан - пакистанские порты Гвадар и Карачи (проект «Узбекистан - Афганистан - Пакистан»); Маршрут «Чинаб»: Индия - Иран - порт Чабахар - Афганистан - Центральная Азия	Пока нестабильный В обход Пакистана	

О к о н ч а н и е т а б л.

1	2	3	4
Транскаспийский международный транспортный маршрут	Турция - Грузия - Азербайджан - Казахстан/ Туркменистан - Китай	<i>Региональные и меридиональные коридоры</i> Связывает Турцию с Китаем через Кавказ и Каспий, минуя Россию	Активно развивается с 2017 г.
Коридоры Центральной Азии	КАРАВАН (CAREC): объединяет 6 коридоров, связывающих Китай, Монголию, страны Центральной Азии, Кавказ, Россию, Пакистан и Европу. Трансафганский коридор: Узбекистан - Афганистан - Пакистан (потенциально важнейший выход к морю для Узбекистана)		Программа Азиатского банка развития
Китайско-Монгольско-Российский экономический коридор (Трансмонгольская магистраль)	Китай - Монголия - Россия (например, через Улан-Удэ на Транссиб)	Увеличивает поставки сырья и товаров	Не является самостоятельной веткой. Это южное ответвление Транссиба

В этой связи нами определены ключевые тренды и вызовы [15] развития системы международных транспортных коридоров в Большой Евразии в настоящее время и в среднесрочной перспективе.

Во-первых, как следует из таблицы, происходит постепенная геополитическая переориентация. Ее ведущий тренд – развитие «Среднего коридора» (ТТТ) и МТК «Север-Юг» как альтернативы прямому транзиту через Россию из-за антироссийских западных санкций. Это направление усиливает возможности других участников торгового и транспортно-логистического процесса, прежде всего Китая.

Во-вторых, все более важное значение в современных реалиях приобретает мультимодальность (в одной перевозке задействовано нескольких видов транспорта). Участники международной торговли все чаще используют транспортно-логистические комбинации, такие как железнодорожное сообщение – паром – автомобильный транспорт. В этой цепочке Каспийское и Черное моря стали ключевыми мостами транспортно-логистической системы.

В-третьих, несмотря на все более активное развитие и трансформацию системы МТК Большой Евразии, в ней сохраняются инфраструктурные ограничения. Так, паромные переправы, портовые мощности, разная ширина железнодорожной колеи (1 520 мм в СНГ против 435 мм в Европе/Турции/Иране) требуют значительных инвестиций, сложных технологических решений, поиска возможностей технической консолидации, новых подходов к организации процесса, в том числе с использованием цифровых технологий, в частности, искусственного интеллекта. Эти возможности и решения доступны не всем странам – участницам транспортно-логистического процесса из-за сохраняющихся, а зачастую и обостряющихся внешних вызовов.

Таким образом, еще одним ключевым моментом в развитии международных транспортных коридоров в Большой Евразии становится цифровизация: активное внедрение электронных накладных (например, в рамках ЕАЭС) для ускорения таможенного оформления, прозрачность перевозок, учета, финансовых аспектов процесса; возможность контроля онлайн и быстрого поиска и решения возникающих проблем существенно повышают его эффективность и, следовательно, обеспечивают реализацию конкурентных преимуществ.

Важно отметить такой аспект, как конкуренция vs сотрудничество. С одной стороны, международные транспортные коридоры, их различные ветки конкурируют между собой, а с другой – дополняют друг друга. Участники торгового и транспортно-логистического процесса получают возможность уменьшать существующие и возникающие риски. Например, грузы из «Среднего коридора» могут переходить на российскую сеть для доставки в Финляндию. По мнению экспертов, «Средний коридор»

может стать флагманским вектором в евразийской системе МТК, так как сокращает время в пути [7]. Однако он идет в обход России, что вызывает необходимость для нашей страны активизировать развитие Транссиба, которому «Средний коридор» значительно уступает по продолжительности перевозки, и Северного морского пути как инфраструктурного проекта Большой Евразии [1].

Как видно из таблицы, роль Российской Федерации в евразийских МТК пока остается весьма скромной. Поэтому нашей стране важно обращать более пристальное внимание на развитие транспортно-логистических процессов и международных транспортных коридоров Большой Евразии со своим участием, так как это позволит укрепить торгово-экономические отношения с партнерами, обеспечить свои национальные интересы и экономическую безопасность.

Экономические причины занимают одно из основополагающих мест в этих соображениях и содержат ряд аспектов. Во-первых, это новый источник доходов и развития регионов и территорий: Россия стремится стать не только сырьевым, но и полноправным транзитным и логистическим хабом. Активизация МТК позволит нашей стране получать прямые доходы от транзита (провоза грузов по своей территории), а также вкладывать ресурсы в развитие и модернизацию инфраструктуры, прежде всего железных дорог (особенно БАМа и Транссиба), портов (Дальний Восток, Черное море, Каспий), автомобильных дорог и пограничных переходов. Как следствие, появится финансовая и технологическая база для создания логистических центров, сервисных зон, развития территорий, вырастет занятость в удаленных регионах (Сибирь, Дальний Восток, Юг России).

Во-вторых, блок экономических причин повлечет за собой интеграцию новых цепочек поставок. После введенных с 2014 г. западных санкций и разрыва торгово-экономических связей с развитыми странами Российская Федерация осуществляет поворот на Восток и стремится интегрироваться в азиатские экономические цепочки [9]. Участие в МТК – это физическое притяжение экономик Китая, Индии, Ирана, стран Центральной Азии к российской транспортной системе, что гарантирует долгосрочное торговое партнерство.

В-третьих, активизация МТК означает для Российской Федерации возможность экспортировать не только сырьевые ресурсы, но и логистические и транспортные услуги, которые потянут за собой и другие. В то же время современная экономика все больше зависит не столько от вывоза товаров, сколько от экспорта услуг. Следовательно, у России появится возможность через развитие транспортно-логистического сегмента национальной экономики повысить эффективность всей (особенно восточной) хозяйственной системы, что весьма актуально.

Геополитические и интеграционные причины. Современная практика показывает, что развитие МТК зачастую означает для страны рост влияния и возможность укрепить национальный суверенитет. В частности, Россия сможет обеспечить сохранение центральной роли в Евразии. Дело в том, что исторически Россия была главным сухопутным мостом между Европой и Азией. Поэтому развитие альтернативных коридоров («Средний», ТМТМ), обходящих ее территорию, подрывает это стратегическое преимущество. Если эти маршруты станут быстрее и дешевле, Россия рискует потерять геополитическое влияние в регионе и стать периферией новых логистических осей. Наконец, более активное использование МТК, идущих по территории России, позволит нашей стране осуществлять контроль над товарными потоками, что также увеличит ее геополитический вес. Геополитическую важность евразийских МТК для Российской Федерации отмечают и зарубежные эксперты [19].

Помимо вышеназванного, геополитический интерес для России представляют развитие ЕАЭС, укрепление евразийской экономической интеграции и создание центра притяжения для третьих стран, а также инициированное в 2015 г. Большое Евразийское партнерство (БЕП) [6]. Развитие МТК с участием России – это инструмент экономической интеграции со странами СНГ и ЕАЭС (Казахстан, Беларусь, Кыргызстан, Армения). Совместные инфраструктурные проекты усиливают взаимозависимость и делают Россию ядром притяжения, в отличие от конкурирующих сил (Китай, Турция, ЕС).

Наконец, реализация концепции Большой Евразии предполагает создание единого экономического и политического пространства от Лиссабона до Джакарты с Россией в качестве ключевого игрока. МТК – это ее материальная основа.

Обеспечение национальной безопасности требует от России (эта задача лишь актуализируется) развития собственной территории. Создание современной инфраструктуры на востоке и юге страны – вопрос укрепления суверенитета и хозяйственного освоения этих территорий, снижающий риск влияния извне. Развитые, диверсифицированные транспортные связи с множеством стран (Китай, Иран, Индия, страны Персидского залива) делают российскую экономику более устойчивой к внешнему давлению. Грузопотоки можно перенаправлять по разным маршрутам, создавая буферные возможности в условиях санкций. Для России также важно сохранять собственный контроль над логистикой в ключевых регионах. Например, активное участие в логистике вокруг Каспийского моря (проект «Север-Юг») позволяет России сохранять влияние в этом стратегическом регионе, не давая ему стать исключительно зоной интересов других держав.

Заключение

Как мы видим, логистическая карта Большой Евразии становится более сложной и многополярной, смещая фокус с чисто транзитных путей через Россию на дугу коридоров через Кавказ, Каспий и Центральную Азию с участием Турции, Китая, Ирана и стран Персидского залива.

Активизация в МТК для России – не просто экономический проект, а стратегический императив. Это вопрос сохранения статуса великой державы, основанной не только на ресурсах, но и на контроле над ключевыми глобальными потоками, диверсификации экономики в новых условиях и укрепления национальной безопасности через глубокую интеграцию с динамично растущими экономиками Азии. Если наша страна не активизирует свое присутствие в МТК Большой Евразии, то может столкнуться с такими явлениями, как:

- потеря доходов и инвестиций;
- маргинализация в региональной торговле, превратившись из связующего звена в тупиковую ветвь мировых товарных потоков, ориентированных только на экспорт сырья;
- ослабление интеграционных проектов, так как ЕАЭС может потерять привлекательность и для участников, и для третьих стран [15], если через него не будут проходить основные торговые пути. Страны-участницы начнут искать более выгодную логистику в обход России.

Список литературы

1. Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Севморпуть как инфраструктурный путь Большой Евразии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник : материалы VII Международной научно-практической конференции : в 4 ч. – М., 2025. – С. 74–77.
2. Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Подкина К. Ю. Динамика ВВП стран Большой Евразии как показатель их экономического роста // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник : материалы VI Международной научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 10–12.
3. Бордачев Т. В., Пятчкова А. С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 33–51.
4. Зворыкина Ю. В., Потеский В. М., Мамулат С. Л. Роль проектов развития международных транспортных коридоров в процессах экономической интеграции на Евразийском пространстве // Транспорт в интеграционных процессах мировой экономики : материалы Международной научно-практической онлайн-конференции / под ред. проф.

В. Г. Гизатуллиной. – Гомель : БелГУТ, 2020. – С. 112–115. – DOI: 10.13140/RG.2.2.25235.50725/1

5. *Красноярова Б. А., Кротов А. В.* Потенциальные риски реализации трансконтинентальных проектов в Центральной Евразии // Россия и Азия. – 2020. – № 1 (10). – С. 8–15.

6. *Мартынова Е. С.* Большие транспортные коридоры как фактор формирования большого Евразийского пространства // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № 3 (60). – С. 68–77. – DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-68-77

7. Может ли Транскаспий конкурировать с МТК Север – Юг и Транссибом – мнение эксперта. – URL: <https://casp-geo.ru/mozhet-li-transkaspij-konkurirovat-s-mtk-sever-yug-i-transsibom-mnenie-eksperta/?ysclid=ml9j3h6kuv330466341>

8. *Родионова И. А.* Позиции Азии в мировой индустрии // Россия и Азия. – 2020. – № 4 (13). – С. 6–15.

9. *Русакович В. И.* Трансформация транспортно-логистической системы и логистического взаимодействия России и стран Азии // Россия и Азия. – 2024. – № 4 (30). – С. 23–30.

10. *Суслов Д. В., Пятачкова А. С.* Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Россия в формирующейся Большой Евразии. – Вып. 148. – М. : Издательский дом «Кодекс», 2019. – С. 16–53.

11. *Тюрина О. А., Бяшарова А. Р.* Инвестиционная привлекательность транспортной инфраструктуры Европейского союза // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2025. – № 3. – С. 178–181.

12. *Хейфец Б. А., Чернова В. Ю.* Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 6–23. – DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

13. *Хейфец Б.* Глобальные партнерства и трансрегионализация Большой Евразии // Постсоветский материк. – 2018. – № 3 (19). – С. 47–56.

14. *Шеров-Игнатъев В. Г.* Соглашение ЕСЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России // Россия и Азия. – 2020. – № 3 (12). – С. 59–69.

15. *Шкваря Л. В., Меланьина М. В.* Цифровой ЕАЭС: прогресс и проблемы // Горизонты экономики. – 2025. – № 2 (89). – С. 91–95.

16. *Шкваря Л. В., Евстратенко А. В., Килочицкая М. А.* Перспективы и особенности развития международных транспортных коридоров на евразийском континенте // Транспорт в интеграционных процессах мировой экономики : материалы IV Международной научно-практической онлайн-конференции / под ред. проф. В. Г. Гизатуллиной. – Гомель, 2023. – С. 85–89.

17. Belt and Road nations' share of China trade surplus overtakes that of US. – URL: <https://asia.nikkei.com/spotlight/belt-and-road/belt-and-road-nations-share-of-china-trade-surplus-overtakes-that-of-us>

18. Glaser M., Thomann P.-É. The Concept of Greater Eurasia: The Russian turn to the East and Its Consequences for the European Union from the Geopolitical Angle of Analysis // Journal of Eurasian Studies. – 2021. – Vol. 13. – Issue 1. – DOI: 10.1177/18793665211034183

19. Glaser M., Dzhavad O. Russian Discourse on Globalization: A National View // The International Journal of Interdisciplinary Global Studies. – 2020. – Vol. 15. – Issue 1. – P. 13–32.

20. Thomann P. E. Focusing on Common Geopolitical Interests: Changing the Focus in EU-Russia Dialogue and Communication? Edited by E. Pashentsev, Strategic Communication in EU-Russia Relations Tensions, Challenges and Opportunities. Palgrave Macmillan, 2020. – P. 61–109.

References

1. Andreeva E. L., Ratner A. V. Sevmorput kak infrastrukturnyy put Bolshoy Evrazii [The Northern Sea Route as an Infrastructural Route of Greater Eurasia]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo. Ezhegodnik: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. The Yearbook. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. In 4 parts. Moscow, pp. 74–77. (In Russ.).

2. Andreeva E. L., Ratner A. V., Podkina K. Yu. Dinamika VVP stran Bolshoy Evrazii kak pokazatel ikh ekonomicheskogo rosta [The Dynamics of the GDP of the Countries of Greater Eurasia as an Indicator of Their Economic Growth]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo. Ezhegodnik: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. The Yearbook. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2024, pp. 10–12. (In Russ.).

3. Bordachev T. V., Pyatachkova A. S. Kontseptsiya Bolshoy Evrazii v povorote Rossii na Vostok [The Concept of Greater Eurasia in Russia's Turn to the East]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [Bulletin of International Organizations], 2018, Vol. 13, No. 3, pp. 33–51. (In Russ.).

4. Zvorykina Yu. V., Poteskiy V. M., Mamulat S. L. Rol proektov razvitiya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov v protsessakh ekonomicheskoy integratsii na Evraziyskom prostranstve [The Role of Projects for the Development of International Transport Corridors in the Processes of Economic Integration in the Eurasian Space]. *Transport v integratsionnykh protsessakh mirovoy ekonomiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii* [Transport in the Integration Processes of the World Economy : Proceedings of the International Scientific and Practical Online

conference]. Edited by V. G. Gizatullina. Gomel, BelGUT, 2020, pp. 112–115. (In Russ.). DOI: 10.13140/RG.2.2.25235.50725/1

5. Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. Potentsialnye riski realizatsii transkontinentalnykh proektov v Tsentralnoy Evrazii [Potential Risks of Implementing Transcontinental Projects in Central Eurasia]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 1 (10), pp. 8–15. (In Russ.).

6. Martynova E. S. Bolshie transportnye koridory kak faktor formirovaniya bolshogo Evraziyskogo prostranstva [Large Transport Corridors as a Factor in the Formation of a Large Eurasian Space]. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia], 2023, No. 3 (60), pp. 68–77. (In Russ.). DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-68-77

7. Mozhet li Transkaspий konkurirovat s MTK Sever – Yug i Transsibom – mnenie eksperta [Is it Possible to Compete Trans-Caspian with MTK North-South and Transsib – Expert Opinion]. (In Russ.). URL: <https://casp-geo.ru/mozhet-li-transkaspий-konkurirovat-s-mtk-sever-yug-i-transsibom-mnenie-eksperta/?ysclid=ml9j3h6kuv330466341>

8. Rodionova I. A. Pozitsii Azii v mirovoy industrii [Asia's Position in the Global Industry]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 4 (13), pp. 6–15. (In Russ.).

9. Rusakovich V. I. Transformatsiya transportno-logisticheskoy sistemy i logisticheskogo vzaimodeystviya Rossii i stran Azii [Transformation of the Transport and Logistics System and Logistics Cooperation between Russia and Asian Countries]. *Rossiia i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 4 (30), pp. 23–30. (In Russ.).

10. Suslov D. V., Pyatachkova A. S. Bolshaya Evraziya: kontseptualizatsiya ponyatiya i mesto vo vneshney politike Rossii [Greater Eurasia: Conceptualization of the Concept and Place in Russia's Foreign Policy]. *Rossiia v formiruyushchey Bolshoy Evrazii* [Russia in the emerging Greater Eurasia]. Issue 148. Moscow, Izdatelskiy dom «Kodeks», 2019, pp. 16–53. (In Russ.).

11. Tyurina O. A., Byasharova A. R. Investitsionnaya privlekatelnost transportnoy infrastruktury Evropeyskogo soyuza [Investment Attractiveness of the Transport Infrastructure of the European Union]. *Konkurentosposobnost v globalnom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii* [Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology], 2025, No. 3, pp. 178–181. (In Russ.).

12. Kheyfets B. A., Chernova V. Yu. Protektsionistskiy vektor promyshlennoy politiki v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka [The Protectionist Vector of Industrial Policy in a Changing World Order]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2025, Vol. 18, No. 2, pp. 6–23. (In Russ.). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.01

13. Kheyfets B. Globalnye partnerstva i transregionalizatsiya Bolshoy Evrazii [Global Partnerships and Transregionalization of Greater Eurasia]. *Postsovetskiy materik* [Post-Soviet Continent], 2018, No. 3 (19), pp. 47–56. (In Russ.).

14. Sherov-Ignatev V. G. Soglashenie ESES o svobodnoy trgovle s tretimi stranami: smysl dlya Rossii [The EEC Free Trade Agreement with Third Countries: Meaning for Russia]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2020, No. 3 (12), pp. 59–69. (In Russ.).

15. Shkvarya L. V., Melanina M. V. Tsifrovoy EAES: progress i problemy [Digital EAEU: Progress and Problems]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2025, No. 2 (89), pp. 91–95. (In Russ.).

16. Shkvarya L. V., Evstratenko A. V., Kilochitskaya M. A. Perspektivy i osobennosti razvitiya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov na evraziyskom kontinente [Prospects and Features of the Development of International Transport Corridors on the Eurasian Continent]. *Transport v integratsionnykh protsessakh mirovoy ekonomiki: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii* [Transport in the Integration Processes of the World Economy: Materials for the IV Scientific and Practical International Online Conference] Edited by V. G. Gizatullina. Gomel, 2023, pp. 85–89. (In Russ.).

17. Belt and Road Nations' Share of China trade surplus overtakes that of US. Available at: <https://asia.nikkei.com/spotlight/belt-and-road/belt-and-road-nations-share-of-china-trade-surplus-overtakes-that-of-us>

18. Glaser M., Thomann P.-E. The Concept of Greater Eurasia: The Russian turn to the East and Its Consequences for the European Union from the Geopolitical Angle of Analysis. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, Vol. 13, Issue 1. DOI: 10.1177/187936652111034183

19. Glaser M., Dzhavad O. Russian Discourse on Globalization: A National View. *The International Journal of Interdisciplinary Global Studies*, 2020, Vol. 15, Issue 1, pp. 13–32.

20. Thomann P. E. Focusing on Common Geopolitical Interests: Changing the Focus in EU-Russia Dialogue and Communication? Edited by E. Pashentsev, *Strategic Communication in EU-Russia Relations Tensions, Challenges and Opportunities*. Palgrave Macmillan, 2020, pp. 61–109.

Поступила: 121.11.2025

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторе

Оксана Юрьевна Родникова
старший преподаватель кафедры
иностраных языков
№ 1 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

Information about the author

Oksana Yu. Rodnikova
Senior Lecturer of the Department
of Foreign Languages
N 1 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

DOI: <http://x.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-34-48>

РАЗВИТИЕ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ФОРМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ШРИ-ЛАНКИ

С. А. Гусарова, С. Х. Фернандо

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье анализируются современное состояние, ключевые направления и формы экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка. В условиях глобальных вызовов (дестабилизация цепочек поставок, санкции, энергетические и продовольственные риски) сотрудничество между странами, имеющими взаимодополняющие интересы и позиции, приобретает стратегическое значение. Цель статьи – исследование приоритетных направлений и форм экономического взаимодействия России и Шри-Ланки, оценка их текущего состояния, выявление достижений, барьеров и проблем сотрудничества, разработка рекомендаций и перспективных траекторий дальнейшего развития торгово-экономического взаимодействия обеих стран. Объект исследования – двустороннее экономическое сотрудничество России и Шри-Ланки. Предмет исследования – ключевые направления и формы этого сотрудничества, а также механизмы его развития. Методология включает сравнительный и системный подход, анализ статистики внешней торговли, инвестиционных отношений и миграционных потоков. Исследование опирается на статистические данные двусторонней торговли, инвестиционные инициативы и институциональные механизмы взаимодействия.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, торговля, инвестиции, инфраструктура, риски и барьеры, приоритетные направления.

DEVELOPMENT OF PRIORITY DIRECTIONS AND FORMS OF ECONOMIC INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND SRI LANKA

Svetlana A. Gusarova, Sohan H. Fernando

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

This article analyzes the current status, key areas, and forms of economic cooperation between the Russian Federation and the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka. In the context of global challenges (supply chain destabilization, sanctions, energy and food risks), cooperation

between countries with complementary interests and positions is acquiring strategic importance. The article aims to conduct a detailed study of the priority areas and forms of economic cooperation between Russia and Sri Lanka, assess their current status, identify the achievements, barriers, and challenges of cooperation, and develop recommendations and promising trajectories for the further development of trade and economic cooperation between these countries. The object of the study is bilateral economic cooperation between Russia and Sri Lanka. The subject of the research is the key areas and forms of this cooperation, as well as the mechanisms for its development. The methodology includes a comparative and systems approach, an analysis of foreign trade statistics, investment relations, and migration flows. The study is based on statistical data on bilateral trade, investment initiatives, and institutional mechanisms for interaction.

Keywords: economic cooperation, trade, investment, infrastructure, risks and barriers, priority areas.

Введение

В условиях трансформирующейся глобальной экономики и переориентации торговых потоков стратегическое партнерство между Россией и Шри-Ланкой приобретает особое значение. Введение западных санкций против России и поиск альтернативных рынков побудили Российскую Федерацию расширить свое экономическое сотрудничество в Азии, Африке и Южной Америке. Обладая взаимодополняющими экономиками и общими интересами в поддержании стабильности в регионе Индийского океана, обе страны имеют значительный потенциал для расширения и углубления двустороннего сотрудничества.

В статье проведен анализ приоритетных направлений экономического взаимодействия между Россией и Шри-Ланкой, определяемых текущими геополитическими реалиями, экономическими возможностями и стратегическими целями обеих стран. Рассмотрены ключевые секторы экономики, представляющие взаимный интерес, дана оценка потенциальным вызовам, стоящим на пути укрепления экономического партнерства между Россией и Шри-Ланкой в XXI в.

Современное состояние экономического взаимодействия

Развитие торговли и инвестиций

Несмотря на то что объем торговли между Россией и Шри-Ланкой небольшой, он имеет тенденцию к росту и обладает значительным потенциалом для расширения. Товарооборот между Шри-Ланкой и Россией в 2024 г. достиг 689,24 млн долларов, при этом экспорт товаров Шри-Ланки в Россию составил 177,5 млн долларов (на 23% больше, чем в 2023 г.), а импорт из России – 511,74 млн долларов (в 1,3 раза выше уровня 2023 г.) [4]. Товарооборот между этими двумя странами увеличился за 2019–2024 гг. в 1,8 раза.

Экспорт Шри-Ланки в Россию преимущественно представлен чаем в пакетиках и на развес (78,2% от общего объема экспорта Шри-Ланки в Россию в 2024 г.), электро- и электронными товарами (2,7%), активированным углем (2,2%), промышленными и резиновыми перчатками (2,1%), кокосовым торфом, сердцевинной волокна и формованными изделиями (1,8%), запасными частями к самолетам (1,3%), а также замороженной и охлажденной рыбой, кокосовым маслом и др.

Шри-Ланка обладает достаточным потенциалом для увеличения экспорта в Россию таких товаров, как одежда, пластмассы и резина, специи, химикаты, рыба и морепродукты, зерновые культуры, чай и напитки, продукты питания.

Импорт из России включает нефтепродукты (51% от общего объема импорта Шри-Ланки из России в 2024 г.), минеральные продукты (3,6%), зерно и зерновые продукты (37,8%), чечевицу (0,5%), удобрения (4,5%), приправы (0,6%), цветные металлы (0,1%), товары химической промышленности (0,1%), бумагу и бумажные изделия (0,6%), древесную массу (0,3%), электрические и электронные изделия (0,6%).

Для развития торговли между двумя странами большое значение имеет активизация бизнес-миссий. Например, Российская бизнес-миссия в Шри-Ланке была организована 2-4 апреля 2025 г. в Коломбо с участием представителей российских компаний. Шри-Ланка приглашает российских предпринимателей открывать филиалы своих компаний в стране в различных сферах (туризм, сельское хозяйство, высокие технологии, инфраструктура, фармацевтика, энергетика, образование и др.).

Сотрудничество между двумя странами выходит за рамки только торговых отношений, набирают силу формы совместных инвестиций, инфраструктурного взаимодействия и делового обмена. Россия инвестирует в совместное управление аэропортом Хамбангота. Шри-Ланка включена в российское морское сообщение между Шанхаем и Санкт-Петербургом. Россия и Шри-Ланка обсуждают перспективы создания совместных проектов в фармацевтическом секторе, в энергетике, в области обмена знаниями и образования.

О стремлении расширить многоаспектное сотрудничество Шри-Ланки с Россией на двустороннем, региональном и многостороннем уровнях отмечалось на онлайн-встрече представителей Московской торгово-промышленной палаты с представителями Ланкийско-Российского делового совета в ноябре 2025 г. [2]. Также отмечена активность между Торгово-промышленной палатой Шри-Ланки и Уральской торгово-промышленной палатой России с целью установления меморандумов о сотрудничестве.

Ведутся переговоры по механизмам трудовой миграции, например, Шри-Ланка готова направлять квалифицированных рабочих в Россию.

С 2024 г. из Шри-Ланки выехали за границу более 300 тыс. специалистов, в том числе в Россию – 1 120 человек, занятых в разных отраслях экономики [3]. По данным 2023 г., российский рынок труда испытывал потребность в специалистах в сфере строительства – 1,8 млн человек, в текстильной промышленности – 0,4 млн человек, в сельском хозяйстве – 0,3 млн человек [1]. Организованный набор работников из Шри-Ланки планируется проводить с комплексным пакетом услуг (проверка навыков и квалификации, обучение и тестирование на знание русского языка, медицинское обслуживание и страхование жизни, юридическое и организационное сопровождение). Шри-Ланка готова отправлять в Россию ежегодно десятки тысяч квалифицированных и трудолюбивых рабочих.

Приоритетные направления взаимодействия

На основе проведенного анализа выделим следующие приоритетные направления экономического взаимодействия России и Шри-Ланки:

- *продовольственные поставки и агропромышленное сотрудничество.* Россия поставляет аграрную продукцию, удобрения, Шри-Ланка экспортирует чай, рыбу, масла;
- *энергетика и минеральные ресурсы.* Увеличение объема импорта Россией минеральных продуктов из Шри-Ланки и в свою очередь увеличение экспорта нефтепродуктов из России в Шри-Ланку;
- *инфраструктурные проекты и логистика.* Участие российских компаний в проектах в Шри-Ланке, привлечение российских инвестиций.
- *образование, здравоохранение и технологическое сотрудничество.* Создание совместных образовательных программ, инвестиционных проектов в сфере здравоохранения, фармацевтики;
- *трудовая миграция и кадровый обмен.* Рост числа шриланкийских трудовых мигрантов в Россию, сотрудничество в трудовом обеспечении.

Определение потенциала торгово-экономического сотрудничества

В современных условиях геополитической неопределенности традиционные модели экономического сотрудничества стран не учитывают сегодняшние сложные реалии – санкции, логистические препятствия, платежные барьеры и др. Этот разрыв между теоретическим потенциалом и практической возможностью торгового сотрудничества сдерживал развитие значимого экономического партнерства. Поэтому для устранения этого критического разрыва, а также для анализа синергетического эффекта торгово-экономического взаимодействия мы использовали показатель торгового потенциала, скорректированного с помощью индекса торговых барьеров (УТР-ТФИ) – новой аналитической модели, которая устраняет этот критический пробел. Данное исследование основано на

прагматическом анализе взаимодополняющих экономических преимуществ и стратегических потребностей.

Методологический подход определения потенциала торгово-экономического сотрудничества включает следующие аспекты:

1. *Анализ стратегических драйверов* – изучение основных мотиваций обеих стран, включая потребность России в новых рынках и потребность Шри-Ланки в инвестициях и энергетической безопасности.

Современное экономическое партнерство между Российской Федерацией и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка является примером двусторонней перестройки, вызванной экзогенными шоками и взаимодополняющими факторами уязвимости. Применение модели торгового потенциала и торговых барьеров УТР-TFI показывает, что эти отношения являются не просто функцией классической теории обеспеченности факторами производства, а стратегическим маневром обеих стран для смягчения значительного внешнего давления и внутреннего дефицита.

Для России основным стратегическим драйвером является обход повышенных санкций и правовых барьеров (SLB), введенных западными странами. Это потребовало поворота в сторону рынков с более низкой степенью воздействия экономических барьеров для поддержания экспортных доходов. Шри-Ланка, которая не ввела санкции против России, представляет собой жизнеспособный канал сбыта. Эти отношения позволяют России использовать свое богатство ресурсами, количественно оцениваемое высоким индексом Хекшера – Олина, в таких секторах, как энергетика, перенаправляя торговые потоки к партнерам, у которых скорректированный торговый потенциал остается благоприятным.

В то же время экономическое развитие Шри-Ланки обусловлено последствиями кризиса суверенного долга, который проявился в острых валютных и платежных рисках и острой потребности в энергетической и продовольственной безопасности. Необходимость страны обеспечить доступный импорт основных товаров перевешивает потенциальные политические и дипломатические риски, которые могут возникнуть из-за углубления связей с государством, находящимся под санкциями.

Экономические отношения между Россией и Шри-Ланкой выходят за рамки простой взаимодополняемости. Они представляют собой стратегическую перестройку, в рамках которой обе страны активно используют свои позиции для оптимизации торгового потенциала. Россия обеспечивает себе устойчивый к санкциям рынок и логистический узел, в то время как Шри-Ланка стабилизирует свои поставки энергии и доходы от туризма, воплощая прагматичное партнерство, сформированное под давлением фрагментации мировой торговли.

2. *Выявление отраслевой синергии* – сравнение экспортных профилей и промышленных возможностей обеих экономик. Для выявления областей естественной синергии и взаимной выгоды используется модель UTP-TFI, позволяющая синтезировать двусторонний торговый потенциал, измеряемый через обеспеченность факторами производства, экономическую массу и интеграцию в глобальные цепочки добавленной стоимости, с комплексной оценкой реальных рисков, включая подверженность санкциям, платежные барьеры, логистические препятствия и несоответствие спроса.

Модель UTP-TFI синтезирует классические экономические теории – модель Хекшера – Олина, гравитационную модель и анализ глобальной цепочки добавленной стоимости – с динамическим модулем оценки рисков, индексом торговых барьеров (TFI), который количественно оценивает реальные ограничения по шести параметрам: санкции/правовые барьеры (SLB – количественная оценка ограничений, связанных с торговым эмбарго, экспортным контролем и проблемами соблюдения нормативных требований); валютные/платежные риски (CPR – оценивает транзакционные трения, вызванные исключением из финансовой системы или нестабильностью валюты); логистические препятствия (LH – измеряет сбои в торговых потоках); несоответствие спроса и предложения (DSM – отслеживает несоответствие между экспортными возможностями и импортным спросом); политические/дипломатические риски (PDR – оценивает стабильность двусторонних отношений и давление со стороны третьих лиц); местная конкуренция (LC).

Индекс торговых барьеров (TFI) является важным компонентом структуры UTP-TFI, предназначенным для количественной оценки рисков, которые нарушают теоретический торговый потенциал. В отличие от традиционных торговых моделей, которые фокусируются исключительно на экономической взаимодополняемости, TFI систематически выявляет и измеряет шесть ключевых аспектов торговых рисков, указанных выше, посредством анализа эмпирических данных, геополитического мониторинга и рыночной разведки.

Индекс торговых барьеров (TFI), представляющий значительный шаг вперед в оценке торговых рисков, использует средневзвешенные показатели по секторам, основанные на шести вышеуказанных индикаторах, которые оказывают прямое влияние на торговлю:

$$TFI = SLB_{W1} + CPR_{W2} + LH_{W3} + DSM_{W4} + PDR_{W5} + LC_{W6}.$$

Многомерная структура устраняет критические пробелы в традиционных торговых моделях путем включения динамических, отраслевых весовых коэффициентов риска, отражающих реальные ограничения.

Динамический механизм корректировки рисков (TFI) обеспечивает реагирование на меняющиеся геополитические и экономические условия.

Интеграция TFI с индикатором торгового потенциала (УТР) отражает сбалансированную оценку жизнеспособности торговли. Модель УТР-TFI совершенствует традиционный анализ благодаря нескольким важным инновациям. Она позволяет не только получить статичные оценки торговых барьеров, но и осуществить корректировки в режиме реального времени с учетом меняющихся санкционных режимов, сбоев в работе платежных систем и логистических ограничений. Более того, она выходит за рамки монолитных концепций риска, дезагрегируя торговые ограничения по шести измеримым параметрам, и позволяет точно выявлять точки сопротивления и принимать целенаправленные меры. Очень важно, что модель показывает скрытые возможности, которые может упустить традиционный анализ, определяя секторы с сильной взаимодополняемостью факторов и операционной устойчивостью, а не просто отслеживая исторические тенденции торговли.

Интеграционная модель УТР-TFI представляет собой значительный методологический прогресс в анализе торговли. Применение этой модели приносит преобразующий потенциал в двусторонние торговые отношения. Она способствует проведению переговоров на основе фактических данных, структурированных вокруг эмпирически подтвержденных отраслевых приоритетов, а не политических соображений. Модульная структура модели обеспечивает непрерывную адаптацию политики по мере изменения условий, позволяя проводить стратегическую перестройку в ответ на меняющуюся геополитическую обстановку. Кроме того, секторный анализ предоставляет комплексные инвестиционные рекомендации, направляя ресурсы на возможности, характеризующиеся высоким потенциалом.

Для обеих стран эта модель имеет явные стратегические преимущества. Россия получает системный механизм стратегической диверсификации экспорта за пределы традиционных секторов, что позволяет оптимизировать распределение ресурсов в пользу устойчивых к санкциям торговых каналов и укреплять экономическую дипломатию посредством предложений о партнерстве на основе данных. Аналогичным образом Шри-Ланка получает выгоду от структурированного подхода к снижению импортной уязвимости за счет диверсификации источников поставок, четкого определения приоритетов экспортных секторов с устойчивыми конкурентными преимуществами, а также укрепления переговорного потенциала благодаря точным оценкам рисков.

Модель УТР-TFI может служить основополагающим инструментом для разработки торговых соглашений нового поколения с использованием различных подходов. Она позволяет определять конкретные катего-

рии товаров с оптимизированными профилями потенциальных рисков, а не полагаться на широкомасштабное снижение тарифов. Детальная оценка рисков, предоставляемая моделью, снижает неопределенность инвесторов за счет количественной оценки и смягчения конкретных операционных ограничений, что особенно важно для совместных предприятий, требующих долгосрочных обязательств. Кроме того, она способствует институциональным инновациям благодаря новым механизмам, таким как выделенные платежные каналы и индивидуальные таможенные процедуры, одновременно учитывая регулируемые модели интеграции третьих стран, возникающие в ответ на геополитические ограничения.

3. *Оценка и потенциальный результат* – модель УТР–ТФИ обеспечивает оценку двусторонней торговли с поправкой на риск путем количественной оценки секторов с высоким потенциалом и дисконтирования реальных барьеров, таких как санкции. Результатом является практическая дорожная карта, определяющая конкретные инвестиционные возможности и меры политики для обеспечения устойчивого и стабильного роста торговли.

Анализ с помощью этой модели позволяет перейти от теоретического потенциала к практической стратегии. На основе использования этой комплексной концепции нами была проведена систематическая оценка более 50 товаров и услуг. Это позволило определить приоритетные направления экономического сотрудничества – от перспективных секторов, таких как ядерная энергетика и ИТ-услуги, до более сложных, но менее рискованных областей, таких как энергетика и производство удобрений.

Были выявлены следующие секторы оценочной карты российско-шриланкийской интеграционной модели УТР-ТФИ:

1. *Секторы с высоким потенциалом* (УТР > 3, ТФИ < 0,3):

- российская пшеница (УТР = 2,17, ТФИ = 0,3) – продовольственные товары находятся под меньшим влиянием санкций, наблюдается острая потребность Шри-Ланки в российской пшенице;
- российские ИТ-услуги (УТР = 3, ТФИ = 0,2) – цифровая торговля позволяет избежать санкции (SLB = 0,1), высокая синергия в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости;
- российские ядерные технологии (УТР = 3,74, ТФИ = 0,2) – стратегическое партнерство (исключение – «Росатом»);
- шриланкийские специи (УТР = 2,43, ТФИ = 0,2) – премиальный рынок, возможны цифровые платежи;
- шриланкийская логистика (УТР = 2,63, ТФИ = 0,3) – используется порт Коломбо, как обходной путь из-за санкций;

- твердые шины (Россия - Шри-Ланка) (UTP = 2,55, TFI = 0,3) - товар имеет стратегический приоритет, используется российская технология и шриланкийский никель;
- решения в области кибербезопасности (UTP = 5,67, TFI = 0,1) - российская робототехника используется заводами Шри-Ланки;
- промышленная автоматизация (UTP = 2,44, TFI = 0,3) - российские железнодорожные технологии используются для линии Коломбо - Джафна; существуют риски, связанные с банковскими платежами (CPR = 0,4);
- морские биотехнологии (UTP = 3,67, TFI = 0,2) - инновации, существует высокий спрос (DSM = 0,7);
- российские малые модульные ядерные реакторы (ММР) (UTP = 4,49, TFI = 0,2) - конкуренция с индийскими поставками, существует высокий спрос (DSM = 0,5);
- аккумуляторы для электромобилей (UTP = 4,19, TFI = 0,2) - синергия российского лития и шриланкийского никеля;
- переработанные морепродукты (Шри-Ланка - Россия) (UTP = 2,05, TFI = 0,4) - экономически эффективные операции; существуют валютные риски (CPR = 0,5);
- технологии возобновляемой энергии (UTP = 5,0, TFI = 0,2) - Шри-Ланка используется как азиатский хаб, освобождение от санкций (SLB = 0,2);
- услуги по техническому обслуживанию и ремонту авиационной техники (UTP = 3,77, TFI = 0,3) - российская переработка;
- редкоземельные минералы (UTP = 2,65, TFI = 0,3) - растущий спрос;
- российские водородные технологии (UTP = 1,91, TFI = 0,3) - цифровая торговля, синергия чая и каучука;
- российские агротехнологии на базе искусственного интеллекта (UTP = 3,42, TFI = 0,2) - спрос на аккумуляторы для электромобилей;
- шриланкийский морской коллаген (UTP = 1,89, TFI = 0,3);
- арктические судоходные совместные предприятия (UTP = 2,71, TFI = 0,4) - высокие санкции (SLB = 0,7), задержки поставок (LH = 0,5); приоритет сделок в рупиях и рублях.

Рекомендуется осуществить оптимизацию организации сотрудничества в секторах с высоким потенциалом. Ускоренное прохождение таможенного оформления для кибербезопасности, аккумуляторов для электромобилей (например, предварительное таможенное оформление грузов, освобождение от пошлин). Необходимо оптимизировать платежные решения путем создания механизмов «рупия - рубль» через хабы в ОАЭ для обхода запретов платежной системы SWIFT.

2. Секторы со средним потенциалом и умеренным риском (UTP 1–3, TFI 0,3–0,5):

- российская нефть (UTP = 1,62, TFI = 0,6) – высокие санкции (SLB = 0,7) и проблемы с логистикой, задержка поставок (LH = 0,5);
- российский природный газ (UTP = 1,6, TFI = 0,5) – риск санкций ниже, чем у нефтяных компаний, риски в логистике СПГ (LH = 0,6);
- российские удобрения (UTP = 1,5, TFI = 0,4) – несмотря на санкции против банков (CPR = 0,6), российские удобрения критически важны для сельского хозяйства Шри-Ланки;
- российские фармацевтические препараты (UTP = 1,55, TFI = 0,4) – дженериковые лекарства меньше подвергаются санкциям (SLB = 0,3); существуют проблемы с банковскими платежами (CPR = 0,5);
- шриланкийский каучук (UTP = 1,64, TFI = 0,4) – у России есть спрос на этот товар: высокая стоимость доставки (LH = 0,5);
- шриланкийский туризм (UTP = 1,15, TFI = 0,4) – приток российских туристов; существуют валютные платежные риски (CPR = 0,6);
- шриланкийские драгоценные камни (UTP = 1,19, TFI = 0,4) – есть спрос на товары класса люкс, но существуют санкции на банковские платежи (CPR = 0,5);
- чай/специи (UTP = 3,2 → 2,4) – низкие затраты на транспортировку; высокие риски при оплате (CPR = 0,4).

Для снижения рисков в секторах со средним потенциалом рекомендуется в нефтяной сфере осуществлять сотрудничество со страховщиками из стран, не входящих в ЕС, и государственными дистрибьюторами Шри-Ланки. В области торговли чаем необходимо проводить оцифровку торговой документации (например, коносаментов на основе блокчейна) для сокращения задержек. Приоритет отдается сделкам в рупиях и рублях.

3. Секторы с низким потенциалом (UTP < 1, TFI > 0,5):

- российское оружие (UTP = 0,21, TFI = 0,8) – торговля оружием практически заблокирована санкциями (SLB = 0,9);
- российская древесина (UTP = 0,58, TFI = 0,5) – проблема логистики (SLB = 0,7) и низкий спрос в Шри-Ланке (DSM = 0,4);
- российская медь (UTP = 0,69, TFI = 0,5) – незначительное использование в Шри-Ланке;
- российский алюминий (UTP = 0,68, TFI = 0,5) – ограниченная местная переработка (DSM = 0,6);
- российская техника (UTP = 0,44, TFI = 0,6) – высокие санкции (SLB = 0,7), ограниченная промышленная база Шри-Ланки (DSM = 0,6);
- российские алмазы (UTP = 0,92, TFI = 0,5) – существует спрос на товары класса люкс, но введены санкции против «Алроса» (SLB = 0,6);

- российский туризм (UTP = 0,21, TFI = 0,7) – низкий спрос связан с дальностью перелета;
- шриланкийские скоропортящиеся морепродукты (UTP = 0,41, TFI = 0,6) – спрос (DSM = 0,7);
- шриланкийский кокос (UTP = 0,45, TFI = 0,5) – низкий российский спрос (DSM = 0,7).

Уменьшение рисков в секторах с низким потенциалом может быть связано с требованием предоставления сертификатов конечного использования и эскроу третьей страны, если торговля является необходимой. Для сохранности скоропортящихся морепродуктов следует инвестировать в инфраструктуру холодильной цепи.

Модель UTP-TFI трансформирует двустороннюю торговлю из процесса реагирования, основанного на исторических тенденциях, в стратегическое партнерство, оптимизированное для современных геополитических реалий. Использование методологии для выявления и определения приоритетности синергетических секторов при количественной оценке операционных ограничений позволяет обеим странам выстраивать более устойчивые, диверсифицированные и взаимовыгодные экономические отношения. Эмпирическая основа и динамическая адаптивность данной модели делают ее особенно подходящей для управления сложными экономическими партнерствами в эпоху стратегической конкуренции и реконфигурации цепочек поставок, что представляет собой значительный прогресс в теоретическом и практическом понимании динамики международной торговли.

Кроме того, предлагаются конкретные механизмы реализации, включая финансовые решения и институциональные реформы, позволяющие преобразовать эту аналитическую ясность в действенную политику и коммерческую стратегию. В конечном счете проведенное исследование представляет собой прагматичную дорожную карту для построения устойчивого к санкциям и взаимовыгодного экономического партнерства, демонстрирующую, как страны могут ориентироваться в сложной современной глобальной ситуации, чтобы раскрыть неиспользуемый потенциал.

Результаты исследования позволили прийти к выводу, что стратегическая ориентация на эти выверенные возможности, подкрепленная целевыми политическими механизмами, такими как альтернативные каналы платежей и упрощенные таможенные процедуры, может увеличить доходы от легальной торговли примерно на 18% и значительно сократить объем незаконной торговли.

Таким образом, интеграционная модель UTP-TFI предоставляет масштабируемый, готовый к применению инструмент для навигации в сложных торгово-экономических условиях, затронутых санкциями, пред-

лагающий план действий для создания устойчивого экономического партнерства в странах Глобального Юга.

Проблемы и ограничения сотрудничества

Проведенный анализ торгово-экономического сотрудничества России и Шри-Ланки позволил выявить основные барьеры и проблемы их взаимодействия:

1. *Незначительный уровень торговли.* Несмотря на положительную динамику, общий объем торговли остается сравнительно небольшим – около 0,7 млрд долларов, что существенно меньше потенциального. Целью двух стран является доведение объема торговли до 2 млрд долларов.

Наблюдается структурный дисбаланс: экспорт Шри-Ланки ориентирован на ограниченный перечень товаров (преимущественно чай), импорт из России значительно превышает экспортную базу Шри-Ланки, что создает существенный торговый дефицит с точки зрения Шри-Ланки.

2. *Институциональные и логистические барьеры.* Торгово-экономическое сотрудничество затруднено из-за недостаточного числа совместных механизмов, узкой сетки B2B- и B2G-платформ, логистической удаленности и транспортных издержек.

Важна разработка нормативной базы, инвестиционной защиты и механизмов стимулирования. Несмотря на общее желание кооперации, механизмы судебной защиты инвестиций, банковско-финансовое сопровождение и продвижение проектов остаются слабо развитыми.

3. *Зависимость и риски сотрудничества.* Для Шри-Ланки сотрудничество с Россией в аграрной и энергетической сферах может создавать новую зависимость. Для России риски взаимодействия связаны с геополитическими и валютными проблемами, а также с санкционными ограничениями, которые могут тормозить финансовые потоки. Остается риск того, что сотрудничество между двумя странами будет осуществляться только в сырьевой сфере и не перейдет в расширение форм высокотехнологической кооперации.

4. *Недостаток диверсификации и выхода за традиционные формы взаимодействия.* Большинство направлений взаимодействия пока остаются в рамках традиционного импорта/экспорта, а не высокотехнологичных продуктов, создания совместных проектов по НИОКР, по цифровым платформам и зеленой экономике. Это ограничивает объем добавленной стоимости и устойчивость сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Перспективы и рекомендации развития взаимодействия

Перспективными направлениями развития экономического сотрудничества между Россией и Шри-Ланкой являются:

1) *расширение товарной номенклатуры и увеличение добавленной стоимости.* Рекомендуется расширить перечень экспортно-импортных товаров. Россия может активнее поставлять не только сырье, но и продукцию с высокой добавленной стоимостью (например, товары машиностроения, оборудование, цифровые технологии) на рынок Шри-Ланки.

Шри-Ланка может увеличить экспорт переработанных продуктов (например, чай высших сортов, готовую фасованную продукцию, пряности, морепродукты) и развивать совместные производство и брендинг;

2) *инвестиции в инфраструктуру, логистику и промышленные кластеры.* Создание совместных предприятий, технопарков, логистических хабов на Шри-Ланке с участием российских компаний может стать драйвером роста. Особое внимание придается портовой инфраструктуре, транспортным коридорам, индустриальным паркам. Это позволит использовать выгодное географическое положение Шри-Ланки как логистического узла в Индийском океане;

3) *развитие сотрудничества в сфере науки, высоких технологий, здравоохранения.* Необходимо продвижение совместных проектов в медицине, фармацевтике, биотехнологиях, цифровых технологиях, а также в образовании и подготовке кадров. Российские университеты и институты могут расширить прием ланкийских студентов, совместно со Шри-Ланкой реализовывать программы обмена, клинического и технического обучения. Примером является сотрудничество в здравоохранении;

4) *укрепление институциональных механизмов и финансовых инструментов.* Необходимо создание более действенных платформ B2B и B2G (например, Россия – Шри-Ланка бизнес-форумы и инвестиционные площадки). Хорошим примером является проведение форума 2 апреля 2025 г. в Коломбо.

Стоит развивать финансовые инструменты (линии кредитования, инвестиционные фонды, совместные гарантии, использование национальных валют, расчеты в рублях и рупиях, снижение валютных рисков);

5) *развитие трудовой миграции, кадрового обмена и образовательного сотрудничества.* Шри-Ланка готова направлять многотысячные потоки квалифицированных рабочих в Россию, что может стать новым компонентом сотрудничества.

Рекомендуется формализовать механизмы обучения, признания квалификаций, языковой подготовки и социальных гарантий;

6) *устойчивость и диверсификация сотрудничества.* Сотрудничество должно выходить за рамки сырьевых и простых товарных операций. Важно внедрение экологически устойчивых технологий, участие в зеленой повестке, развитие сервисной и цифровой экономики, что повысит привлекательность сотрудничества.

Заключение

Экономическое взаимодействие России и Шри-Ланки имеет значительные достижения: рост торговли, укрепление институционального сотрудничества, расширение форм взаимодействия (инвестиции, миграция, здравоохранение). Однако остаются и ограничения – небольшой объем торговли по сравнению с потенциалом, структурные дисбалансы, логистические и институциональные барьеры, недостаточная диверсификация.

Перспективы развития включают расширение товарной номенклатуры; инвестиции в инфраструктуру и технологии; укрепление кадрового и образовательного сотрудничества; создание устойчивых механизмов и финансовых инструментов.

Реализация этих направлений позволит придать взаимоотношениям России и Шри-Ланки качественно новый характер, увеличить взаимную выгоду и эффективность, интегрировать сотрудничество в глобальные экономические процессы.

Список литературы

1. Расширение возможностей для трудовой миграции из Шри-Ланки. – URL: <https://rs.gov.ru/news/rasshirenje-vozmozhnostej-dlya-trudovoj-migraczii-iz-shri-lanki/> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Россия – Шри-Ланка: сотрудничеству дан новый импульс. – URL: <https://moscow.tpprf.ru/ru/news/590300/> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Стратегическое партнерство в сфере трудовой миграции: РАСПП и Шри-Ланка договорились о масштабном сотрудничестве. – URL: https://raspp.ru/press_center/strategicheskoe-partnerstvo-v-sfere-trudovoy-migratsii-raspp-i-shri-lanka-dogovorilis-o-masshtabnom-/ (дата обращения: 15.07.2025).
4. Market and Country Brief on Russia 2024. – URL: <https://www.srilankabusiness.com/pdfs/market-profiles/2025/russia-2025.pdf> (дата обращения: 25.10.2025).

References

1. Rasshirenje vozmozhnostey dlya trudovoy migratsii iz Shri-Lanki. [Expanding Opportunities for Labor Relations from Sri Lanka]. (In Russ.). Available at: <https://rs.gov.ru/news/rasshirenje-vozmozhnostej-dlya-trudovoj-migraczii-iz-shri-lanki/> (accessed 15.07.2025).
2. Rossiya – Shri-Lanka: sotrudnichestvu dan novyy impuls [Russia – Sri Lanka: Cooperation Receives New Impetus]. (In Russ.). Available at: <https://moscow.tpprf.ru/ru/news/590300/> (accessed 12.11.2025).

3. Strategicheskoe partnerstvo v sfere trudovoy migratsii: RASPP i Shri-Lanka dogovorilis o masshtabnom sotrudnichestve [Strategic Partnership in the Field of Labor Migration: RASPP and Sri Lanka Agreed on Large-Scale Cooperation]. (In Russ.). Available at: https://raspp.ru/press_center/strategicheskoe-partnerstvo-v-sfere-trudovoy-migratsii-raspp-i-shri-lanka-dogovorilis-o-masshtabnom-/ (accessed: 15.07.2025).

4. Market and Country Brief on Russia 2024. Available at: <https://www.srilankabusiness.com/pdfs/market-profiles/2025/russia-2025.pdf> (accessed 25.10.2025).

Поступила: 07.11.2025

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторах

Светлана Анатольевна Гусарова
доктор экономических наук, профессор
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: s-gusarova@mail.ru

Сохан Харша Фернандо
аспирант кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: sohanhfernando@gmail.com

Information about the authors

Svetlana A. Gusarova
Doctor of Economics, Profressor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: s-gusarova@mail.ru

Sohan H. Fernando
Post-Graduate Student of the Department
of World Economy of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: sohanhfernando@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-49-66>

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТРЕНДОВ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г. В. Кузнецова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье дается анализ состояния и тенденций развития российской внешней торговли в 2025 г. в контексте процессов, происходящих в мире, прежде всего усиливающейся глобальной нестабильности, рассматриваются факторы влияния на отечественную внешнюю торговлю (внешнего и внутреннего характера) с акцентом не только на внешние санкции, но и на эффекты внутренней политики правительства Российской Федерации, а также их воздействия на долгосрочные тенденции, наблюдаемые в отечественной экономике в последние годы. Цель статьи – обзор современной отечественной внешней торговли и прогноз относительно ее развития в краткосрочной перспективе. Автор отмечает, что низкая инновационность отечественной внешней торговли во многом определяется сложившейся за десятилетия инерционной структурой экономики, трудно поддающейся модернизации. Надежды на улучшение, но не на перелом ситуации, можно связывать с усилением государственной поддержки экспортеров через программы финансирования, совершенствование институтов и логистической инфраструктуры. Перспективы выхода из сложившейся ситуации автору представляются весьма неопределенными, но не безнадежными, а постановка вопроса весьма актуальной.

Ключевые слова: Россия, мировая экономика, внешняя торговля, экспорт, санкции, цифровизация.

RUSSIAN EXPORTS IN THE CONTEXT OF GLOBAL TRENDS: DRIVING FORCES, CURRENT STATE AND PROSPECTS

Galina V. Kuznetsova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article analyzes the state and development trends of Russian foreign trade in 2025 in the context of the processes taking place in the world, primarily the increasing global instability, analyzes the factors influencing domestic foreign trade (external and internal) with an emphasis not only on external sanctions, but also on the effects of the domestic policy of the government of the Russian Federation as well as their impact on the long-term trends observed in the domestic economy in recent years. The purpose of the article is to provide an overview of domestic foreign trade at the present time and a forecast regarding its development in the short term. The author notes that the low innovativeness of domestic foreign trade is largely

determined by the highly inertial structure of the economy that has developed over the decades, which remains sluggish and difficult to modernize. Hopes for an improvement, but not a reversal of the situation, can be attributed to increased government support for exporters, through financing programs, improved institutions and logistics infrastructure. The author considers the prospects for getting out of the current situations to be very uncertain, but not hopeless, and the question is very relevant.

Keywords: Russia, world economy, foreign trade, export, sanctions, digitalization.

Введение

Итоги развития российской экономики и внешней торговли за 2025 г. весьма скромны и дают основания многим аналитикам говорить о стагнации в настоящем и ближайшем будущем. Действительно, рост ВВП в 2025 г. на 1,0% при перспективах роста на будущий год в 1,2% не вызывают оптимизма. К этим в целом не обнадеживающим макроэкономическим показателям можно присовокупить данные о снижении численности населения, спаде промышленного производства и инвестиций в гражданских отраслях, сохранение процентной ставки на уровне, тормозящем деловую активность, снижение темпов роста производительности труда и ряд других факторов.

В сфере международных экономических отношений также имеются причины для беспокойства: замедление темпов роста ВВП, международной торговли и инвестиций, а также темпов роста экономик Китая, Японии, Южной Кореи, Европы, разбалансировка финансовых и сырьевых рынков, небывалый рост цен на золото, драгоценные и редкоземельные металлы при непредсказуемости динамики цен на нефть, рост госдолга за пределы ВВП во многих странах и т. д. Налицо структурные сдвиги в развитии мировой экономики и международных отношений. Это становится общей тенденцией, и с такой оценкой соглашаются все исследователи. Отмечается, что усилилась взаимосвязь международной торговли с системой национальной экономической безопасности, изменились трактовка и оценка экономических выгод от торговли, роль и значимость различных сегментов мирового рынка с точки зрения обеспечения устойчивого развития [10].

Непредсказуемые эффекты можно ожидать от всевозрастающей мощи цифровых транснациональных гигантов на фоне широкого распространения искусственного интеллекта (ИИ): по оценкам, вклад ИИ в общий рост мировой торговли в 2024 г. составил 68%. Участвовавшие стихийные бедствия и экстремальные погодные явления также стали источником серьезных макроэкономических издержек для многих стран. Добавим к списку негативных факторов демографические проблемы развитых стран, связанные с процессами старения населения и зависимостью

от миграционного притока рабочей силы на фоне возрастающего потока беженцев из неблагополучных регионов.

Приход в Белый дом США Д. Трампа, начавшего торговую войну против всех, усугубил неустойчивость международных экономических связей [13], так как американская политика продавливает не только тарифы, но и вопросы присоединения к санкциям, автоматического признания национальных стандартов и обязательств по закупкам у американских компаний определенных объемов продукции, что заведомо стратегически невыгодно партнерам США [12]. Добавим в этот список военные конфликты, умножившиеся в 2025 г. и продолжившиеся в 2026 г. (операции в Венесуэле и Иране), и мы получим неопределенность, которая сказывается на политической и социально-экономической жизни всего мира и отдельных стран, и даст свой эффект в будущем, влияя на мировые торговые и финансовые потоки. Глобальный индекс неопределенности в июне 2025 г. достиг исторического максимума (рис. 1), и можно ожидать, что это не предел.

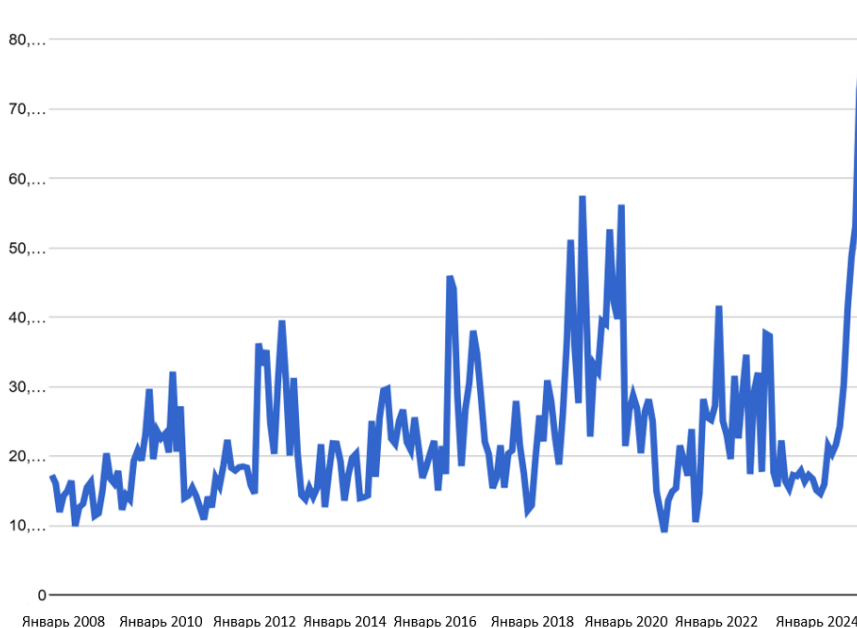

Рис. 1. Глобальный индекс неопределенности, на III квартал 2025 г.¹

¹ URL: https://www.policyuncertainty.com/wui_quarterly (дата обращения: 28.12.2025).

Выделим следующие новые тенденции в развитии мировой экономики и международных экономических отношений, наметившиеся в последнее время:

- слом традиционных, сформированных в послевоенный период механизмов международного регулирования экономических связей между государствами, подрыв правил, установленных ВТО и учреждениями ООН, тренд на фрагментацию глобальной экономики;
- доминирование политических решений (в том числе в области безопасности, экологии и пр.) над экономической целесообразностью, восстановление права сильного, диктующего свои нормы;
- противостояние США и Китая, формирующих вокруг себя блоки дружественных стран, снижение роли Европейского союза в международных делах;
- влияние цифровой революции на все процессы международных экономических отношений, особая роль ИИ, усугубляющая технологическое неравенство стран мира и порождающая дополнительные неопределенности.

В этом внешнем контуре и под влиянием внешних факторов развиваются российская экономика и внешнеторговые связи. Неблагоприятный внешний фон для России дополняют внутренние проблемы.

Экономика и экспортный потенциал России

В истории России 2022 г. стал переломным, изменив коренным образом внешнюю и внутреннюю повестку дня, краткосрочные и долгосрочные цели как государства, так и бизнеса, что отразилось на динамике ВВП. Предпринятые государством меры адресной поддержки ряда отраслей (металлургия, металлообработка, тяжелое машиностроение, АПК) и крупные госзаказы в 2023 и 2024 гг. позволили преодолеть ситуативный спад 2022 г. Однако 2025 г. показал их недостаточность: темпы роста ВВП снизились с 1,4% в первом квартале и 1,1% – во втором, до 0,6% – в третьем. По оценкам ИНП РАН, в обрабатывающей промышленности ситуация близка к кризисной. За девять месяцев прирост более чем на 1% зафиксирован только в пяти из 24 видов деятельности, а 17 показали снижение физического выпуска. Даже в отраслях, связанных с ОПК, налицо признаки охлаждения. Рост выпуска транспортных средств замедлился с 36% в начале года до 6% в сентябре, готовых металлических изделий – с 18% до -2%. Эксперты отмечают замедление роста реальных зарплат, сокращение занятости и повышение конкуренции на рынке труда, а в перспективе снижение потребления, последнего устойчивого драйвера экономики [15]. В 2026 и 2027 гг. оживления не ожидается, и аналитики дискутируют, как называть эту тенденцию – стагнацией, рецессией или застоем. С учетом того, что на протяжении всего последнего

десятилетия среднегодовые темпы прироста ВВП России были на уровне 1%, можно говорить о долгосрочном застое¹ (рис. 2).

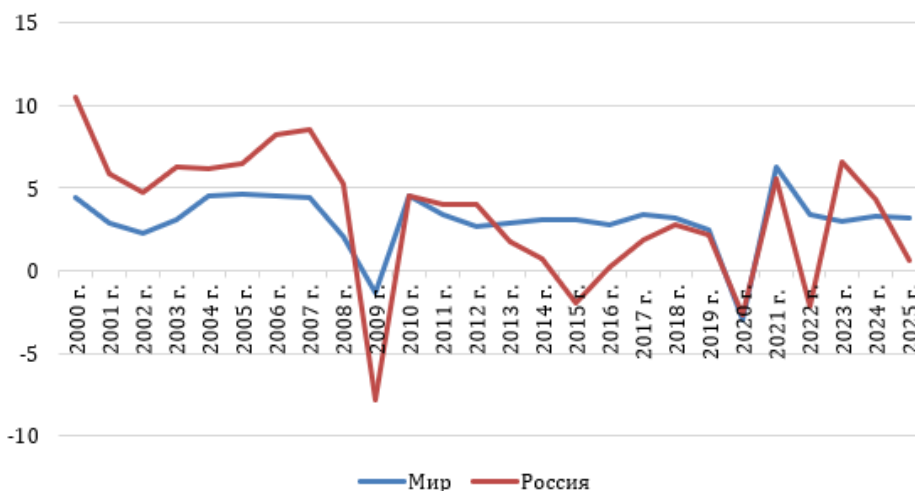

Рис. 2. Динамика ВВП мира и России в текущих ценах (в %)²

Примечание: 2025 г. – оценка.

Тем не менее по определенным направлениям видны явные успехи. Это касается в первую очередь некоторых видов машин и оборудования (табл. 1) и продовольственной продукции (табл. 2), производство которых благодаря бюджетной поддержке и системе льгот, увеличивается.

Так, большой прирост в 2024 г. показывало производство компьютеров и компонентов, металлорежущих станков (эта отрасль, хорошо развитая в период СССР, три десятилетия была в упадке), грузовых автомобилей. По другим направлениям результаты оказались крайне неустойчивыми и даже снизились (зерновые комбайны, легковые автомобили).

¹ В начале XXI в. (до кризиса 2008–2009 гг.) российская экономика росла высокими темпами (6–7% в год) на фоне быстрого роста мировых цен на сырьевые товары и топливо. Такие темпы впечатлили аналитиков Goldman Sachs (Дж. О’Нил), и они выделили группу быстрорастущих стран – BRIC, включив туда Россию наравне с другими быстрорастущими экономиками.

² Источник: URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPGR> (дата обращения: 28.12.2025).

Т а б л и ц а 1

Производство некоторых видов машин и оборудования*

Продукция	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Компьютеры, части и принадлежности, млрд руб.	35,2	50,7	47,0	88,9	154,0	269,0
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины, тыс. кВт	1 362	5 414	4 713	3 072	2 269	3 294
Турбины газовые, тыс. кВт	704	577	1130	1034	918	556
Краны мостовые шт.	1 848	1 620	2 461	2 391	2 625	3 440
Лифты, тыс. шт.	27,9	31,4	31,5	21,8	27,3	27,1
Тракторы для сельского хозяйства и прочего, тыс. шт.	6,6	7,2	7,5	10,6	8,8	8,1
Комбайны зерноуборочные, шт.	4 830	5 363	6 784	4 484	5 140	4 626
Станки металлорежущие, шт.	4 638	5 353	7 243	8 152	11 464	12 872
Бульдозеры, шт.	765	831	1 104	1 151	1 117	1 124
Тракторы гусеничные, шт.	275	233	279	165	200	361
Автомобили легковые, тыс. шт.	1 525	1 262	1 365	451	543	763
Автотранспортные грузовые средства, тыс. шт.	35,2	50,7	47,0	88,9	154,0	269,0

* Источник табл. 1 и 2: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения: 28.12.2025)

Что касается продовольственных товаров, то за десять последних лет России удалось добиться высоких результатов; в настоящее время она занимает первые места в мире по производству пшеницы, подсолнечника, ржи и некоторых других сельхозпродуктов. Особые успехи можно отметить в производстве мяса и фруктов. Однако по многим позициям собственное производство не позволяет покрыть спрос, и импорт продовольственных и сельскохозяйственных товаров остается существенным.

Вместе с тем наблюдаемые успехи, хотя и позволяют говорить об оживлении отраслей с относительно высоким уровнем добавленной стоимости, но не дают оснований для выводов о серьезной структурной модернизации. Российская экономика остается малоинновационной, а доля высокотехнологичных товаров в общем объеме отгруженной продукции невысокой – 16,7% в 2024 г. [3].

Т а б л и ц а 2

Производство некоторых видов продовольственных продуктов (в тыс. т)

	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Мясо говядины	309	338	401	403	468	521
Мясо свинины	2 819	3 186	3 336	3 605	3 854	4 046
Мясо домашней птицы	4 847	4 808	4 870	5 058	5 065	5 187
Изделия колбасные	2 282	2 355	2 448	2 411	2 481	2 523
Рыба мороженая	2 989	3 043	3 005	2 791	3 034	2 723
Овощи (кроме картофеля)	32,6	33,0	35,5	39,0	38,9	47,0
Фрукты, ягоды, орехи	22,2	28,2	44,8	40,4	48,2	55,5

Серьезной проблемой остается низкий уровень развития инновационных отраслей, который в целом объясняется недофинансированием. Затраты на цели развития НИОКР в России составляют 0,96% ВВП, в то время как в других странах они намного выше: Израиль – 6,02%, Республика Корея – 5,21%, США – 3,96%, Швеция – 3,47%, Китай – 2,65%, Португалия – 1,70%. При этом на протяжении многих лет бюджетные расходы на НИОКР, хотя и увеличивались в текущих ценах, оставались невысокими особенно в сфере фундаментальных наук (рис. 3). Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в 2023 г., составил 27,6% (в 2021 г. – 28,1%) [6].

Рис. 3. Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета в текущих ценах (в млрд руб.) [4. – С. 112]

Примечание: 2025–2027 гг. – в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О Федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годы».

Скромные результаты развития экономики сказываются на экспортном потенциале и непосредственно влияют на характер внешнеэкономических связей. Вклад экспорта в формирование ВВП снижается, и на данный момент составляет 22–23% (в 2022 г. – 28%) [7]. Падение объемов поставок продукции за рубеж негативно сказывается не только на промышленных предприятиях, работавших на экспорт, но и на доходной части бюджета. По данным за 11 месяцев 2025 г., поступления от экспорта нефти уменьшились на 22% (составили 8 трлн руб.), что стало следствием как снижения мировых цен на нефть, так и укреплением курса рубля по отношению к твердым валютам, а также действием санкций. Цена на российскую нефть марки Urals снизилась до 57,3 долларов за баррель, рубль укрепился до 77,7 за доллар (01.12.2025)¹. Цена Urals в портах отправки в декабре опускалась до 34 долларов за баррель, при этом в январе 2024 г. она составляла 66,7 долларов [13].

Динамика развития российской торговли крайне нестабильна, и хотя в целом она соответствует движению показателей мирового экспорта, взлеты или падения показателей оказываются более резкими (рис. 4).

Рис. 4. Темпы роста мирового экспорта в сравнении с темпами развития экспорта России (в %)²

Примечание: прогноз, по России прогноз Минэкономразвития в октябре 2025 г.

¹ URL: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/crude-oil>; URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.12.2025&UniDbQuery.To=31.12.2025 (дата обращения: 05.01.2026).

² URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchGR> (дата обращения: 28.12.2025).

Значимость внешней торговли для российской экономики показывает платежный баланс по текущим операциям. В последние годы наблюдается снижение положительного сальдо: в 2022 г. – 237 млрд долларов, в 2023 г. – 49 млрд долларов, в 2024 г. – 63 млрд долларов¹. За 9 месяцев 2025 г. профицит составил 30,1 млрд долларов (49,1 млрд долларов за 9 месяцев 2024 г.). В 2023 г. экспорт товаров сократился почти на треть по сравнению с данными 2022 г. – до 427 млрд долларов, при этом импорт восстановился до уровня 2021 г. – 304 млрд долларов. В 2024 г. и экспорт, и импорт снизились. По данным за 9 месяцев 2025 г. показатели внешней торговли товарами ниже, чем за соответствующий период 2024 г. Экспорт и импорт услуг увеличились, но уровня 2021 г. так и не достигли. Торговля услугами традиционно складывалась с отрицательным сальдо (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Платежный баланс по текущим операциям* (в млрд долл.)

	2021	2022	2023	2024	2025 9 мес.	2024 9 мес.
Счет текущих операций	122,1	238,0	50,2	62,3	30,1	49,1
Торговый баланс	190,3	315,6	118,3	133,1	89,2	100,5
Экспорт	494,3	592,1	427,7	424,7	304,5	317,4
Импорт	304,0	276,5	304,4	294,5	215,3	216,9
Баланс услуг	-20,4	-22,2	-33,6	-39,1	-35,7	-28,5
Экспорт	55,6	48,6	40,5	42,0	34,4	31,7
Импорт	75,9	70,9	74,1	80,1	70,1	60,1

* Источник: Статистика внешнего сектора. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (дата обращения: 06.01.2026).

Структура российского экспорта с годами существенно не меняется. На мировом рынке Россия продолжает выступать в качестве поставщика сырьевых товаров и полуфабрикатов: доля этих продуктов в экспорте на протяжении последних двадцати лет была около 70%. В 2024 г. структура товарного экспорта выглядела следующим образом: топливо и минеральное сырье – 65%, металлы и изделия – 15,0%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстиля) – 10%. Их поставки за рубеж в стоимостном выражении практически оставались на уровне 2023 г. (рост на 1,4%, до 264,1 млрд долларов). Согласно данным, опубликованным в «Атласе экономической сложности» (Atlas of Economic Complexity), по технологической сложности экспорта страна стоит на 53-м месте в списке из 134 стран. По оценкам агентства, за 10 последних

¹ Статистика внешнего сектора. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (дата обращения: 06.01.2026).

лет (до 2023 г.) Индекс сложности снизился на 25 пунктов, а в экспорте за 15 лет появилось только 15 новых продуктов¹.

Между тем условия для российского сырьевого экспорта ухудшаются. С началом СВО западные страны расширили политику, инициированную в 2015 г., в том числе в отношении углеводородного топлива. Были введены ограничения на фрахт и страхование морских поставок нефти/нефтепродуктов из Российской Федерации, установлены предельные цены отгрузки (price cap) – сначала 60, а затем 47,6 долларов за баррель (18-й пакет санкций) [11], объявлен запрет на поставки оборудования и технологий для нефте- и газодобывающих и нефтеперерабатывающих отраслей и др. барьеры. Кроме того, европейские страны стали активно искать новые источники снабжения углеводородным топливом, а также ускорили темпы ввода в строй объектов возобновляемой энергетики. Снижение возможностей на европейском направлении привели к тому, что основными покупателями российской нефти и нефтепродуктов стали Китай и Индия, что удлиняет и удорожает транспортное плечо. Перевозка нефти из Черного моря в Индию за 2024 г. подорожала до 10 долларов за баррель, а из Балтики – до 13 долларов за баррель (рост на 48% с января 2024 г.), в 2025 г. удорожание составило 20 долларов за баррель [2]. Объявленные санкции против 600 танкеров сократили число доступных для России морских перевозчиков, а также повысили страховые ставки. Новые риски для перевозчиков возникли в первых числах января 2026 г. в связи с захватом военными силами США при содействии Великобритании двух российских танкеров. На стоимостных показателях сказывается и тот факт, что российская нефть в Китай и Индию поставляется с дисконтом. Если в первых трех кварталах 2025 г. средние цены на российскую нефть на рынке Китая были ниже цен поставок из прочих стран на 3,1%, то в октябре – ноябре – уже на 5,8% [5]. К этим неблагоприятным обстоятельствам, влияющим на российский экспорт энергетических товаров, следует добавить общее снижение мировых цен на нефть в 2025 г. на 11% по сравнению с уровнем 2024 г., а также добровольное сокращение квоты России на добычу нефти в рамках обязательств ОПЕК+ с 9,5 до 9,0 млн баррелей в сутки в начале 2025 г. (в ноябре того же года она была увеличена вновь до 9,57 млн баррелей в сутки [8]).

В 2024 г. основными товарными позициями экспорта были (млрд долларов): минеральное топливо, включая нефть – 250,4 (64,9% всего экспорта), драгоценные металлы – 18,7 (4,8%), удобрения – 13,9 (3,6%), железо и сталь – 12,4 (3,2%), алюминий – 7,6 (2,0%), зерновые – 6,4 (1,7%), животные/растительные жиры, масла, воски – 5,9 (1,5%), руды, шлаки, зола –

¹ URL: <http://atlas.cid.harvard.edu/countries/186/path> (дата обращения: 05.01.2026).

5,9 (1,5%), древесина – 5,7 (1,5%), рыба – 5,6 (1,5%)¹. В 2025 г. в товарной структуре российского экспорта доля минеральных продуктов снизилась на 6,7 процентного пункта за 10 месяцев по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., однако оставалась вполне заметной – на уровне 55%. Сохраняли свой удельный вес металлы, химические товары, сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Товарная структура экспорта России за 10 месяцев 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом в 2024 г.* (в млрд долл.)

	Экспорт: январь – октябрь			Импорт: январь – октябрь		
	2024	2025	Темп роста, %	2024	2025	Темп роста, %
Всего	355,0	339,8	95,7	229,9	224,4	97,6
В том числе						
01-24 Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	35,1	31,5	89,7	30,6	35,0	114,2
25-27 Минеральные продукты	218,9	186,6	85,3	3,8	3,2	85,1
28-40 Продукция химической промышленности, каучук	22,8	28,0	122,6	43,7	44,8	102,6
41-43 Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,2	0,2	104,2	0,8	0,9	109,9
44-49 Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	8,4	8,9	105,8	2,6	2,6	98,0
50-67 Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,8	2,7	145,2	15,2	15,2	100,0
71-83 Металлы и изделия из них	50,7	60,4	119,3	14,7	14,7	99,4
68-70, 84-97 Машины, оборудование и транспортные средства и другие товары	17,1	21,5	125,4	118,4	108,1	91,3

* Источник: URL: <https://limited.customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries?ysclid=mk3pcz62c1956137903> (дата обращения: 08.01.2026).

Неустойчивое состояние отдельных отраслей промышленности и секторов АПК оказывает негативное влияние на развитие несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ). В 2024 г. он сократился на 2% и соста-

¹ Топ 10 экспортных товаров России. – URL: <https://www.worldstopexports.com/russias-top-10-exports/> (дата обращения: 08.01.2026).

вил 145 млрд долларов (в 2023 г. – 148,0 млрд долларов) – минимальное значение за последние семь лет. До 2022 г. этот показатель устойчиво рос (млрд долларов): в 2017 г. – 133,9, в 2018 г. – 150,0, в 2019 г. – 154,5, в 2020 – 160,0, в 2021 г. – 194,2, в 2022 г. – 190,4. В 2025 г., по данным за 10 месяцев, положение несколько исправилось, и он вырос до 153 млрд долларов по сравнению с 136,1 млрд за 10 месяцев 2024 г.

В группе ННЭ в последние годы в российском экспорте усилились позиции сельскохозяйственных и продовольственных товаров, доля России на мировом рынке продовольствия выросла до 2,1%. Основную часть этой группы товаров составляет зерно (около 40%), затем идут подсолнечное масло (18%) и рыба (17%). Заявленная в Стратегии продовольственной безопасности цель – удвоить экспорт продукции АПК к 2024 г. (до 45 млрд долларов) уже выполнена. Однако в 2024 и 2025 гг. экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (за исключением текстильного) из России также продемонстрировал небольшое снижение, что было связано с сокращением производства из-за неблагоприятных погодных условий. При этом импорт товаров этой категории увеличился в 2024 г. на 7%, составив 37,7 млрд долларов, а по данным за 10 месяцев 2025 г. – на 14%. Однако статус нетто-экспортера продовольствия Россия продолжает сохранять (положительное сальдо – 4,9 млрд долларов).

Экспорт продукции химической промышленности в 2024 г. вырос на 1,3% – до 27,6 млрд долларов, но в 2025 г. показал впечатляющий рост – 22%. Такая же тенденция наблюдается и с экспортом металлов: в 2024 г. рост на 6%, в 2025 г. – на 19,3%. Однако такая важная позиция для экономики любой страны, как машины и оборудование, несмотря на возросшие стоимостные показатели в 2024 г. на 2,3% (до 23,4 млрд долл.) [7], в 2025 г. – на 25,4%, сохранила свою невысокую долю – 6,3% экспорта. Этот низкий по своему значению показатель отличает Россию не только от развитых стран, но и от наиболее передовых развивающихся, где эта статья занимает более половины стоимости экспорта (в мировом экспорте удельный вес этой позиции достиг практически 40%, в Китае – 70%). В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, экспорт машинотехнической продукции России находится на 23-м месте в мире с долей в глобальном экспорте этой группы товаров 0,4%. Здесь Россия выступает как нетто-импортер, при этом разрыв между объемами импорта и экспорта с годами не уменьшается. Положение усугубляется тем, что на мировых рынках машинотехнической продукции Россия выступает как поставщик товаров достаточно узкой номенклатуры. Наиболее заметные позиции страна имеет в таких сегментах, как вооружение и военная техника – 2–3-е место; оборудование для АЭС – в пятерке лидеров; железнодорож-

ная техника – в десятке ведущих поставщиков. Россия также является сравнительно крупным экспортером в отдельных небольших нишах: турбореактивные двигатели, паровые турбины, буксиры, навигационные приборы и т. п. Однако динамика роста по большинству позиций остается низкой.

Что касается географии экспорта России, то в настоящее время она рассматривается официальными органами с точки зрения дружественности или недружественности партнеров¹. К 2024 г. основными торговыми партнерами России стали страны Азии (экспорт – 329,2 млрд долларов, доля 77,5%, импорт – 191,2 млрд долларов, доля – 64,9%). Страны Европы утратили свое доминирующее значение (экспорт – 68,4 млрд долларов, импорт – 73,1 млрд долларов), а страны Африки важными партнерами еще не стали. Эта тенденция продолжилась в 2025 г., несмотря на то что торговля с азиатскими странами снизилась в меньшей степени, чем с европейскими, но их доля оставалась доминирующей: 77,3% – по экспорту и 66,5% – по импорту (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

**Внешняя торговля России по направлениям: 10 месяцев 2025 г.
и 10 месяцев 2024 г.***

	Экспорт: январь – октябрь			Импорт: январь – октябрь		
	2024	2025	Темп роста, %	2024	2025	Темп роста, %
Весь мир	355,0	339,8	95,7	229,9	224,4	97,6
В том числе Европа	56,1	47,8	85,1	60,8	58,1	95,1
Азия	268,2	263,9	98,4	153,8	149,4	97,1
Африка	20,5	17,6	85,6	2,8	3,7	131,4
Америка	10,1	10,4	103,4	12,0	13,2	109,6
Океания	0,0	0,0	75,0	0,1	0,1	90,8

* Источник: URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.01.2026).

В списке стран – торговых партнеров России и по экспорту, и по импорту, с 2021 г. произошли коренные сдвиги. К 2024 г. на первой строчке окончательно закрепился Китай, в списке 10 лидеров оказались

¹ Понятие «недружественная страна» – а точнее, «недружественное иностранное государство» – впервые появилось в российском законодательстве в 2018 г. Тогда приняли федеральный закон о противодействии недружественным действиям. В документе недружественной страной признавались только США. В нем была дана формулировка «иные иностранные государства», но их список не раскрывался. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117?ysclid=mmooga1jhf325436165>. В апреле 2021 г. появился президентский Указ о противодействии недружественным действиям иностранных государств. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46649>

Индия и Турция. Беларусь сохранила свое четвертое место, увеличив свою долю в товарообороте до 7,1%. США, Нидерланды и Великобритания из списка топ 10 ушли (табл. 6). Оставшиеся в списке Германия и Италия в разы снизили объемы торговли.

Т а б л и ц а 6
10 основных торговых партнеров России в 2021, 2023 и 2024 гг.* (в млрд долл.)

2021			2023			2024**		
Страна	Оборот	Доля в т/о, %	Страна	Оборот	Доля в т/о, %	Страна	Оборот	Доля в т/о, %
Китай	140,7	17,9	Китай	240,1	33,8	Китай	197	33,8
Германия	57,0	7,3	Индия	64,9	9,0	Индия	51	8,8
Нидерланды	46,4	5,9	Турция	56,5	7,9	Турция	48	8,3
Беларусь	38,4	4,9	Беларусь	55,0	7,7	Беларусь	41	7,1
США	34,4	4,4	Казахстан	26,0	3,7	Казахстан	23	4,0
Турция	33,0	4,2	Республика Корея	15,0	2,1	Республика Корея	12	2,1
Италия	31,3	4,0	Германия	12,2	1,7	Германия	10	1,8
Южная Корея	30,0	3,8	ОАЭ	12,1	1,6	Армения	10	1,8
Великобритания	26,7	3,4	Бразилия	11,3	1,6	Италия	9	1,5
Казахстан	25,6	3,3	Нидерланды	9,9	1,4	Узбекистан	8	1,4

* Источник: URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/615448> (дата обращения: 09.2026).

** Примерная оценка.

По данным за 10 месяцев 2025 г., торговля России с Китаем также снизилась, в основном из-за сокращения закупок Китаем российской нефти как в физическом, так и в стоимостном выражении – 91,5 млн т, на 7,6% ниже, чем в аналогичном периоде 2024 г. и 45,8 млрд долларов (на 20% ниже). Стоимостная доля российской нефти в китайском импорте уменьшилась до 17% (на 2,2 процентного пункта). Закупки Китаем нефтепродуктов в 2025 г. также демонстрировали снижение [5].

Заключение

Завершая обзор состояния отечественной внешней торговли, можно сказать, что, в отличие от США, ЕС, Японии, Китая, Республики Корея и др., Россия еще не нашла достойного места в системе международных

экономических отношений и не может в полной мере воспользоваться имеющимися у нее преимуществами. Низкая производительность труда, устаревшая материально-техническая база, неразвитая инфраструктура, высокие энергозатратность и материалоемкость, а также топливно-сырьевая ориентация хозяйства тормозят развитие производственной базы для экспорта. Все это лишь частично может быть компенсировано бюджетными вливаниями и адресными льготами.

С 2022 г. российские участники ВЭД сталкиваются с огромным числом трудностей. Прежде всего, это санкции и снижение спроса на отечественную продукцию со стороны традиционных западных партнеров. Поиск новых рынков привел к росту издержек за счет усложнения маршрутов, проблем с финансовыми расчетами, новыми рисками. Отечественным экспортерам вредит завышенный курс рубля по отношению к твердым валютам (в 2025 г. курс рубля в годовом выражении укрепился к доллару на 31%, по итогам года рубль стал самой подорожавшей к доллару валютой)¹. Высокая учетная ставка (на декабрь 2025 г. – 16,0%) также приводит к росту издержек. Положение экспортеров усугубляет непоследовательная политика правительства в области регулирования экспорта (экспортные пошлины, валютный контроль, квоты, административные процедуры).

Надежды на улучшение, но не на перелом ситуации, можно связывать с усилением государственной поддержки экспортеров через программы финансирования, совершенствование логистической инфраструктуры. Кроме того, очевидно, на уровне предприятий следует активизировать работу по повышению качества и инновационности продукции, цифровизации и роботизации производств, включению в глобальные стоимостные цепочки, внедрению в практику международных стандартов, платформизации закупок и сбыта. Что касается торговой политики, то органам государственной власти, координирующим органам, заинтересованным крупным экономическим агентам необходимо учитывать контекст текущей ситуации в международной торговле для выработки соответствующих моделей и решений в набирающих интенсивность торговых отношениях, не сбрасывая со счетов непредсказуемость и иррациональность человеческого поведения [1] мировых лидеров, в первую очередь Д. Трампа. Неопределенность и непредсказуемость развития российской внешней торговли на перспективу сохраняется.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8334752> (дата обращения: 06.01.2026).

Список литературы

1. Багдасарян К. М. Эволюция международной торговой системы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 7. – С. 67–78.
2. Баррели ждут на берегу. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8212874#:~:>
3. Доля технологичной продукции в обработке восстановилась до уровня 2020 года. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7735579>
4. Индикаторы науки: 2025 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 112
5. Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. Предварительные итоги внешней торговли России в 2025 г. // Тенденции и вызовы социально-экономического развития : Мониторинг экономической ситуации в России. – 2025. – № 31 (213). – URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-31-1478.pdf>
6. Наумов С. Н., Власов С. В., Екатериновская М. А. Экспортный потенциал России: оценка и направления развития // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 8. – С. 112–121.
7. Несырьевой неэнергетический экспорт. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>
8. ОПЕК+ сохранит квоты нефтедобычи в I квартале на уровне декабря 2025 года. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8337436>
9. Речкин М. К. Перспективы развития российско-китайских отношений в сфере транспортной логистики // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 86–100.
10. Рытова Н. С. Смартизация международной торговли как современная и долгосрочная тенденция ее развития: характеристики, факторы, возможные последствия // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 178–188.
11. Совет ЕС раскрыл детали 18-го пакета санкций. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2025/687a2c4b9a7947b858d632bd>
12. «Сохранила свою устойчивость»: Максим Решетников — об итогах 2025 года в экономике России. – URL: <https://russian.rt.com/business/article/1576016-reshetnikov-interviu-itogi>
13. Шкваря Л. В. Торговая война Трампа: каковы перспективы для мировой экономики и торговли? // Вопросы новой экономики. – 2025. – № 2 (74). – С. 4–14.
14. Экономика России сбавляет ход. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8210052?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

References

1. Bagdasaryan K. M. Evolyutsiya mezhdunarodnoy trgovoy sistemy [Evolution of the International Trading System]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2025, No. 7, pp. 67–78. (In Russ.).
2. Barreli zhдут na beregu [The Barrels are Waiting on the Shore]. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8212874#:~:>
3. Dolya tekhnologichnoy produktsii v obrabotke vosstanovilas do urovnya 2020 goda [The Share of Technological Products in Processing Has Recovered to the 2020 Level]. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7735579>
4. Indikatory nauki: 2025 [Science Indicators: 2025], statisticheskiy sbornik, L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovskiy, E. I. Evnevich i dr. Moscow, ISIEZ VSHE, 2025. (In Russ.).
5. Knobel A. Yu., Firanchuk A. S. Predvaritelnye itogi vneshney trgovli Rossii v 2025 g. [Preliminary Results of Russia's Foreign Trade in 2025]. *Tendentsii i vyzovy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya* [Trend Sand Challenges of Socio-Economic Development], Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii, 2025, No. 31 (213). (In Russ.). Available at: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2025-31-1478.pdf>
6. Naumov S. N., Vlasov S. V., Ekaterinovskaya M. A. Eksportnyy potentsial Rossii: otsenka i napravleniya razvitiya [Export Potential of Russia: Assessment and Development Directions]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2025, No. 8, pp. 112–121. (In Russ.).
7. Nesyrevoy neenergeticheskiy eksport [Non-Primary Non-Energy Exports]. (In Russ.). Available at: <https://www.tadviser.ru/index.php/>
8. OPEK+ sokhranit kvoty neftedobychi v I kvartale na urovne dekabrya 2025 goda [OPEC+ Will Maintain Oil Production Quotas in the First Quarter at the Level of December 2025]. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8337436>
9. Rechkin M. K. Perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v sfere transportnoy logistiki [Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations in the Field of Transport Logistics]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2025, Vol. 11, No. 4, pp. 86–100. (In Russ.).
10. Rytova N. S. Smartizatsiya mezhdunarodnoy trgovli kak sovremennaya i dolgosrochnaya tendentsiya ee razvitiya: kharakteristiki, faktory, vozmozhnye posledstviya [Smartization of International Trade as a Modern and Long-Term Trend of its Development: Characteristics, Factors, Possible Consequences]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*

[International Trade and Trade Policy], 2025, Vol. 11, No. 4, pp. 178–188. (In Russ.).

11. Sovet ES raskryl detali 18-go paketa sanktsiy [The EU Council has Revealed the Details of the 18th Package of Sanctions]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2025/687a2c4b9a7947b858d632bd>

12. «Sokhranila svoyu ustoychivost»: Maksim Reshetnikov – ob itogakh 2025 goda v ekonomike Rossii ["It has Maintained Its Stability": Maxim Reshetnikov on the Russian Economy's 2025 Outlook]. (In Russ.). Available at: <https://russian.rt.com/business/article/1576016-reshetnikov-interviu-itogi>

13. Shkvarya L. V. Torgovaya vojna Trampa: kakovy perspektivy dlya mirovoy ekonomiki i trgovli? [Trump's Trade War: What are the Prospects for the Global Economy and Trade?]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the New Economy], 2025, No. 2 (74), pp. 4–14. (In Russ.).

14. Ekonomika Rossii sbavlyaet khod [Russia's Economy is Slowing Down]. (In Russ.). Available at: https://www.kommersant.ru/doc/8210052?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

Поступила: 25.12.2025

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторе

Галина Владимировна Кузнецова
кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
ORCID 0000-0001-5370-9732
E-mail: Kuznetsova.GV@rea.ru

Information about the author

Galina V. Kuznetsova
PhD, Associate Professor
of the Department of World Economy
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
ORCID 0000-0001-5370-9732
E-mail: Kuznetsova.GV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-67-82>

ОБОСНОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКСПОРТА РОССИЙСКОГО РЕГИОНА ЧЕРЕЗ МЕТОДИКУ ОЦЕНКИ ИМПОРТНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТРАН-ПАРТНЕРОВ¹

А. В. Ратнер

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

В статье актуальность исследования обусловлена наличием у России торговых соглашений с дружественными странами, пока еще не при полностью раскрытом потенциале торговли со многими из них. Применены методы анализа: логико-компаративного (сопоставление товарных групп), структурного (товарно-географического), конъюнктурного (учет уровня цен в разных странах-поставщиках), статистического (анализ динамических рядов – расчет максимумов и минимумов, темпов роста). Методика апробирована на примере соотнесения несырьевой экспортной специализации Свердловской области с импортом Туниса. Научная новизна и значимость полученных результатов состоит в том, что они позволяют путем применения структурного и динамического анализа к публикуемой международной торговой статистике оценить перспективы экспорта заданного российского региона в ту или иную зарубежную страну или группу стран в контексте товарного наполнения, объемов, ценового аспекта и географии сбыта (в случае учета нескольких зарубежных стран). Сделана попытка проанализировать среди прочего ценовую (соотнесение цены и функционала) структуру импортного спроса выбранной страны-партнера для обоснования возможностей использования сравнительных преимуществ российской экономики.

Ключевые слова: импорт страны-партнера, структура и динамика, экспортная специализация региона, цена и функционал, рыночная ниша, экспортные перспективы региона.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2026 г.

SUBSTANTIATING THE PERSPECTIVE EXPORT DIRECTIONS FOR THE RUSSIAN REGION THROUGH TECHNIQUE FOR ASSESSMENT OF IMPORT NEEDS OF COUNTRIES-PARTNERS¹

Artem V. Ratner

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

In the article, the relevance of the research is due to the presence of trade agreements between Russia and friendly countries, while the potential of trade with many of them has not yet been fully realized. Methods of analysis are applied: logical-comparative (comparison of product groups), structural (commodity-geographical), conjunctural (accounting for price levels in different supplier countries), statistical (analysis of dynamic series - calculation of maxima and minima, growth rates). The methodology has been tested using the example of correlating the non-resource export specialization of the Sverdlovsk region with Tunisian imports. The scientific novelty and significance of the results obtained lies in the fact that they make it possible, by applying structural and dynamic analysis to published international trade statistics, to assess the export prospects of a given Russian region to a particular foreign country or group of countries in the context of commodity content, volume, price aspect and geography of sales (if several foreign countries are taken into account). An attempt is made to analyze, among other things, the price (correlation of price and functionality) structure of import demand of the selected partner country in order to substantiate the possibilities of using the comparative advantages of the Russian economy.

Keywords: import of country-partner, structure and dynamics, region's export specialization, price and functions, market niche, region's export perspectives.

Введение

Развитие экспорта способствует оптимальному использованию сравнительных преимуществ России в международном разделении труда. Особое внимание уделяется приросту несырьевого неэнергетического экспорта, который входит в число целевых показателей по национальной цели развития «Устойчивая и динамичная экономика», определенных в пункте 6 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Направления развития внешнеэкономической деятельности российских регионов в условиях новых глобальных вызовов во многом связа-

¹ This article is processed within the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2026.

ны с развитием предложения российской продукции дружественным странам: Россией заключены (в том числе по линии ЕАЭС) соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с рядом развивающихся экономик Азии, Африки, Латинской Америки. Однако потенциал торговли с ними пока не раскрыт в полной мере. Здесь можно отметить, что экспортный потенциал российских регионов во многом определяется их производственной специализацией и объемом производственных мощностей региона. Но в большой степени перспективы экспорта детерминируются тем, насколько интересна продукция данного региона потенциальным странам-партнерам. Это рождает исследовательский вопрос (т. е. научную проблему): как оценить экспортный потенциал заданной экономической системы в части востребованности ее продукции для зарубежных экономик – потенциальных партнеров? Разработка методики такой оценки образует цель настоящего исследования. На основании этого выдвинута гипотеза о том, что публикуемая международная торговая статистика при применении к ней аналитических инструментов позволит разносторонне оценить экспортные перспективы заданного российского региона. Чтобы обозначить задачи, необходимые для решения поставленной цели, обратимся к существующим исследованиям.

Постановка задач

На основе существующих исследований из научных публикаций выведен ряд принципов анализа импорта зарубежных стран-партнеров:

1. Для экспорта важен выбор подходящей страны, с которой заключены договоренности о торговом сотрудничестве. Так, большое влияние на потенциал наращивания поставок в ту или иную страну оказывают наличие институционализации сотрудничества между странами и степень либерализации торговли между ними [20. – С. 1]. Актуальность этого возрастает в условиях, когда торговля в мире осуществляется по торговым соглашениям (на август 2024 г. заключено 371 региональное соглашение) [18. – С. 244–245]. При этом экспорт зависит во многом от обменного курса и ВВП стран-покупателей [19. – С. 17], от развитости внутреннего рынка страны-партнера [6. – С. 66]. Важно, чтобы у взаимно торгующих стран была разная специализация [5. – С. 157].

2. Необходим анализ того, какие товары востребованы выбранной зарубежной страной. К примеру, странами Латинской Америки востребованы российские пластмассы и фармацевтические изделия [11. – С. 112]. Благоприятная ситуация возникает, когда выбранная страна нуждается именно в тех товарах, которые производятся в стране, планирующей экспорт, а вторая – заинтересована в товарах первой [1. – С. 114]. В таких случаях страны-партнеры оцениваются по признаку соответствия

их импортной специализации экспортной специализации России [13. – С. 74-76], в том числе с применением гравитационной модели [14].

3. Важно определить, какой функционал товара наиболее востребован и какая цена на товар наиболее приемлема для выбранной страны. Для развивающихся экономик требуются технологии, при этом им может быть достаточно меньшего функционала, чем предлагается в товарах из стран Запада, но актуальна умеренная цена. Поэтому российские технологии востребованы для экономик, развивающих собственную промышленность, таких как, например, Камбоджа [8. – С. 16], страны Африки [12. – С. 91]. В этих странах одновременно может существовать спрос на несколько поколений изделия из-за различий в покупательной способности населения и укладе жизни [15. – С. 7]. У российских товаров есть свои несомненные сильные стороны в части функционала. Например, в IT-секторе – это ориентация на нужды государственного сектора и решения в сфере информационной безопасности [9. – С. 149]. Россия имеет опыт экспорта высокотехнологичных товаров. Так, отмечается, что до середины 2000-х гг. Россия осуществляла несырьевой экспорт в Китай [10. – С. 659].

4. Что касается ценового аспекта, то в производстве того или иного высокотехнологичного товара участвует чаще всего сразу ряд стран. Это касается не только стран Запада, но и развивающихся экономик, в первую очередь Китая [4. – С. 3991]. Однако соотношение цены и функционала у товаров из разных стран различается. Сильная сторона российских товаров – это не только функционал, но и конкурентоспособная цена [3. – С. 1].

5. Важное значение имеет тенденция динамики объема импортного спроса выбранной страны. Отмечается необходимость исследований рынка страны-партнера [2. – С. 110]. На примере Бразилии в литературе иллюстрируется, как со временем меняется товарная структура импорта страны [7. – С. 9-10]. В развивающихся экономиках, особенно в Азии [17. – С. 7], рост импорта весьма стабилен, учитывая, что в них расширяется производство, а значит, растет покупательная способность. Например, в Африке картина экономической динамики – разнородная [16. – С. 108-109].

Таким образом, обзор литературы показал, что анализу внешней торговли зарубежных стран-партнеров уделяется внимание главным образом в контексте обоснования перспектив торговли на макроэкономическом уровне. Тогда как анализ для обоснования перспектив экспорта внутристранового региона с оценкой товарно-географической и ценовой структуры страны-партнера в динамике остается актуальной целью, которую и призвано достичь настоящее исследование. При этом из существующих исследований можно вывести необходимость решения ряда задач:

– предварительный выбор подходящей страны – потенциального покупателя;

- сопоставление товарной номенклатуры производства российского региона с импортной номенклатурой выбранной зарубежной страны;
- выявление среди товарных групп, производимых в регионе товаров, таких, которые в наибольшей степени востребованы данной страной;
- выявление того, с какими параметрами (цена, функционал товара) эти товары импортируются данной экономикой в контексте параметров, которые может предложить российский регион;
- оценка тенденций динамики объема импорта данных товаров этой страной в контексте перспектив для российского региона.

Данные и методы

Данные о статистике международной торговли публикуются Конференцией ООН по торговле и развитию (UNCTAD). Анализ научной литературы и этой базы данных позволяет сделать следующие выводы относительно оценки импортных потребностей стран-партнеров в части обоснования экспортных перспектив региона, которые в разрабатываемой методике составят основные принципы оценки:

- целесообразно выявить товарные разделы (двухзначные коды классификатора SITC, применяемого UNCTAD) и/или группы (трехзначные) в импорте исследуемой страны-партнера, соответствующие товарной номенклатуре, товары которой рассматриваемый российский регион готов экспортировать;
- необходимо учесть, что исследуемая страна закупает рассматриваемые товары у разных стран-поставщиков, которые в свою очередь запрашивают разные цены за один и тот же товар, что может быть связано с предлагаемым функционалом и/или износостойкостью, с уровнем цен в данных странах;
- важно принимать во внимание транспортное плечо: разные страны-поставщики в различной степени удалены от исследуемой страны. Это определяет стоимость доставки, а значит, влияет на цену товара;
- динамика импорта исследуемой страны покажет тенденции ее спроса, потребления, т. е. перспективы для российских (в том числе региональных) поставщиков.

Результаты: предлагаемая методика оценки

На основе принципов, сформулированных выше, анализ статистической базы данных UNCTAD по международной торговле и типовой презентации экспортной специализации российского региона позволил обосновать методику оценки импортных потребностей зарубежных стран-партнеров как инструмента для оценки экспортных перспектив российского региона. Она включает ряд операций (рисунок):

1. Поиск перечня товарных групп, товары которых компании заданного российского региона готовы экспортировать. Источником данных может послужить экспортный/внешнеэкономический портал региона.

2. Выделение среди этих товарных групп несырьевых, либо, например, наиболее высокотехнологичных, которые принесли бы региону высокую добавленную стоимость и в наименьшей степени истощили бы его невозобновляемые природные ресурсы.

3. Поиск в товарном классификаторе SITC, используемом UNCTAD, разделов и/или групп, соответствующих этим товарным группам.

4. Поиск и выбор такой дружественной страны, заключившей соглашение/меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве с Россией, потенциал которого (соглашения) еще не раскрыт в полной мере. При этом страна должна иметь относительно большой объем валового импорта, в том числе импорта несырьевой/высокотехнологичной продукции (поиск объема валового импорта зарубежной страны по статистической базе данных UNCTAD).

5. Поиск по базе данных UNCTAD в структуре импорта выбранной страны – товарных позиций, определенных на 3-м шаге (далее – релевантные товарные позиции);

6. Характеристика динамики импорта выбранной страной каждой из релевантных позиций на интервале, охватывающем пандемический (2020 г.) и допандемический период (по крайней мере 2019 г.): выявление, посредством поиска максимумов и минимумов и расчета базисных (относительно 2019 г.) темпов роста, цепных случаев роста и снижения. Рост отражает перспективы валового расширения рынка потребления выбранной страны в той или иной товарной позиции, а снижение (даже если впоследствии величина восстановилась) отражает то, что рынок страны периодически оказывается насыщен не в полной мере.

7. Суммирование объемов импорта выбранной страной релевантных позиций и определение ведущих путем расчета долей отдельных товарных групп.

8. Поиск объемов импорта выбранной страной релевантных товарных позиций:

8.1. Из Китая. Товары из Китая могут иметь более низкую цену по сравнению с российскими. И хотя у российских товаров может быть более высокая стоимость, при их производстве уделяется немало внимания функционалу и контролю качества в части износостойкости.

8.2. Из стран с высоким уровнем цен (ЕС, Британия, США). Сюда можно отнести Австралию, Республику Корея и Японию исходя из того, что у них относительно высокий подушевой ВВП (по данным UNCTAD, в 2024 г.: 68 583, 36 143 и 32 453 долларов соответственно; для сравнения у

Китая – 12 862 доллара¹). С одной стороны, товары из таких стран могут обладать большим набором функций, с другой – не каждому потребителю этот большой функционал необходим, а между тем он опосредует высокую стоимость (в том числе при ремонте). Импорт из этих стран может быть охарактеризован как импорт по высокой цене. По сравнению с этими товарами российские товары могут иметь ценовое преимущество.

Относительно той части импорта выбранной зарубежной страной, которая осуществляется по бюджетной цене (п. 8.1) и по высокой цене (п. 8.2), российская экономика может предложить свой вариант соотношения цены и функционала. Суммирование этих объемов импорта (п. 8.1 и п. 8.2) покажет перспективы встраивания российских товаров на рынок той или иной зарубежной страны.

8.3. Если выбранный зарубежный рынок географически удален от России, то целесообразно оценить объем импорта им из других стран, географически удаленных от него. Это покажет его готовность оплачивать дальнюю транспортировку закупаемого товара. К примеру, если страна-покупатель расположена в Африке, то в качестве удаленных от нее стран могут быть рассмотрены США, Япония, Республика Корея, Австралия, т. е. все перечисленные выше (п. 8.2) страны с высокими ценами, кроме ЕС и Британии. Импорт из них будет отражать готовность страны-покупателя платить весьма высокую цену за товар.

9. Если выбрать для анализа ряд стран-покупателей, то спроектированные выше расчеты могут быть сделаны не только в отдельности по каждой из стран, но и по выбранной группе стран в сумме. Также могут быть рассчитаны доли стран в этих суммарных показателях, что позволит сравнить их рынки по масштабам перспектив для российского экспорта, по разбросу (дисперсии) импортного спроса на различные товарные группы, по диверсификации каждого странового рынка, по темпам роста импортного спроса.

¹ Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (дата обращения: 19.01.2026).

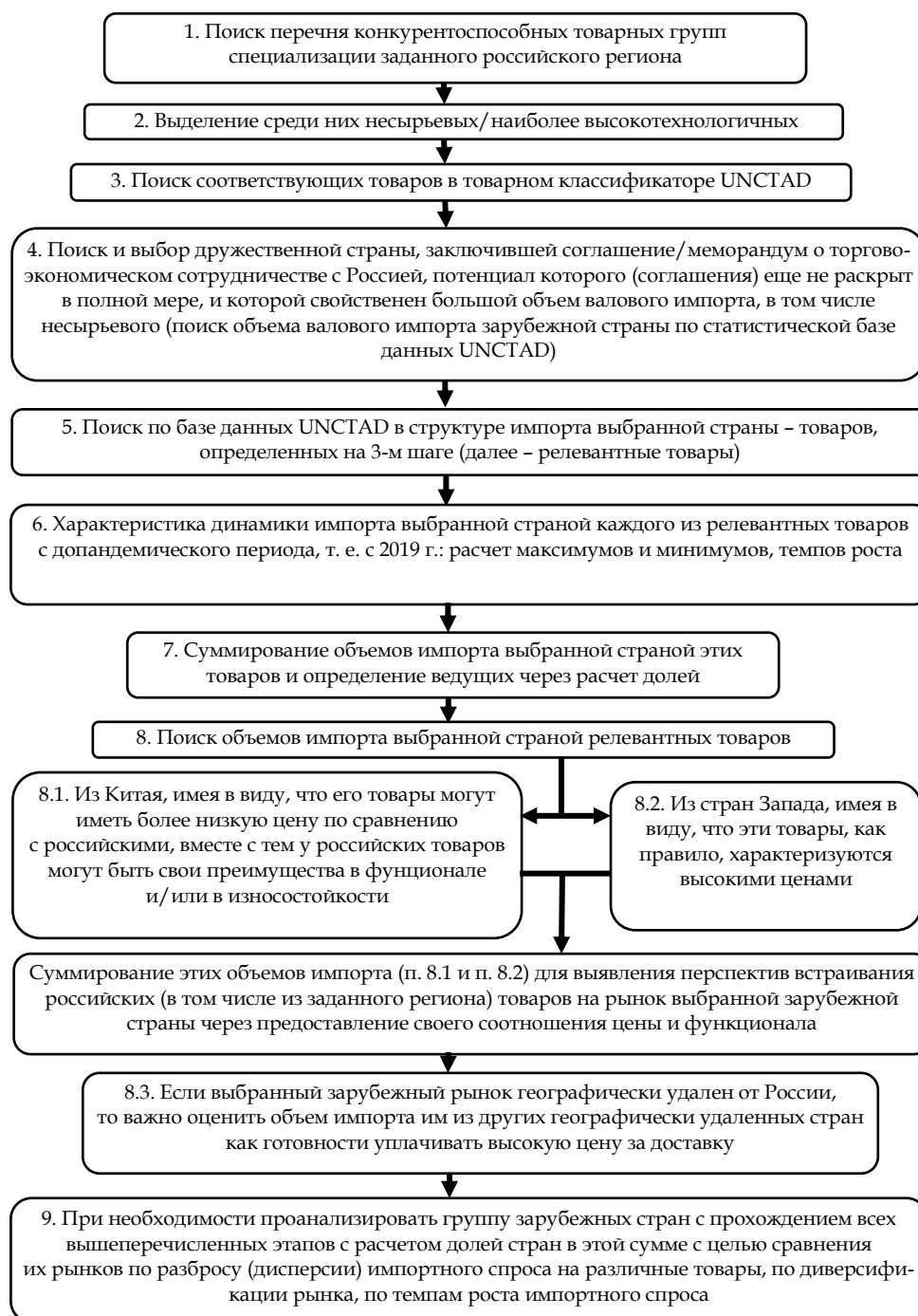

Рис. Методика оценки импортных потребностей зарубежных стран-партнеров как инструмент обоснования экспортных перспектив российского региона

Апробация предложенной методики и ее обсуждение

Для иллюстрации предложенной методики можно рассмотреть такой промышленно развитый российский регион, активный экспортер, как Свердловская область, и выбрать одну из стран, заинтересованных в торговле с Россией, но в случае которой потенциал взаимной торговли еще пока не реализован в полной мере. К примеру, Тунис¹, страну с которой ЕАЭС рассматривает целесообразность заключения торгового соглашения. Между Россией и Тунисом действуют межправительственное соглашение и Комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Среди стран, (данные за 2024 г.) – это 14-я по ВВП экономика Африки и 11-я по подушевому ВВП². Из африканских стран Тунис как приморская страна Северной Африки относительно близко расположен к России.

Согласно Порталу внешнеэкономической деятельности Свердловской области, за рубежом востребованы ее продукция и услуги в целом ряде отраслей: оборудование электротехническое, для добычи и переработки полезных ископаемых, медицинское, железнодорожный подвижной состав, паровые турбины, лекарства³. Поиск соответствий для этих 7 товарных групп в классификаторе SITC позволяет извлечь из базы данных UNCTAD статистику импорта Туниса 2019–2024 гг. (таблица).

Из товарных групп, экспорт товаров которых Свердловской областью наиболее востребован, больше всего в 2024 г. Тунис ввозил электрических механизмов, приборов и устройств (разд. 77 SITC) на 2 751 млн долларов, или 72,2% от импорта всех релевантных групп. Импорт медицинских и фармацевтических изделий химической промышленности (разд. 54) составил 18,8% (715 млн долларов), импорт инструментов и устройств для медицинских и прочих целей (гр. 872) – 4,9% (188 млн долларов); строительного оборудования и оборудования для подрядных работ, включая оборудование для добычи и переработки полезных ископаемых (гр. 723) – 2,1% (80 млн долларов); импорт медицинских электродиагностических аппаратов (гр. 774) – 1,1% (40 млн долларов); железнодорожного транспорта и оборудования (гр. 791) составил примерно столько же – 0,9% (35 млн долларов). В небольшом объеме ввозились паровые турбины (гр. 712) – 0,6 млн долларов (таблица);

¹ См.: Торговые соглашения Евразийского экономического союза. – URL: <https://eec.eaunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения: 14.01.2026).

² Рассчитано по: Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (дата обращения: 19.01.2026).

³ См.: Отрасли экспорта. – URL: <https://made-in-ural.ru/oblasti-eksporta/> (дата обращения: 14.01.2026).

Импорт Тунисом оборудования, соответствующего экспортной специализации Свердловской области, и его географическая структура 2019–2024 гг.* (в %)

Товарные разделы либо группы (коды по классификатору SITC) и структура происхождения их импорта Тунисом	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Медицинские и фармацевтические изделия химической промышленности (54), млн долл.	585,1	584,4	641,8	608,4	629,8	715,2
Базисный рост	–	100	110	104	108	122
Импорт из КНР (1)	4,2	4,8	7,5	7,4	6,0	6,9
Импорт по условно высоким ценам (2)	77,4	75,3	73,1	69,4	73,8	74,8
(1) + (2)	81,7	80,1	80,6	76,7	79,9	81,7
Импорт из дальних стран	2,9	3,3	4,5	2,6	3,9	3,4
Паровые турбины и их части** (712), млн долл.	13,4	0,2	0,3	0,5	0,59	0,56
Базисный рост	–	2	2	4	4	4
Импорт из КНР (1)	0,1	0,0	0,0	2,0	0,0	1,8
Импорт по условно высоким ценам (2)	99,3	86,9	97,3	98,0	97,0	94,1
(1) + (2)	99,4	86,9	97,3	100,0	97,0	95,9
Импорт из дальних стран	98,5	11,0	15,2	7,3	0,0%	8,1
Строительное оборудование и оборудование, используемое для подрядных работ (723), млн долл.	108,5	54,7	81,8	95,6	106,5	79,6
Базисный рост	–	50	75	88	98	73
Импорт из КНР (1)	12,1	37,7	22,0	22,1	30,9	29,2
Импорт по условно высоким ценам (2)	60,6	41,6	40,7	48,5	33,6	51,8
(1) + (2)	72,8	79,3	62,7	70,6	64,4	81,0
Импорт из дальних стран	36,3	16,5	19,9	23,3	18,5	24,2
Электрические механизмы, приборы и устройства и их части (77)***, млн долл.	2 567	2 261	2 610	2 677	2 797	2 751
Базисный рост	–	88	102	104	109	107
Импорт из КНР (1)	19,7	19,4	19,4	22,7	21,0	20,2
Импорт по условно высоким ценам (2)	60,2	57,0	57,5	54,0	56,7	67,0
(1) + (2)	80,0	76,4	77,0	76,8	77,7	87,2
Импорт из дальних стран	5,2	4,3	4,5	4,2	3,8	4,0
Медицинские электродиагностические аппараты (774), млн долл.	39,9	33,6	42,9	33,8	47,8	40,3
Базисный рост	–	84	108	85	120	101
Импорт из КНР (1)	14,2	23,0	17,2	22,6	40,2	25,2
Импорт по условно высоким ценам (2)	81,1	72,5	75,0	70,2	51,1	67,1
(1) + (2)	95,3	95,5	92,3	92,8	91,3	92,3
Импорт из дальних стран	43,4	30,7	37,0	29,1	20,8	26,1
Железнодорожные транспортные средства и оборудование (791), млн долл.	146,7	3,3	114,4	3,0	2,6	35,2
Базисный рост	–	2%	78	2	2	24
Импорт из КНР (1)	0,7	3,3	0,5	14,6	2,4	1,0
Импорт по условно высоким ценам (2)	99,2	91,7	98,1	74,9	97,2	98,9
(1) + (2)	100,0	95,0	98,5	89,5	99,6	99,8
Импорт из дальних стран	96,2	23,8	94,1	8,4	85,4	89,8
Инструменты и устройства для медицинских и прочих целей (872)***, млн долл.	124	125	154	139	146	188
Базисный рост	–	101	125	112	117	152
Импорт из КНР (1)	9,2	12,3	19,0	11,3	9,9	10,5
Импорт по условно высоким ценам (2)	79,4	77,0	68,0	75,1	74,6	78,2
(1) + (2)	88,6	89,3	87,0	86,4	84,5	88,8
Импорт из дальних стран	14,2	16,3	11,9	11,6	12,5	9,9

* Составлено по: Merchandise trade matrix, annual. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (отсутствие данных принималось за «0»; данные за 2024 г. по странам – оценочные); Отрасли экспорта. – URL: <https://made-in-ural.ru/oblasti-eksporta/> (дата обращения: 14.01.2026). Standard International Trade Classification. Rev. 4. : Statistical Papers. Series M. No. 34. – United Nations, 2006. – URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4E.pdf (дата обращения: 23.05.2022).

Примечание: импорт из стран с высоким уровнем цен (ЕС, США, Япония, Австралия, Республика Корея), импорт из географически удаленных стран (все перечисленные страны, кроме ЕС и Британии). Среди числовых данных жирным шрифтом выделены максимумы и минимумы.

Вместе с тем, как видно по данным таблицы, по нескольким товарам ранее имели место периоды более высокого импортного спроса: в 2019 г. импорт группы 712 был в 24 раза выше (13,4 млн долларов), по группе 723 – в 1,36 раза (108,5 млн долларов), группе 791 – в 4,17 раза (146,7 млн долларов). Это отражает максимальную потребительскую емкость тунисского рынка по данным товарным группам. Импорт других позиций, наоборот, вырос: раздел 54 – в 1,22 раза, раздел 77 – в 1,07 раза, группа 872 – в 1,52 раза. Такая статистика может отражать как динамизм тунисского спроса, так и изменения в готовности имеющихся стран-поставщиков покрывать этот спрос. Причем почти по всем товарам на анализируемом интервале имели место как годы роста, так и снижения. Так, если импорт раздела 54 стабильно рос, то по группам 712 и 872 и разделу 77 было по 1 году существенного снижения, по группам 723 и 791 – по 2 несмежных года, по группе 774 – 3 несмежных года; и по каждому товару наблюдалось по крайней мере 2 несмежных года существенного роста.

Доля Китая по большей части существенная. Так, по разделу 77, на который приходится 72% тунисского импорта релевантных товарных групп, из КНР в 2019-2024 гг. поставлено от 19 до 23%, по разделу 54 – доля КНР выросла с 4,2 до 6,9%, по группе 872 – доля колебалась от 9 до 19%, по группе 723 – от 12 до 38%, по группе 774 – от 14 до 40%, и т. д. (таблица).

Доля импорта по условно высоким ценам (т. е. из стран Запада) в 2024 г. по всем группам превысила 50%. В 2019-2024 гг. она колебалась по разделу 77 от 54 до 67%, по разделу 54 – от 69 до 77%, по группе 872 – от 68 до 79%, по группе 723 – от 34 до 61%, по группе 774 – от 51 до 81%, по группе 791 – от 75 до 99%, по группе 712 – от 87 до 99%. То есть товары условно бюджетного сегмента и товары по условно высоким ценам в совокупности образовывали по разделу 77 от 76 до 87% тунисского импорта, по разделу 54 – от 77 до 82%, по группе 872 – от 85 до 89%, по группе 723 – от 63 до 81%, по группе 774 – от 91 до 96%, по группе 791 – от 90 до 100%, по группе 712 – от 87 до 100%. Столь высокие доли отражают перспективную нишу на рынке Туниса, на которую могли бы выйти российские (в том числе свердловские) производители со своим соотношением цены и функционала: к примеру, с промежуточными относительно западных и китайских товаров параметрами – с более насыщенным, чем у бюджетных товаров, функционалом, но при этом с более низкой, чем у товаров с максимальным функционалом, ценой.

В свою очередь товары, пусть и в небольших масштабах, ввозились Тунисом также из географически удаленных стран. Так, совокупно из США, Республики Корея, Японии и Австралии ввозилось в 2019-2024 гг. по разделу 77 от 3,8 до 5,2% импорта, по разделу 54 – от 2,6 до 4,5%, по группе 872 – от 10 до 14%, по группе 723 – от 17 до 36%, по группе 774 – от 26 до 43%, по группам 791 и 712 – от 8 до 96-99%.

Несмотря на то что эти страны географически более, чем Россия (либо сопоставимо) удалены от Туниса, а также что они имеют высокие цены на товары, Тунис готов не только закупать их товары по высокой цене, но и оплачивать доставку издалека.

Заключение

Представленная методика предлагает обоснование направлений развития внешнеэкономической деятельности российских регионов в условиях новых глобальных вызовов через оценку экспортного потенциала регионов, которая осуществляется на базе анализа их экспортной специализации и импортного спроса зарубежных стран-партнеров. Предложенная методика может быть использована для разнообразных товарных позиций: в зависимости от специализации российского региона, экспортные перспективы которого оцениваются, выявляются свои товарные ниши на рынках зарубежных стран.

Обоснование методики оценки и ее апробация показали, что более информативным применение методики будет в случае учета возможно большего числа дружественных стран-партнеров.

Рассмотренная методика позволяет учесть товарную номенклатуру экспортной специализации заданного российского региона, масштабы импортных потребностей выбранной зарубежной страны/группы стран и ее покупательную способность, а также сложившуюся конъюнктуру покрытия этой потребности в контексте соотношения цены и функционала товаров. При этом цена учитывается в части транспортного плеча доставки товаров. Методика позволяет учесть практику стабильности/динамика степени покрытия импортного спроса выбранной зарубежной страны.

Ограничения проведенного исследования состоят в том, что товары рассматриваются в достаточно агрегированном представлении, что определяется публикуемой международной статистикой.

Результаты могут быть интересны российским федеральным органам власти при определении зарубежных географических направлений, перспективных для активизации торгово-дипломатического сотрудничества, и товарного наполнения переговорных позиций в рамках данного сотрудничества; региональным органам власти при определении перспективных для поддержки товарных ниш экспорта региона.

Возможные направления дальнейших исследований могут касаться применения предложенной методики к более широкому кругу российских регионов и зарубежных стран.

Список литературы

1. Андреева Е., Ратнер А. Потенциал БРИКС и ШОС // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 4. – С. 111–116. – DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-111-116
2. Ишуков А. А., Михайленко В. И., Солод А. В., Фролова Е. Д. Развитие российско-монгольских внешнеторговых отношений в пищевой промышленности // *Международная торговля и торговая политика*. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 96–114. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-96-114
3. Калинин Д. М., Дробышев И. Р. Расширение российского экономического потенциала на африканские рынки сбыта // *Вестник евразийской науки*. – 2023. – Т. 15. – № s1. – С. 1–11.
4. Кирюхина С. Е. Мировой рынок электромобилей: Индия как новый игрок в борьбе за первенство // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2025. – Т. 15. – № 6. – С. 3987–4000. – DOI: 10.18334/erpp.15.6.123104 (In Russ.).
5. Костюнина Г. М. Экономическое сообщество стран западной Африки (ЭКОВАС): результаты 50-летнего функционирования // *Право и управление. XXI век*. – 2025. – Т. 21. – № 1. – С. 149–161. – DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-149-161
6. Меланьина М. В., Вереникина А. Ю. Взаимная торговля стран – участниц АСЕАН в контексте региональной экономической интеграции: эмпирический анализ // *Россия и Азия*. – 2024. – № 2. – С. 53–70.
7. Митюшкина А. А. Динамика географической и товарной структуры внешней торговли Бразилии (1995–2020 гг.) // *Инновационная экономика*. – 2022. – № 1. – С. 4–17.
8. Пичкхун П. Торгово-экономическое сотрудничество России и Камбоджи: тенденции и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. – 2025. – № 10. – С. 14–20. – DOI: 10.31857/S0321507525100027
9. Приходько Д. В. Возможности России на африканском рынке цифровых технологий // *Прогрессивная экономика*. – 2025. – № 2. – С. 145–155. – DOI: 10.54861/27131211_2025_2_145
10. Сапир Е. В., Карачев И. А. Перспективы расширения интеграционного сотрудничества России и Китая на базе специальных экономических зон // *Экономика региона*. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 655–671. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-6
11. Сулима Е. С., Бреус Т. А., Орлова Г. А., Савинов Ю. А. Расширение внешнеторговой активности российских фирм на рынках стран Латинской Америки // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2023. – № 12. – С. 111–120. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-111-120
12. Фазрахманов И. И., Акчурина Р. Н. Перспективы российского экспорта в страны Африки // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2025. – № 5. – С. 89–93. – DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-89-93
13. Хаиров А. В. Тенденции развития внешней торговли товарами Алжира в контексте сотрудничества с Россией // *Российский внешне-*

экономический вестник. – 2023. – № 6. – С. 70–77. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-6-70-77

14. Хаиров А. В. Торговый потенциал России и Марокко: подход гравитационной модели // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 8. – С. 35–43. – DOI: 10.64545/2072-8042-2025-8-35-43

15. Шеров-Игнатъев В. Г. Африканский рынок мобильных телефонов: роль китайских компаний // Россия и Азия. – 2025. – № 3. – С. 6–15. –

16. Шкваря Л. В. Страны Северной Африки: экономическое развитие и готовность к цифровизации // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 105–117. – DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-105-117

17. Шкваря Л. В. Трансформация внешней торговли России и роль стран Азии // Россия и Азия. – 2022. – № 8. – С. 6–16.

18. Choudhury R. N., Ghosh S., Ganguly A. The Impact of Regional Trade Agreements on FDI Inflows in India // Journal of Social and Economic Development. – 2025. – Vol. 27. – No. 2 (Supplement). – P. 243–262. – DOI: 10.1007/s40847-024-00393-x

19. Jain R., Elangovan G., Lakshminarayanan K. Do the Macroeconomic Determinants of Export Destinations Matter? The Case of Indian Black Pepper // Journal of Industry, Competition and Trade. – 2025. – Vol. 25. – Article 15. – DOI: 10.1007/s10842-025-00449-6

20. Kalita S. The ASEAN-India Free Trade agreement: an empirical Assessment of Trade Effects // SN Business & Economics. – 2026. – Vol. 6. – Article 19. – DOI: 10.1007/s43546-025-01043-y

References

1. Andreeva E., Ratner A. Potentsial BRIKS i SHOS [Potentsial BRIKS i ShOSS]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, No. 4, pp. 111–116. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-111-116

2. Ishukov A. A., Mikhaylenko V. I., Solod A. V., Frolova E. D. Razvitie rossiysko-mongolskikh vneshnetorgovykh otnosheniy v pishchevoy promyshlennosti [Development of Russian-Mongolian Foreign Trade Relations in Food Industry]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 3, pp. 96–114. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-96-114

3. Kalinin D. M., Drobyshev I. R. Rasshirenie rossiyskogo ekonomicheskogo potentsiala na afrikanskie rynki sbyta [Expansion of Russian Economic Potential to African Sales Markets]. *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2023. Vol. 15, No. s1, pp. 1–11. (In Russ.).

4. Kiryukhina S. E. Mirovoy rynek elektromobiley: Indiya kak novyy igrok v borbe za pervenstvo [Global Electric Vehicle Market: India as a New Player in the Fight for Leadership]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i parvo*

[Journal of Economics, Entrepreneurship and Law, 2025, Vol. 15, No. 6, pp. 3987–4000. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.15.6.123104

5. Kostyunina G. M. Ekonomicheskoe soobshchestvo stran zapadnoy Afriki (EKOVAS): rezultaty 50-letnego funktsionirovaniya [The Economic Community of West African States (ECOWAS): Results of 50 Years of Functioning]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration], 2025, Vol. 21, No. 1, pp. 149–161. (In Russ.). DOI: 10.24833/2073-8420-2025-1-74-149-161

6. Melanina M. V., Verenikina A. Yu. Vzaimnaya trgovlya stran – uchastnits ASEAN v kontekste regionalnoy ekonomicheskoy integratsii: empiricheskii analiz [Mutual Trade of ASEAN Member Countries in the Context of Regional Economic Integration: Empirical Analysis]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2, pp. 53–70. (In Russ.).

7. Mityushkina A. A. Dinamika geograficheskoy i tovarnoy struktury vneshney trgovli Brazili (1995–2020 gg.) [Dynamics of the Geographical and Commodity Structure of Brazil's Foreign Trade (1995–2020)]. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovative Economy], 2022, No. 1, pp. 4–17. (In Russ.).

8. Pichkhun P. Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kambodzhi: tendentsii i perspektivy [Trade and Economic Cooperation between Russia and Cambodia: Trends and Prospects]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2025, No. 10, pp. 14–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525100027

9. Prikhodko D. V. Vozmozhnosti Rossii na afrikanskom rynke tsifrovyykh tekhnologiy [Russia's Opportunities in the African digital Technology Market]. *Progressionnaya ekonomika* [Progressive Economy], 2025, No. 2, pp. 145–155. (In Russ.). DOI: 10.54861/27131211_2025_2_145

10. Sapir E. V., Karachev I. A. Perspektivy rasshireniya integratsionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya na baze spetsialnykh ekonomicheskikh zon [Expanding Russia-China Economic Integration Cooperation through Special Economic Zones]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2025, Vol. 21, No. 3, pp. 655–671. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-6

11. Sulima E. S., Breus T. A., Orlova G. A., Savinov Yu. A. Rasshirenie vneshnetorgovoy aktivnosti rossiyskikh firm na ryinkakh stran Latinskoj Ameriki [Expansion of Foreign Trade Activities of Russian Firms in Latin American Countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2023, No. 12, pp. 111–120. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-111-120

12. Fazrakhmanov I. I., Akchurina R. N. Perspektivy rossiyskogo eksporta v strany Afriki [Russian Export Prospects for African Countries]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2025, No. 5, pp. 89–93. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-89-93

13. Khairov A. V. Tendentsii razvitiya vneshney trgovli tovarami Alzhira v kontekste sotrudnichestva s Rossiey [Trends in Algeria's Foreign Trade and Cooperation with Russia]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*

[Russian Foreign Economic Journal], 2023, No. 6, pp. 70–77. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2023-6-70-77

14. Khairov A. V. Torgovyy potentsial Rossii i Marokko: podkhod gravitatsionnoy modeli [Trade Potential of Russia and Morocco: Gravity Model Approach]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2025, No. 8, pp. 35–43. (In Russ.). DOI: 10.64545/2072-8042-2025-8-35-43

15. Sherov-Ignatev V. G. Afrikanskiy rynek mobilnykh telefonov: rol kitayskikh kompaniy [African Market of Mobile Phones: the Role of Chinese Companies]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 3, pp. 6–15. (In Russ.).

16. Shkvarya L. V. Strany Severnoy Afriki: ekonomicheskoe razvitie i gotovnost k tsifrovizatsii [North African Countries: Economic Development and Readiness for Digitalization]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2022. Vol. 8, No. 2, pp. 105–117. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2022-2-105-117

17. Shkvarya L. V. Transformatsiya vneshney torgovli Rossii i rol stran Azii [Transformation of Russia's Foreign Trade and the role of Asian Countries]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 8, pp. 6–16. (In Russ.).

18. Choudhury R. N., Ghosh S., Ganguly A. The Impact of Regional Trade Agreements on FDI Inflows in India. *Journal of Social and Economic Development*, 2025, Vol. 27, No. 2 (Supplement), pp. 243–262. DOI: 10.1007/s40847-024-00393-x

19. Jain R., Elangovan G., Lakshminarayanan K. Do the Macroeconomic Determinants of Export Destinations Matter? The Case of Indian Black Pepper. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 2025, Vol. 25, Article 15. DOI: 10.1007/s10842-025-00449-6

20. Kalita S. The ASEAN-India Free Trade Agreement: an Empirical Assessment of Trade Effects. *SN Business & Economics*, 2026, Vol. 6, Article 19. DOI: 10.1007/s43546-025-01043-y

Поступила: 21.09.2025

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторе

Артем Витальевич Ратнер

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований ИЭ УрО РАН.

Адрес: Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.
ORCID: 0000-0001-7173-5328
E-mail: ratner.av@uiec.ru

Information about the author

Artem V. Ratner

PhD, Senior Research Fellow of Center for Regional Comparative Studies at the IE UB RAS.

Address: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-7173-5328
E-mail: ratner.av@uiec.ru

DOI: <http://x.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-83-101>

ВЛИЯНИЕ ТАРИФНОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА НА УСИЛЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Е. Н. Смирнов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Статья посвящена исследованию характера и масштабов применения тарифов в современной международной торговле. В ходе эволюции международная торговля постепенно становилась более свободной, а прогресс либерализации достигался в рамках многосторонних усилий стран мира. Однако в последние годы появились аргументы в пользу торгового протекционизма. Автором проведен анализ по нескольким ключевым аспектам исследуемой проблемы, в частности, обсуждаются дискуссионные вопросы возврата к торговому протекционизму и мотивы его использования ключевыми экономиками. Важным направлением исследования стало рассмотрение основных современных трендов либерализации международной торговли и исключений из нее. Отмечается серьезная дифференциация стран и отраслей по масштабам применения тарифной защиты. Сформулированы ключевые вызовы для глобальных цепочек поставок и маркеры усиления напряженности в международной торговле в целом, которые проистекают из сохранения тарифной защиты.

Ключевые слова: тарифный протекционизм, либерализация, торговая политика, Всемирная торговая организация, преференциальное торговое соглашение, режим наибольшего благоприятствования, тарифы.

THE IMPACT OF TARIFF PROTECTIONISM ON THE INCREASED TENSIONS IN MODERN INTERNATIONAL TRADE

Evgenii N. Smirnov

State University of Management, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of the nature and extent of the application of tariffs in modern international trade. In the course of evolution international trade has gradually become freer, and progress in liberalization has been achieved through the multilateral efforts of countries around the world. However, in recent years, arguments have emerged in favor of trade protectionism. The author analyzes several key aspects of the problem under study, in particular, discusses the controversial issues of a return to trade protectionism and the motives for its use by key economies. An important area of research was the consideration of the main modern trends in the liberalization of international trade and exceptions from it. There is a serious differentiation of countries and industries in terms of the scale of tariff protection.

The key challenges for global supply chains and markers of increasing tensions in international trade in general, which stem from the preservation of tariff protection, are formulated.

Keywords: tariff protectionism, liberalization, trade policy, World Trade Organization, preferential trade agreement, most-favored-nation treatment, tariffs.

Введение

Поддержка свободной торговли и преимуществ от нее длительное время была мотивирована ростом благосостояния стран на основе их специализации и сравнительных преимуществ. Однако сегодня растет политическая поддержка протекционизма. Вместе с тем торговля товарами и услугами со времен А. Смита была привлекательной в силу различий стран по многим факторам (природным ресурсам, климату, капиталу, законам и пр.). В связи с этим торговля обеспечила странам специализацию на тех товарах, которые они делают лучше всего, и в конечном итоге обмен ими ведет к росту благосостояния и богатства. Эти идеи, изложенные Д. Рикардо еще в XIX в., стали основой экономической теории торговли.

В современных условиях, сложившихся в ходе эволюции международной торговли и действия многих рисков и вызовов мировой экономики, актуализировалась проблема пределов применения тарифной защиты, которая остается необходимой для многих развивающихся стран. Более того, в условиях современных шоков международной торговли [1], особенно проявившихся после пандемии, началась новая волна тарифной защиты, которая продолжает использоваться, в том числе и развитыми странами из соображений национальной безопасности. Данная проблематика анализируется в научной литературе, в том числе в рамках фокусирования на так называемых торговых войнах [4], значение которых в современной международной торговой политике существенно возросло. Важно принимать во внимание, что вопросы современного торгового протекционизма во многом справедливо увязываются с формированием нового миропорядка и поиском места стран [3. – С. 347] в модернизирующемся разделении труда.

Дискуссия о возврате протекционизма, роли тарифов и прекращении свободной торговли

После Второй мировой войны были сформулированы новые подходы к глобальному регулированию международной торговли. В частности, это выразилось в учреждении предшественника Всемирной торговой организации (ВТО) – Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое поставило амбициозную цель последовательного снижения тарифов в международной торговле, что обеспечило бы ее дальнейшее развитие. Принцип наибольшего благоприятствования, обязываю-

ший страны применять аналогично ко всем торговым партнерам низкие ставки тарифов, стал одним из ключевых для либерализации международной торговли. Это правило было разработано с целью устранения дискриминации в торговле – явления, когда страна устанавливает разные тарифы на одни и те же товары из разных стран.

В 1995 г. ГАТТ было преобразовано в ВТО, и страны до недавнего времени придерживались консенсуса о свободной торговле. В основе развития международной торговли лежали простейшие идеи о том, что обе страны – участницы торговли могли получить выгоды от торговли даже в том случае, если одна из них производит лучше все товары и услуги. П. Самуэльсон в качестве универсальной идеи выгоды от торговли привел теорию сравнительных преимуществ Д. Рикардо [14. – С. 17].

Вместе с тем тарифы представляют собой один из базовых инструментов торговой политики, призванный защитить отрасли национальной экономики, как это описывается в современной литературе [1]. Либерализация международной торговли в послевоенные годы вела к последовательному снижению тарифов и заключению торговых соглашений, однако влияние тарифов на экономику развивающихся стран все еще остается весьма жестким, подавляя возможности их социально-экономического развития.

Тарифы для развивающихся стран важны, особенно для тех стран, где возможности получения доходов за счет прямого налогообложения ограничены (тарифы могут вносить заметный вклад в госбюджеты, финансируя важные социальные расходы). Кроме того, тарифы выступают инструментом поддержки вновь созданных отраслей экономики. Пошлины на импорт создают благоприятные условия для отечественных отраслей. История показывает, что такая практика получила особую актуальность и распространение в аграрном секторе, легкой и текстильной промышленности, где развивающиеся страны при имеющемся большом потенциале сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны игроков развитых стран. Наконец, тарифы воздействуют на торговые переговоры и доступ к рынкам. Развивающимся странам достаточно сложно ориентироваться в запутанной многосторонней системе преференций доступа на рынки. Многие развитые страны предоставляют преференции к экспорту развивающихся стран, некоторые отрасли все еще сталкиваются с высокими тарифами.

В 2024 г. экономистам был адресован вопрос: может ли введение тарифов привести к повышению цен и к тому, что эти тарифы будут оплачивать потребители? Утвердительно ответили на данный вопрос 96% опрошенных [5]. Д. Ирвин указывал в 2017 г., что для США были характерны несколько периодов популярности протекционизма в торговле (в частности, период до Великой депрессии) [11]. В других трудах также

широко обсуждались преимущества и недостатки свободной торговли [12. – С. 79]. Между тем в настоящее время сложилось несколько аргументов, поддерживающих политику протекционизма в торговле (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Аргументы США в пользу протекционизма в международной торговле

Аргумент	Характеристика
Обеспечение налоговых поступлений	Тариф является налогом на импортируемый товар, приносит государству деньги и может теоретически быть использован, например, в качестве замены подоходного налога
Защита рабочих мест	В США приводят в пример регионы страны, пострадавшие от либерализации торговли (Средний Запад). Одно из последних исследований ФРС продемонстрировало существенное сокращение занятости в обрабатывающей промышленности США вследствие изменения тарифов 2018–2019 гг. [6]
Национальная безопасность	Правительство может прибегнуть к запрету импорта чувствительных товаров, если считает, что зарубежная компания оказывает существенное влияние на национальную безопасность США путем экспорта критически значимых или ключевых товаров. Многие страны мира уже ограничивают импорт некоторых товаров из соображений национальной безопасности
Противодействие недобросовестным торговым практикам стран-партнеров	Страны – члены ВТО обязались соблюдать правила добросовестной торговли, однако страна может принять ответные меры в отношении стран, нарушающих правила ВТО в части добросовестной торговли. Демпинг (экспорт товаров по цене ниже нормальной) стал широко распространенной практикой (например, компания-экспортер может сбрасывать избыточные запасы). При обнаружении демпинга ВТО разрешает стране-импортеру установить антидемпинговую пошлину на данный товар в виде разницы между рыночной и экспортной ценой
Диверсификация экономики	Дефицит ряда товаров в США в последние годы (чипы, компоненты для лекарств и вакцин) показал как высокую степень специализации их экономики, так и необходимость отделения экономики США от Китая. Диверсификация ведет к тому, что другие страны могут оказывать серьезное влияние на безопасность и процветание США

Указанные аргументы ведут к тому, что протекционизм может обеспечить лучшие результаты, чем свободная торговля. В этой связи следует привести известный в истории пример «налог на курятину» – тариф в размере 25% на легкие грузовики, введенный США в 1964 г. и ставший ответом на тарифы Германии и Франции на импорт курятины в Европу из США. Тарифы на грузовики остались в силе, чтобы дать преимущества производителям США перед зарубежными конкурентами.

Это объясняет доминирование местных грузовиков на внутреннем рынке США

В целом история показала, что свободная торговля ведет к росту благосостояния, однако в последнее время либерализация подвергается нападкам во всем мире. Ввиду доминирования Китая многие усомнились в преимуществах свободной торговли, поскольку США теряют рабочие места, обостряются проблемы национальной безопасности. Свободная торговля привела к чрезмерной специализации или, например, к сбросу дешевой продукции на американский рынок. Поддержка свободной торговли не прекратилась, но поле игры в мире существенно изменилось, и оно создается большими и растущими развивающимися экономиками.

Масштабы тарифной защиты и либерализации международной торговли по отдельным регионам и отраслям

В результате политики либерализации международной торговли, проводимой после Второй мировой войны, тарифная нагрузка снижалась. В настоящее время порядка 70% международного обмена происходит без установления тарифов. Однако тарифная защита по отраслям остается достаточно высокой (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Свободная торговля и оставшиеся в действии тарифы
по ключевым секторам в 2023 г.* (в %)

Сектор	Охват льготными режимами	Беспшлинная торговля, % от общего объема международной торговли		Тип тарифа	Средневзвешенный тариф на несвободную от тарифов торговлю в 2023 г., %
		2012	2023		
Сельское хозяйство	Под РНБ	21,2	19,1	Простой средний	20
	Под преференциями	45,4	50,6	Средневзвешенный	19,1
Промышленность	Под РНБ	35,0	39,1	Простой средний	10,1
	Под преференциями	33,8	32,2	Средневзвешенный	7,9
Природные ресурсы	Под РНБ	53,5	63,4	Простой средний	6,2
	Под преференциями	25,8	15,8	Средневзвешенный	3,5

* Составлено по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).
Примечание: РНБ – режим наибольшего благоприятствования.

Беспошлинная торговля сельскохозяйственной продукцией часто связана с участием в преференциальном торговом соглашении (ПТС). Нулевой режим РНБ и прочие преференции предусмотрены для 70% международной торговли продукцией обрабатывающей промышленности, и только оставшаяся часть этой торговли облагается обычными тарифами. Более 50% международной торговли природными ресурсами осуществляется с нулевыми пошлинами РНБ. С учетом тарифных преференций 80% торговли природными ресурсами не облагаются пошлинами, а остальные 20% имеют относительно низкие тарифы (3,5%) [10. – С. 9].

Несмотря на относительно низкие средние тарифные ставки, имеют место так называемые *тарифные пики* – высокие импортные пошлины в отношении некоторых товаров. Эти пики возникают по мере того, как товары в так называемых чувствительных отраслях (текстильная промышленность, сельское хозяйство) облагаются более высокими, чем средние, тарифами. Повышенные тарифы используются для защиты отраслей национальной промышленности от внешней конкуренции.

Тарифные пики имеют место в торговой политике многих развивающихся стран, однако для них характерны разные модели (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Пиковые значения тарифов по регионам в 2023 г.*

Регион	Доля международной торговли, применяющей тариф в размере 15% и выше, %			Доля 6-значных позиций в Гармонизированной системе, охваченных тарифами, %		
	Сельскохозяйственные товары	Промышленные товары	Природные ресурсы	Сельскохозяйственные товары	Промышленные товары	Природные ресурсы
Развитые страны	4	2,6	0	9,6	0,9	0,3
Африка	27,2	23,4	1,7	51,8	33,4	7,5
Восточная Азия	17,5	4,9	1,3	26	9	1,6
Латинская Америка	8,5	9,8	0,1	25,3	18,2	1,6
Оставшаяся часть Азии	9,7	2,2	0	19,1	4,9	1,9
Южная Азия	32,5	13,9	3,7	75,9	36	10,9

* Табл. 3; 4; 6 составлены по данным ЮНКТАД.

Для Африки и Южной Азии характерны максимальные тарифные пики в импорте промышленных товаров и аграрной продукции. В основном тарифные пики характерны для отраслей, играющих важную роль для стран с низким уровнем дохода. Так, 8% торговли продовольствием облагается ставками тарифов в размере более 15%. Около 30% позиций Гармонизированной системы (до 6 знака) по торговле продовольствием имеет тарифы более 15%. Аналогично 8% торговли одеждой облагается тарифом в размере 15% (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Пиковые значения тарифов по секторам в 2023 г.

Товары	Доля международной торговли, применяющей тариф в размере 15% и выше, %	Доля 6-значных позиций в Гармонизированной системе, охваченных тарифами, %	Товары	Доля международной торговли, применяющей тариф в размере 15% и выше, %	Доля 6-значных позиций в Гармонизированной системе, охваченных тарифами, %
Нефть, газ, уголь	0,2	0,4	Бумажные изделия	3	9,2
Горнодобывающая продукция	0,4	1,2	Металлическая продукция	6,8	12,2
Нефтепродукты	2,9	1,8	Неметаллические минералы	6,2	12,7
Офисное оборудование	3,1	2	Автомобили	7,7	13
Химическая продукция	1,4	3,7	Резина/пластик	7,4	13
Точные приборы	1,9	3,9	Текстиль	10,6	13,7
Машины	4,5	4	Масла и жиры	9,4	15,7
Основные металлы	1,7	5,4	Изделия из дерева	5,2	15,8
Транспортное оборудование	1,7	6,4	Овощная продукция	8,7	17,1
Коммуникационное оборудование	2,4	6,9	Продукты животного происхождения	10,8	20,2
Электрические машины	4,8	8,4	Одежда	8,7	24,9
Напитки и табачная продукция	8,3	8,6	Продовольствие	7,8	27,4

Тарифная эскалация может иметь место, когда более высокие тарифы применяются в отношении готовой продукции по сравнению с тарифами на промежуточную продукцию или сырье. Это характерно для многих стран и призвано защищать внутренние трудоемкие отрасли, производящие и обрабатывающие потребительские товары. Такая практика ограничивает развитие перерабатывающих производств в развивающихся странах и препятствует их продвижению вверх по ГЦСС.

Тарифная эскалация больше характерна для промышленности (в основном текстильной и легкой), чем для сельского хозяйства. Есть несколько исключений (например, производство нефтепродуктов), где на сырье тарифы будут более высокие, чем на готовую продукцию. Следует отметить, что тарифная эскалация создает некоторые проблемы для развивающихся стран, поскольку для них усложняется создание конкурентоспособных национальных производств, что консервирует их позиции как сырьевых экспортеров и создает барьеры для структурных реформ в экономике и внешнеэкономической деятельности. Однако тарифная эскалация имеет преимущество, так как может быть использована развивающимися странами в торговых переговорах, чтобы добиться более справедливых условий торговли. Также эскалация может способствовать диверсификации экспорта, позволяя стране сфокусировать внимание на региональных рынках, поддерживая региональные цепочки создания стоимости для удовлетворения спроса на региональном уровне. Этой группе стран необходима модернизация промышленной политики, чтобы рост тарифов положительно сказывался на их участии в международном обмене.

Особо следует отметить и *связанные тарифы*. Это максимальные ставки тарифов, которые страна обязалась не превышать при налогообложении товарного импорта исходя из правил ВТО. Эти ставки обеспечивают для импортеров, экспортеров и инвесторов предсказуемость и определенность по меньшей мере *тремя способами*:

- страны – члены ВТО принимают обязательства в отношении связанных тарифов, поэтому компании планируют торговлю и инвестиции более уверенно, зная о том, что повышение тарифов маловероятно, поскольку страны-партнеры не имеют права повысить тарифы произвольно сверх связанных уровней (поэтому риски внезапного роста издержек снижаются);
- в импорто- или экспортозависимых отраслях инвесторы (внутренние и иностранные) имеют больше стимулов для долгосрочных инвестиций, поскольку есть большая определенность по поводу торговых издержек;

– чрезмерный протекционизм почти невозможен в условиях связанных тарифов, поскольку обеспечиваются равные условия как для зарубежных, так и внутренних производителей.

Таким образом, связанные тарифы юридически устанавливают предел повышения страной своих тарифов. При этом многие страны поддерживают ставки РНБ ниже данного уровня, сохраняя маневр для потенциально возможного повышения. Такое явление называется *тарифной водой*, т. е. это разрыв между применяемым тарифом РНБ и связанной ставкой тарифа. Данное пространство для маневра позволяет развивающимся странам осуществлять корректировку тарифов по мере необходимости, но у этой группы стран такая возможность не является значительной, так как большинство ставок тарифа уже связываются на уровне РНБ либо близки к нему. Однако следует отметить, что «тарифная вода» соответствует требованиям ВТО и вполне может применяться.

Связывание тарифов может применяться не только в рамках ВТО, но и на базе ПТС. Страны, заключая данные ПТС, регулируют существенную часть торговли между собой преференциальными условиями, таким образом закрепляя взаимные обязательства по тарифам и предотвращая возможность их повышения в одностороннем порядке. Поэтому истинная «тарифная вода» с учетом ПТС будет намного меньше, чем представляется, особенно в развитых странах, вследствие осуществления большей части торговли в рамках ПТС. В этой связи обязательства в рамках ПТС обеспечивают предсказуемость и стабильность международной торговли и трансграничных инвестиций, выступая одновременно барьером для эскалации протекционизма, который может нарушать ГЦСС с участием торговых партнеров.

Так, по *отдельным группам товаров* сложилась следующая ситуация с применением тарифов в международной торговле (табл. 5).

Следует отметить, что многосторонние и региональные торговые соглашения способствовали снижению тарифов, однако с различными выгодами по разным секторам (табл. 6).

При этом сельское хозяйство, несмотря на либерализацию международной торговли, больше других секторов имеет тарифную защиту, тогда как поставки сырья на международный рынок почти не сталкиваются с тарифами. С учетом всех преференциальных схем и уступок международная торговля подвергается высоким тарифам также и по промышленным товарам (например, одежда). Эти секторальные различия необходимо учитывать при разработке инструментария торговой политики, которая бы содействовала социально-экономическому развитию и росту национальных экономик.

Т а б л и ц а 5

**Специфика применения тарифов в международной торговле
отдельными группами товаров**

Группа товаров	Уровень тарифов в целом	Развивающиеся страны	Развитые страны	Особенности применения тарифов
Сельскохозяйственная продукция	Самые высокие, несмотря на заключаемые ПТС и многосторонние торговые переговоры	Высокий уровень тарифов – около 20% в режиме РНБ (тарифы высокие во всех группах развивающихся стран, за исключением стран Латинской Америки)	Низкий уровень тарифов (нулевой – в отношении аграрного сырья, которое развитые страны не производят), однако по чувствительным товарам (сахар, мясо, молочная продукция) тарифы могут превышать 15%	Существенные различия тарифов по секторам (4% – для продовольствия, 8% – для овощей). Более высокие тарифы для обработанной аграрной продукции (так называемая тарифная эскалация)
Промышленные товары	Низкие тарифы	Высокий уровень тарифов – только в странах Южной Азии и Африки (около 8%), в других развивающихся странах – около 5%	Самые низкие (в обрабатывающей промышленности – около 2%)	Либерализация торговли привела к снижению тарифов в 2012–2023 гг. на 1%. По текстилю и одежде остаются самые высокие тарифы (6%). Введение ответных тарифов крупными экономиками (США и Китай) ограничило поставки ряда товаров (например, офисное оборудование)
Сырье	Самые низкие тарифы, поскольку конкурентоспособность многих производителей зависит от стабильных поставок сырья	Низкие тарифы	Самые низкие тарифы	Преференциальные тарифные схемы и РТС, в отличие от аграрной продукции и промышленных товаров, ограничено воздействуют на международную торговлю сырьем, поскольку тарифы и так низкие

Т а б л и ц а 6

**Средний размер многосторонних и преференциальных тарифов
в международной торговле (в %)**

Сектор	Тип тарифа	Многосторонний тариф		Преференциальный тариф	
		2012	2023	2012	2023
Сельское хозяйство	Простой средний	17,2	15,3	10,5	9,3
	Средневзвешенный	16,9	15,7	6,1	5,9
Промышленность	Простой средний	7	7,3	5,5	4,3
	Средневзвешенный	4,2	4,1	1,9	2,1
Природные ресурсы	Простой средний	2,8	2,8	1,9	1,2
	Средневзвешенный	1,6	1,5	0,4	0,3

В свою очередь по *отдельным регионам* обнаруживаются серьезные различия. Для развивающихся стран остаются характерными высокие тарифы как в экспорте, так в импорте. При этом для импорта они вводятся, чтобы защитить свою промышленность и пополнить госбюджет. Соответственно, складывается следующая картина по отдельным регионам (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Применение тарифных ограничений отдельными регионами

Регион	Тарифы в экспорте	Тарифы в импорте	Особенности
Африка	Более низкие пошлины на рынках развитых стран ввиду действия ПТС	Одни из самых высоких (8%)	Страны Африки экспортируют больше природных ресурсов, по которым ставки тарифов и так низкие
Южная Азия	Одни из самых высоких (4%)	Одни из самых высоких (8%)	РТС помогли снизить тарифы, а доступ на рынок определяется в основном преференциальной торговлей
Латинская Америка		Значительные, но более низкие, чем в Африке и Южной Азии	
Восточная Азия	Относительно низкие, за исключением некоторых случаев, которые связаны с тарифами США в отношении Китая	Низкие, ввиду обширных РТС и глубокой региональной экономической интеграции	Высокий уровень интеграции стран в ГЦСС стимулирует низкие тарифы, особенно на промежуточные ресурсы, для содействия трансграничному производству
Развитые страны	Одни из самых низких (меньше 2%) ввиду действия низких ставок РНБ и многосторонних торговых соглашений	Очень низкие ввиду ориентации на экспорт промышленных товаров	Развитые страны предлагают преференции доступа на рынок для импорта из некоторых развивающихся стран (особенно для экспортеров сырья)

Таким образом, тарифы на импорт и экспорт развивающихся стран все же различаются в межрегиональном разрезе. На внутрирегиональном уровне ввиду действия РТС страны в торговле друг с другом имеют более

низкие тарифы (табл. 8). При этом торговля между развивающимися странами до сих пор характеризуется высокими тарифами, которые почти не менялись в последнее десятилетие (за исключением изменений ставок тарифов, обусловленных изменениями в структуре торговли).

Т а б л и ц а 8
Тарифная матрица по регионам* (средний тариф, в %)

Регион-импортер	Регион-импортер					
	Развитые страны	Африка	Латинская Америка	Восточная Азия	Южная Азия	Прочие страны Азии
Развитые страны	1,1	0,6	0,9	3,3	2,4	1,1
Африка	7,5	2,7	9,9	11,2	8,7	6,0
Латинская Америка	2,7	2,8	2,0	7,4	10,6	4,2
Восточная Азия	4,2	2,2	10,4	1,3	3,7	1,5
Южная Азия	9,7	6,7	14,9	8,5	6,8	4,3
Прочие страны Азии	3,1	1,4	4,7	4,1	3,4	2,3

* Источник: [10. – С. 8].

Отметим, что для многих развивающихся стран внутрирегиональная торговля (ввиду действия РТС) стала более привлекательной, чем экспорт на рынки третьих стран, которые географически удалены. Страны Африки имеют, например, преимущество в 4,6% при внутрирегиональной торговле. Однако даже во внутрирегиональной торговле тарифы Южной Азии и Африки остаются высокими.

Для многих развивающихся стран – экспортеров за пределы своего региона высокие барьеры остаются существенными, поэтому межрегиональная торговля может быть менее выгодна, чем внутрирегиональная, поскольку в отношении последней действуют преференции в рамках РТС. В этом случае экспортеры одних стран могут оказаться в невыгодном положении на рынках третьих стран, поскольку там торгуют и те страны, которые получают преференциальный доступ на рынок. Однако экспортеры из стран Восточной Азии имеют меньше барьеров на отдаленных рынках, поскольку в основном поставляют продукцию с низкими ставками тарифов (машиностроение и электроника). Тарифы в странах Восточной Азии относительно низкие и отражают большую приверженность региона либерализации международной торговли и его глубокую интеграцию в глобальные цепочки поставок. Таким образом, конкурентоспособность экспорта стран Восточной Азии связана не с преференциальным доступом на рынок, а с технологическими возможностями этих стран и их эффективным встраиванием в международные производственные сети.

Современные вызовы тарифного протекционизма для глобальных цепочек поставок

На фоне сохраняющегося уровня тарифной защиты все чаще в повестке дискуссий в научном и экспертном сообществе фигурируют проблемы цепочек поставок и международной торговли, которые ранее считались узкоспециализированными (табл. 9).

Таблица 9

Вызовы для участия компаний в современных глобальных цепочках поставок

Вызов 1	Характеристика 2
Усиление глобального торгового протекционизма	Агрессивная торговая политика США свидетельствует о все большем использовании тарифов для достижения политических целей. Несмотря на масштабы применения, усиление тарифного протекционизма изменяет корпоративные стратегии. Одновременно страны вводят ответные меры против США, включая экспортные ограничения и стимулирование торговли с союзниками США. Такой расклад угрожает глобальной фрагментацией торговли, которая сравнима с торговыми войнами, наблюдавшимися в 1930-е гг.
Формирование двойных глобальных цепочек поставок	Появляются так называемые двойные глобальные цепочки поставок для западных компаний, одна из которых остается независимой, а другая – привязана к Китаю. Таким образом, компании страхуют региональные риски, продолжая использовать выгодный рынок Китая, но параллельно защищая себя от геополитических рисков. Однако, например, автомобильные корпорации Китая формируют параллельные цепочки, ориентируясь на рост тарифов в торговле развитых стран и усиливая домашние источники поставок. Для западных компаний важна преимущественно устойчивость и прибыльность, а для китайских – доступ к рынку. Соответственно, различия в мотивах свидетельствуют о все большей фрагментации международной торговли
Нейтральные страны усиливаются в цепочках поставок	В сохранившейся фрагментированной международной торговле остается группа неприсоединившихся, нейтральных стран (Мексика, ОАЭ, Вьетнам), рассматриваемых в качестве безопасных точек в глобальных цепочках поставок. Эти страны могут помочь компаниям управлять рисками в торговле, однако есть беспокойство по поводу их надежности в качестве посредников и стабильности их рынков (таким образом, эти страны – не самый лучший инструмент для нейтрализации геополитической напряженности)
Политическая подоплека френдшоринга	Торговля с дружественными странами, или френдшоринг, стала популярной как стратегия по преодолению геополитических рисков (западные страны провоцируют френдшоринг за счет тарифного протекционизма и экспортного контроля). Однако порой весьма сложно определить и рассчитать, какие страны являются «друзьями», и неясно, как на практике работает френдшоринг. Например, несмотря на перевод американскими ТНК производств в Мексику и Вьетнам, эти ТНК по-прежнему существенно зависят от поставок ресурсов из Китая
Баланс между локализацией и диверсификацией	Компании стремятся распределить риски глобальной цепочки поставок по отдельным регионам, сохраняя географическую близость к стране своего базирования. Для выхода на новые рынки и снижения рисков компании прибегают к географической диверсификации, однако для улучшения контроля и снижения транспортных издержек они локализуют цепочки поставок. Вероятно, необходим поиск четкого баланса между локализацией и диверсификацией. Диверсификация может стать дорогой и сложной, а локализация отсекает компании от возможностей глобальных рынков. В качестве примера возможно, например, приближать производство к ключевым рынкам, а закупать материалы из ряда регионов, снижая зависимость от одного поставщика. Таким образом, в фрагментированном мире важна комбинация локальной реакции и глобального охвата

Окончание табл. 9

1	2
Приоритет диверсификации над запасами	Накопление товарно-материальных запасов на складских площадках уже не является подходящей стратегией обеспечения устойчивости. Приоритетом становится диверсификация в разрезе регионов и поставщиков, в том числе поставщиков промежуточной продукции. Буферы запасов компаний сократились в 2022–2024 гг. с 10,2 до 8,6 недель [15. – С. 8], однако сеть поставщиков расширилась, обеспечивая гибкость во времена шоков. Снижение запасов позволяет высвободить денежные средства, а диверсификация поставщиков дает новые возможности для роста. Важно учитывать, что диверсификация поставщиков несет в себе риски ослабления контроля и снижения качества продукции

Многие компании, как крупные, так и мелкие, стремятся найти инструменты противодействия сбоям, все чаще возникающим в международных производственных и логистических операциях. К этим сбоям относятся пандемии, изменения климата, торговые конфликты и рост геополитической напряженности. В последние несколько лет эти сбои усилились вновь разгорающимися военно-политическими конфликтами и ухудшением отношений между отдельными странами мира (США и Китаем, ЕС и Китаем, Россией и западными странами). Вместе с тем при возникновении все новых проблем в международной торговле страны и компании не отступают от нее, а, напротив, пытаются сохранить ее и активно развивать в перспективе. Это связано в том числе и с тем, что компании пытаются найти способы преодоления барьеров складывающейся геоэкономической фрагментации, в частности, на базе новых цифровых технологий (искусственного интеллекта).

Тренды усиления напряженности в международной торговле

В целом в последние годы международная торговля испытывала неспокойные времена, связанные с торговыми войнами, пандемией, геополитическими потрясениями, вызванными новыми военно-политическими конфликтами. Это обусловило рост интереса стран к торговому протекционизму, который был инициирован США и изменил контуры международного обмена.

Для оценки изменения характера международной торговли в последние десятилетия важно понимание трансформации самих идей, которые лежали в основе международного обмена. Связанное с Вашингтонским консенсусом доминирование идеалов дерегулирования и либерализации 1990-х гг. достигло своего пика в начале 2000-х гг. (скорее всего с присоединением в 2001 г. Китая к ВТО). Однако уже после глобального кризиса 2008 г. преобладание этих идеалов резко ослабилось, равно как росла обеспокоенность по поводу экономической глобализации. Основные силы, лежащие в основе этой обеспокоенности, – цифровизация, из-

менение климата и рост геополитической напряженности. Далее, с приходом к власти в США Д. Трампа эти силы дополнились усилением торгового протекционизма, а позднее – пандемией и новым витком протекционизма уже в 2024–2025 гг. Эти стремительные изменения ознаменовали для бизнеса эру повышенной неопределенности, а также требуют пересмотра корпоративных стратегий на всех горизонтах планирования с учетом возможности появления новых и неожиданных шоков. Компании, остающиеся экономически эффективными и гибкими, в период так называемой новой глобализации будут иметь лучшие возможности для процветания.

С возвращением Д. Трампа в Белый дом резко возросли ожидания по поводу протекционистской политики, и многие страны и бизнес полагают, что грядут самые серьезные разрушительные торговые войны, которых не знала мировая экономика с 1930-х гг. Китай – основной объект тарифной атаки со стороны США, однако ЕС придется решать проблему преодоления американо-китайского противостояния, поскольку отношения ЕС и Китая также сложны и противоречивы. Так называемые неприсоединившиеся страны могут стать относительными бенефициарами (хотя и не без рисков) противоречий, сложившимися между затронутыми странами.

В 2024 г. произошел рост международной торговли товарами и услугами на 3,7% до 33 трлн долларов, и такая динамика была в основном обусловлена ростом торговли услугами на 9%, тогда как товарная торговля выросла лишь на 2%. Прирост совокупной глобальной торговли за год составил 1,2 трлн долларов (0,5 трлн – торговля товарами, 0,7 трлн – торговля услугами) [10. – С. 17]. В конце 2024 г. цены внешней торговли почти не росли. Дефляционные тенденции и волатильность предыдущих периодов почти исчерпали себя, вероятно, по причине стабилизации инфляции во многих странах. Торговля между странами в формате «Юг – Юг» продемонстрировала некоторое ускорение в 2024 г., в основном за счет стран Южной и Восточной Азии.

Несмотря на сильную геополитическую напряженность в мире, международная торговля по-прежнему устойчива, хотя и имеют место определенные маркеры сохранения ее напряженности (табл. 10). Так, в 2024 г. товарная торговля выросла на 2,5%, по прогнозам Economic Intelligence Unit (EIU), в 2025 и 2026 гг. она вырастет, соответственно, на 3,3% и 3,1% [8]. Вместе с тем компании ожидают усиления турбулентности вследствие высоких процентных ставок и сохраняющейся инфляции. EIU ожидает снижения глобальной инфляции в 2026 г. – до 3,7%, однако МВФ предупреждает о сохранении высокого ценового давления, особенно в сфере услуг [16. – С. 41]. Инфляция также может быть дополнительно усилена рисками глобальной торговой войны. EIU прогнозирует, что в

2025–2029 гг. среднегодовой рост мирового ВВП останется на уровне 2,7% [13]. По прогнозам Всемирного банка, за указанный период 80% населения мира столкнется с замедленным ростом ВВП по сравнению с его темпами до 2020 г. [7. – С. 3].

Т а б л и ц а 10

Факторы, обуславливающие напряженность в международной торговле

Фактор	Характеристика
Риск усиления торгового протекционизма	Наблюдается рост протекционизма, а торговые меры все чаще связываются с неторговой политикой. Внедряются новые тарифы для конкретных стран, целевые тарифы в отношении определенных товаров. Эти тарифы могут иметь серьезные последствия для ГЦСС и обуславливать сбои, которые приведут к изменениям моделей производства и поставок, требуя адаптации стран и компаний к новым барьерам в торговле и новым высоким издержкам
Побочные эффекты от напряженности в торговле между ключевыми странами	Крайне ограничительная и односторонняя торговая политика может вызвать ответные действия, формируя цикл эскалации барьеров, которые затем затронут и третьи страны. Тарифы, которые применяются к конкретным сегментам ГЦСС, воздействуют на всю ГЦСС (т. е. и третьи страны), а не только на целевые страны и отрасли
Внутренняя промышленная политика и увеличение субсидий	Приоритет – национальные проблемы, поэтому следует ожидать реализации внутренней промышленной политики по поддержке производства экологически чистых и устойчивых товаров, а также субсидий для определенных экспортеров, что будет негативно воздействовать на динамику международной торговли, в том числе критически значимыми товарами
Возможное замедление экономики в краткосрочной перспективе	Спрос на контейнерные перевозки имеет тенденцию к снижению, что свидетельствует об уменьшении глобального спроса на промежуточную и готовую продукцию и замедление экономической активности в целом. Снижение ставок на грузоперевозки массовых товаров указывает на предстоящее снижение торговли и экономической активности, поскольку уменьшение спроса на массовые перевозки обычно связано с ослаблением промышленного производства в ключевых отраслях

Заключение

Геополитическая напряженность ухудшает риски перспектив международной торговли вследствие усиления тарифного протекционизма; особенно это проявляется в связи с фрагментацией торговли на противоборствующие блоки. Новые шоки ставят под угрозу устойчивость торговли и глобальных цепочек поставок. В результате растущего протекционизма уже в ближайшие годы динамика международной торговли может серьезно измениться. Глобальная экономическая активность, вероятно, сохранит свою вялую динамику, однако текущее усиление протекционизма во внешнеторговой политике США, геополитические проблемы и опасения в части дисбалансов в торговле продолжают негативное влияние на международный обмен. Вместе с тем наблюдается экономическое восстановление Китая и ослабление инфляции, что потенциально способно ускорить международную торговлю. Продолжающиеся сбои в глобаль-

ной экономике требуют дополнительного многостороннего сотрудничества и политических решений, чтобы поддерживать торговлю и экономический рост в будущем.

Список литературы

1. Мога И. С. Особенности применения защитных мер в РФ в рамках членства в ВТО и ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 10 (99). – С. 151–154.
2. Смирнов Е. Н. Трансформация международной торговли в условиях современных шоков развития мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – № 1 (41). – С. 5–26. – DOI 10.21686/2410-7395-2025-1-5-28.
3. Трофименко О. Ю., Сутырин С. Ф., Губина М. А. Трансформация внешнеторговых связей России: вызовы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2025. – Т. 251. – № 1. – С. 327–353. – DOI 10.38197/2072-2060-2025-251-1-327-353. С. 347.
4. Шкваря Л. В. Торговая война Трампа: каковы перспективы для мировой экономики и торговли? // Вопросы новой экономики. – 2025. – № 2 (74). – С. 4–14. DOI 10.52170/1994-0556_2025_74_4.
5. Election Economic Policy Ideas. Clark Center Forum, September 10, 2024. – URL: <http://www.kentclarkcenter.org/surveys/election-economic-policy-ideas> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Flaen A., Pierce J. R. Disentangling the Effects of the 2018–2019 Tariffs on a Globally Connected us Manufacturing Sector // Finance and Economics Discussion Series, 2019. – December. – DOI: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2019.086>.
7. Global Economic Prospects 2024. World Bank. – Washington, DC, 2024. – June.
8. Global Forecast. Economist Intelligence Unit (EIU), November. – URL: <https://viewpoint.eiu.com/analysis/article/32117203> (дата обращения: 12.01.2025).
9. Global Goods Trade on Track for Gradual Recovery Despite Lingering Downside Risks, 2024. – October 10. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/stat_10oct24_e.htm (дата обращения: 11.12.2024).
10. Global Trade Update. The role of tariffs in international trade. Policy Insights. Division on International Trade and Commodities, UNCTAD, 2025.
11. Irwin D. A. Clashing Over Commerce: A History of US Trade Policy. – Chicago : University of Chicago Press, 2017.
12. Lee D. Is Free Trade Out of Date? // Social Education. – 2009. – Vol. 73 (2). – P. 79–81.
13. Real GDP Forecast. Economist Intelligence Unit (EIU), November. –

URL: <https://viewpoint.eiu.com/data/results?searchId=20319a6d-b829-45aa-a069-24d1bd2de541> (дата обращения: 12.01.2025).

14. Samuelson P. A. The Past and the Future of International Trade Theory. Edited by J. Levinsohn, A. V. Deardorff, R. M. Stern. New Directions in Trade Theory. University of Michigan Press, 1995.

15. Trade in Transition 2025 : Global Report. Economist Impact. – URL: <https://impact.economist.com/projects/trade-in-transition/free-trade-fraught-times/>

16. World Economic Outlook 2024: Policy Pivot, Rising Threats. International Monetary Fund (IMF). – Washington, DC, October, 2024.

Referencis

1. Moga I. S. Osobnosti primeneniya zashchitnykh mer v RF v ramkakh chlenstva v VTO i EAES [Features of the Application of Protective Measures in the Russian Federation within the Framework of WTO and EAEU Membership] *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2018, No. 10 (99), pp. 151–154. (In Russ.).

2. Smirnov E. N. Transformatsiya mezhdunarodnoy trgovli v usloviyakh sovremennykh shokov razvitiya mirovoy ekonomiki [Transformation of International Trade in the Context of Modern Shocks in the Development of the World Economy]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2025, Vol. 11, No. 1 (41), pp. 5–26. (In Russ.). DOI 10.21686/2410-7395-2025-1-5-28.

3. Trofimenko O. Yu., Sutyurin S. F., Gubina M. A. Transformatsiya vneshnetorgovykh svyazey Rossii: vyzovy i perspektivy [Transformation of Russia's Foreign Trade Relations: Challenges and Prospects]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2025, Vol. 251, No. 1, pp. 327–353. (In Russ.). DOI 10.38197/2072-2060-2025-251-1-327-353. S. 347.

4. Shkvarya L. V. Torgovaya voyna Trampa: kakovy perspektivy dlya mirovoy ekonomiki i trgovli? [Trump's Trade War: What are the Prospects for the Global Economy and Trade?]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the new economy], 2025, No. 2 (74), pp. 4–14. (In Russ.). DOI 10.52170/1994-0556_2025_74_4.

5. Election Economic Policy Ideas. Clark Center Forum, September 10, 2024. Available at: <http://www.kentclarkcenter.org/surveys/election-economic-policy-ideas> (дата обращения: 11.01.2025).

6. Flaaen A., Pierce J. R. Disentangling the Effects of the 2018–2019 Tariffs on a Globally Connected us Manufacturing Sector. *Finance and Economics Discussion Series*, 2019, December. DOI: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2019.086>.

7. Global Economic Prospects 2024. World Bank. Washington, DC, 2024, June.
8. Global Forecast. Economist Intelligence Unit (EIU), November. Available at: <https://viewpoint.eiu.com/analysis/article/32117203> (accessed 12.01.2025).
9. Global Goods Trade on Track for Gradual Recovery Despite Lingering Downside Risks, 2024, October 10. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/stat_10oct24_e.htm (accessed 11.12.2024).
10. Global Trade Update. The role of tariffs in international trade. Policy Insights. Division on International Trade and Commodities, UNCTAD, 2025.
11. Irwin D. A. Clashing Over Commerce: A History of US Trade Policy. Chicago, University of Chicago Press, 2017.
12. Lee D. Is Free Trade Out of Date? *Social Education*, 2009, Vol. 73 (2), pp. 79–81.
13. Real GDP Forecast. Economist Intelligence Unit (EIU), November. Available at: <https://viewpoint.eiu.com/data/results?searchId=20319a6d-b829-45aa-a069-24d1bd2de541> (accessed 12.01.2025).
14. Samuelson P. A. The Past and the Future of International Trade Theory. Edited by J. Levinsohn, A. V. Deardorff, R. M. Stern. New Directions in Trade Theory. University of Michigan Press, 1995.
15. Trade in Transition 2025: Global Report. Economist Impact. Available at: <https://impact.economist.com/projects/trade-in-transition/free-trade-fraught-times/>
16. World Economic Outlook 2024: Policy Pivot, Rising Threats. International Monetary Fund (IMF). Washington, DC, October, 2024.

Поступила: 12.10.2025

Принята к печати: 06.03.2026

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Смирнов
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики и международных
экономических отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542,
Москва, Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

Information about the author

Evgenii N. Smirnov
Doctor of Economics, Professor,
Head of World Economy and International
Economic Relations Department of SUM.
Address: State University
of Management, 99 Ryazan Avenue,
Moscow, 109542,
Russian Federation.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-102-111>

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ССАГПЗ)

О. И. Елизарова, С. В. Хохлова

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

В статье представлен анализ основных направлений и особенностей глобальной трансформации международной торговой политики в первой четверти XXI в. как системы целенаправленных действий государств, интеграционных объединений и других субъектов внешнеэкономической деятельности, формирующихся в результате столкновения их интересов на основе роста конкуренции в мире и актуализации задачи обеспечения национальной экономической безопасности, с одной стороны, и необходимости для развитых стран поддержать свою исключительность в мирохозяйственных процессах – с другой. Данная ситуация напрямую затрагивает экономические интересы Российской Федерации, что повышает научный и практический интерес к заявленной теме. В этих условиях на передний план выходит необходимость понимания последствий этой трансформации, изучения опыта различных государств, реформирующих свою внешнеторговую политику, с точки зрения задач адаптации успешного опыта для третьих стран. В статье представлены ключевые последствия трансформации международной торговой политики для стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и даны стратегические рекомендации для стран интеграционного блока для усиления позиций региона в мировой торговой системе в перспективе.

Ключевые слова: мировая экономика, мировая торговля, глобализация, геополитика, кризис институтов.

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL TRADE POLICY AND ITS CONSEQUENCES: GLOBAL AND REGIONAL ASPECTS (USING THE EXAMPLE OF THE GCC COUNTRIES)

Oksana I. Elizarova, Svetlana V. Khokhlova

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

The article presents an analysis of the main directions and features of the global transformation of international trade policy in the first quarter of the 21st century as a system of targeted actions

by states, integration associations and other subjects of foreign economic activity, formed as a result of a clash of their interests based on the growth of competition in the world and the actualization of the task of ensuring national economic security, on the one hand, and the need for developed countries. On the other hand, countries should maintain their exclusivity in global economic processes. This situation directly affects the economic interests of the Russian Federation, which increases scientific and practical interest in the stated topic. In these circumstances, the need to understand the consequences of this transformation, to study the experience of various states reforming their foreign trade policy, in terms of adapting successful experiences for third countries, comes to the fore. The article presents the key implications of the transformation of international trade policy for the countries of the Gulf Cooperation Council and provides strategic recommendations for the countries of the integration bloc to strengthen the region's position in the global trading system in the future.

Keywords: world economy, world trade, globalization, geopolitics, institutional crisis.

Введение

Международная торговая политика, как показывает современная практика, переживает фундаментальный, и по-видимому, необратимый процесс трансформации и постепенного, а зачастую и резкого, отхода от либеральных принципов, продвигавшихся на протяжении более 80 лет развитыми странами и международными организациями, такими как ГАТТ/ВТО. В соответствии с глобальными трендами в международной торговой политике происходят изменения [6] прежде всего в связи с продолжающейся и развивающейся цифровизацией не только экономики, но и торговли, а также влияния этого процесса на миторговые связи [1]. Эта ситуация затрагивает и Российскую Федерацию [8]. Это находит свое отражение в стратегических документах¹, что выступает одним из важных факторов для исследования современной трансформации мировой торговой политики.

Мы исходим из того, что международная (или всемирная) торговая политика – это целенаправленные действия множества стран – участников международных экономических отношений, которые воплощаются в установленных международных правилах торговли, обычаях и традициях, а также в принимаемых регулирующих нормах международными институтами, уполномоченными на такую деятельность сообществом государств.

Ее трансформация усиливается под влиянием ряда глобальных процессов не только в сфере торговли, но и в сфере мировой экономики и geopolitics [2; 10], включая инициативы (прежде всего, не содействующие улучшению международного сотрудничества) со стороны стран

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/#sel=188:2:efW,188:28:fiW

лидеров за последние четверть века [4], а также в сфере финансов [11] для обеспечения устойчивого роста [3]. На систему международной торговой политики оказывают растущее влияние современные тренды в сфере новых технологий и таких направлений, как цифровизация [1; 12].

Трансформация международной торговой политики – это комплексный процесс, затрагивающий все страны и регионы (хотя и в разной степени). Исследование особенностей и воздействия трансформации международной торговой политики на отдельные государства имеет и теоретический, и практический интерес, так как мировая торговля по-прежнему сохраняет свою высокую значимость для стран с точки зрения обеспечения и поддержания социально-экономического прогресса. Современные реалии вызывают необходимость для стран обеспечивать свою национальную безопасность в различных экономических, социальных, технологических и других аспектах. Кроме того, трансформация международной торговой политики оказывает значительное обратное воздействие на такие процессы, как перестройка транспортно-логистической системы мировой торговли, что требует повышенного внимания как научного, так и бизнес-сообщества, государства, в том числе и отдельных регионов.

Результаты исследования

Трансформация международной торговой политики, основы которой закладывались еще в середине XX в. и декларировались как либеральные для обеспечения социально-экономического роста и прогресса [13], в 2020-е гг. на практике представляет собой переход от глобальной либерализации к стратегической конкуренции, фрагментации и экономической дипломатии силой. Изменения носят фундаментальный характер и затрагивают идеологию, институты и практику мировой торговли.

В табл. 1 выделены ключевые направления этой трансформации.

Из табл. 1 видно, что движущими силами трансформации международной торговой политики на современном этапе развития мирового хозяйства выступает ряд процессов, оказывающих влияние как на различные аспекты мировой торговли, так и международные экономические отношения, испытывающие на себе обратное влияние.

Прежде всего следует указать на *геополитическую напряженность*, значительно усиливающуюся как в целом в мире, так и в отдельных регионах, в том числе в Западной Азии. Различного рода конфликты и противостояния, например, в Сирии и Ираке, такие действия США, как похищение Николаса Мадуро, президента независимой страны, военные удары западноевропейских вооруженных сил в Западной Азии, развязанная Израилем война против Палестины, удары по Ирану и т. д., привели к активизации стран мира в направлении более активного обеспечения

национальной безопасности, в том числе экономической безопасности в различных аспектах, что вынуждает их предпринимать кардинальные действия по перестройке своей внешнеэкономической политики [9]. Соревновательство США и Китая (в том числе связанное с Тайванем) задает тон глобальной торговой повестке.

Т а б л и ц а 1

Направления и особенности трансформации торговой политики в мире*

Направление трансформации	Краткое описание	Источники/примеры
Сдвиг в идеологии и целях	Отказ от приоритетов либерализма; торговля становится инструментом достижения национальной безопасности, технологического лидерства и геополитических целей (технонационализм)	Санкции, экспортный контроль, промышленные субсидии, защита стратегических секторов
Кризис и переосмысление институтов	Кризис многосторонней системы ВТО: ее механизмы работают с перебоями, она утрачивает роль арбитра. Однако ее правила остаются основой для других соглашений	ВТО частично заблокирована. Активность смещается к региональным блокам (USMCA, RCEP, ЕАЭС) и ад-хок коалициям
Изменение инструментария политики	Рост нетарифных, стратегических барьеров, связанных с идеологией, климатом и безопасностью	Экологические стандарты: СВМ (механизм углеродного регулирования ЕС). Политические ограничения: законы о принудительном труде (US Uyghur Forced Labor Prevention Act)
Регионализация и френдшоринг	Смещение от глобализации к формированию торговых блоков по политическому признаку. Перестройка цепочек поставок по принципу дружественности, а не только эффективности (френдшоринг)	Формирование параллельных блоков вокруг США и Китая, углубление интеграции в Азии (RCEP)
Роль крупных держав	<i>США</i> : катализатор протекционизма, фокус на стратегической конкуренции с Китаем и возврат производства. <i>Китай</i> : развитие собственной торговой архитектуры («Один пояс, один путь»), ответные меры, движение к технологическому суверенитету. <i>ЕС</i> : стремление к стратегической автономии через нормативное регулирование (СВМ, ESG)	В 2025 г. действия США, включая новые тарифы, – ключевой фактор турбулентности

* Составлено по: Международная торговая политика : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. : в 2 ч. – Т. Ч. 2. – М. : ЮРАЙТ 2017.

В результате этих и некоторых других процессов (пандемия COVID-19, авария в Суэцком канале (2021 г.), засуха в Панамском канале (2023 г.), конфликт в Красном море, начавшийся в 2023 г. и продолжающийся по настоящее время) мир стал свидетелем *резких и экстремальных сбоев в логистике*, демонстрирующих высокую степень уязвимости гло-

бальных цепочек поставок энергоносителей, продовольствия и т. д. на мировые рынки [5]. Возникла необходимость поиска пути повышения их устойчивости и эффективности. В результате могут возникать новые транспортно-логистические цепочки, пусть не столь быстрые, но более надежные, такие как, например, Северный морской путь.

Трансформирующим мировую (и страновую) торговую политику процессом все более становится *экономическое и технологическое соперничество между США и КНР*. Конфликт в сфере высоких технологий (особенно в области полупроводников и ИИ) стал ядром торговых войн, значительно возросшего с 2014 г. санкционного давления в мировой экономике, сопровождающегося активизацией политики импортозамещения, стремления к технологическому суверенитету и т. д. [7].

Стоит отметить и постепенное снижение значимости и роли международных организаций (включая ВТО, МВФ) в мировой торговле и их влияния на формирование страновой торговой политики, что вызывает необходимость активизации и пересмотра принципов региональной (в том числе блоковой) торговой политики.

Все эти и другие процессы (табл. 1) оказывают заметное негативное влияние на мировую экономику, международную торговлю и деятельность предприятий – участников внешнеэкономической деятельности, а также на потребителей в различных странах мира. Во-первых, это *рост затрат и рисков* для участников международной торговли на всех уровнях. Необходимость адаптироваться к постоянно меняющимся правилам, тарифам и санкциям. Ключевым вызовом становится обеспечение соответствия новым регуляторным требованиям (экологическим, политическим), что требует глубокой прозрачности цепочек поставок. Во-вторых, имеет место *стратегическая переориентация*. Субъекты хозяйствования и мировой торговли вынуждены перестраивать логистику, переносить производства, диверсифицировать поставщиков, следуя логике френдшоринга или ниаршоринга.

Вместе с тем наряду с вышеизложенным важно указать и на появление новых возможностей. Для стран и компаний, предлагающих стабильность и дружественные отношения, открываются шансы привлечь перемещающиеся производства. Лидерство в адаптации к зеленым и цифровым стандартам может стать конкурентным преимуществом.

Текущие тенденции и изменения в мировой торговле указывают на закрепление новой модели международного торгового сотрудничества, которую можно охарактеризовать как *конфронтационную или мультиполярную*, соответственно, требующую новых подходов к формированию различными странами своей международной торговой (внешнеторговой) политики, в том числе на уровне интеграционного объединения.

В контексте глобальной трансформации торговой политики, включающей рост протекционизма, усиление геополитического соперничества и регионализацию, страны ССАГПЗ сталкиваются как с серьезными вызовами, так и с новыми стратегическими возможностями (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Ключевые последствия трансформации международной торговой политики для стран ССАГПЗ

Направление/вызов	Ключевые последствия для ССАГПЗ	Возможности и стратегические ответы
Стратегическая конкуренция и фрагментация	Риск оказаться между США и Китаем; необходимость балансировать между конфликтующими блоками, что может подрывать политику диверсификации экономик	Углубление сотрудничества Юг –Юг: использование растущей доли в мировой экономике финансовых ресурсов для укрепления партнерств с Азией, Африкой и другими регионами
Торговая неопределенность и протекционизм	Волатильность спроса и цен на энергоносители; давление на цепочки поставок несырьевых секторов (логистика, химическая промышленность)	Диверсификация экспортных рынков: снижение зависимости от традиционных партнеров за счет новых соглашений в рамках Глобального Юга. Лоббирование стабильности: использование влияния в международных организациях для продвижения предсказуемых правил
Переход к зеленой экономике и новые стандарты	Риски для традиционной нефтегазовой модели; необходимость адаптации к таким механизмам, как углеродный налог ЕС (СВАМ)	Лидерство в энергопереходе: инвестиции в возобновляемую энергетику и технологии улавливания углерода для превращения климатических вызовов в экспортные возможности
Технологическое соперничество и цифровая трансформация	Риск цифровой зависимости от внешних технологий и стандартов, угроза превращения в «цифровую колонию» для данных	Суверенное технологическое развитие: инвестиции в собственные хабы (аналоги Digital for Sustainable Development Hub Марокко), стандарты и кадры для создания конкурентоспособных цифровых экосистем

С учетом глобальных трендов для усиления позиций региона можно выделить следующие приоритеты:

1. *Из стран, получающих нефтяную ренту – в архитекторов новой торговой системы:* страны ССАГПЗ могут использовать свой финансовый и дипломатический вес для активного формирования новых правил и институтов в рамках Глобального Юга, выступая в роли доноров и «мостовых» партнеров (triangular cooperation).

2. *Инвестиции в региональную устойчивость (Resilience):* создание региональных производственно-сбытовых цепочек, особенно в секторах продовольственной безопасности, здравоохранения и чистой энергетики, для снижения уязвимости к глобальным шокам.

3. *Зеленая перестройка как основа экспортной диверсификации*: агрессивная стратегия по превращению водорода, аммиака, зеленого алюминия и стали в новые ключевые статьи несырьевого экспорта, соответствующие глобальным экологическим стандартам.

Заключение

Исследование позволяет выделить ряд направлений перспективного развития мировой торговли в условиях трансформации международной торговой политики:

1. Фрагментация и блоковая архитектура: вероятно, дальнейшее укрепление торговых блоков, объединенных не только экономикой, но и политическими союзами. Вызовом станет поддержание хотя бы минимальных общих правил между этими блоками.

2. Новая повестка для развивающихся стран: традиционная модель экспортно-ориентированного роста под вопросом, так как доступ к рынкам и технологиям развитых стран усложняется. Однако у стран Глобального Юга есть возможность извлекать выгоду, балансируя между центрами силы и предлагая себя в качестве альтернативных производственных площадок.

3. Эволюция, а не исчезновение правил: несмотря на кризис, базовые принципы ВТО останутся ориентиром. Будущее – за гибридной системой, где многосторонние нормы сосуществуют с множеством региональных и отраслевых соглашений.

Странам ССАГПЗ предстоит непростой переход от зависимости от глобальной либеральной торговли к роли более самостоятельных игроков в фрагментированной системе. Успех будет зависеть от того, насколько быстро и эффективно они смогут превратить свои финансовые и энергетические ресурсы в новые источники технологического суверенитета, торгового влияния и дипломатического веса в многополярном мире.

Список литературы

1. *Андреева Е. Л., Глухих П. Л., Красных С. С.* Оценка влияния процессов цифровизации на развитие технологического экспорта регионов России // Экономика региона. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 612–624. – DOI: 10.17059/2020-2-21

2. *Гусаков Н. П., Шкваря Л. В.* Влияние мировой экономики на развитие межстрановых торгово-экономических отношений в условиях глобализации // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2011. – № 1. – С. 3–17.

3. *Давтян М. А.* Роль цифровых технологий и финансовые инструменты в обеспечении устойчивого роста экономики в современных усло-

виях // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2024. – Т. 20. – № 4 (79). – С. 25–29.

4. Денисов И. Е. Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69. – № 1. – С. 17–29. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29

5. Кириллов В. Н., Миллер Я. В. Глобальные цепочки создания стоимости в современной международной торговле. – М. : Спутник+ 2020.

6. Международная торговля: вчера, сегодня, завтра. – М. : РУСАЙНС, 2024.

7. Меланьина М. В. Внешняя торговля России и ЕС: особенности в условиях санкций и цифровизации // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 8 (121). – С. 203–206. – DOI: 10.34925/EIP.2020.121.8.041

8. Новые подходы к внешнеэкономической стратегии России : аналитический доклад. – М. : ИД «Международные отношения», 2024. – DOI: 10.29039/978-5-7133-1766-9

9. Смирнов Е. Н., Леонова Т. Н. Траектории экономической политики в условиях новых глобальных вызовов развития мировой экономики // Вестник университета. – 2025. – № 7. – С. 131–144. – DOI 10.26425/1816-4277-2025-7-131-144

10. Спартак А. Н. Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 7. – С. 7–29. – DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29

11. Хохлова С. В., Афанасьев И. Ю. Развитие финансовых технологий в банковском бизнесе России: проблемы и решения // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 10. – С. 131–134.

12. Шкваря Л. В., Фролова Е. Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 479–493. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

13. Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Ratner A. V. The Impact of Foreign Economic Activity on Regional Development: Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 54–67. – DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3

References

1. Andreeva E. L., Glukhikh P. L., Krasnykh S. S. Otsenka vliyaniya protsessov tsifrovizatsii na razvitie tekhnologicheskogo eksporta regionov Rossii [Assessment of the Impact of Digitalization Processes on the Development of Technological Exports of Russian regions]. *Ekonomika regiona*

[The Economy of the Region], 2020, Vol. 16, No. 2, pp. 612–624. (In Russ.). DOI: 10.17059/2020-2-21

2. Gusakov N. P., Shkvarya L. V. Vliyanie mirovoy ekonomiki na razvitie mezhdunarodnykh torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy v usloviyakh globalizatsii [The Influence of the World Economy on the Development of Inter-country Trade and Economic Relations in the Context of Globalization]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1: Economics and Law], 2011, No. 1, pp. 3–17. (In Russ.).

3. Davtyan M. A. Rol tsifrovyykh tekhnologiy i finansovye instrumenty v obespechenii ustoychivogo rosta ekonomiki v sovremennykh usloviyakh [The Role of Digital Technologies and Financial Instruments in Ensuring Sustainable Economic Growth in Modern Conditions]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics], 2024, Vol. 20, No. 4 (79), pp. 25–29. (In Russ.).

4. Denisov I. E. Pravovoe obespechenie vneshney politiki KNR: ukreplenie mezhdunarodnogo statusa i zashchita natsionalnykh interesov [Legal Support of China's Foreign Policy: Strengthening International Status and Protecting National Interests]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2025, Vol. 69, No. 1, pp. 17–29. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29

5. Kirillov V. N., Miller Ya. V. Globalnye tseppochki sozdaniya stoimosti v sovremennoy mezhdunarodnoy torgovle [Global Value Chains in Modern International Trade]. Moscow, Sputnik+ 2020. (In Russ.).

6. Mezhdunarodnaya torgovlya: vchera, segodnya, zavtra [International Trade: in the Evening, Today, Tomorrow]. Moscow, RUSAYNS, 2024. (In Russ.).

7. Melanina M. V. Vneshnyaya torgovlya Rossii i ES: osobennosti v usloviyakh sanktsiy i tsifrovizatsii [Foreign Trade between Russia and the EU: Peculiarities in the Context of Sanctions and Digitalization]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2020, No. 8 (121), pp. 203–206. (In Russ.). DOI: 10.34925/EIP.2020.121.8.041

8. Novye podkhody k vneshneekonomicheskoy strategii Rossii: analiticheskiy doklad [New Approaches to Russia's Foreign Economic Strategy: an Analytical Report]. Moscow, ID «Mezhdunarodnye otnosheniya», 2024. (In Russ.). DOI: 10.29039/978-5-7133-1766-9

9. Smirnov E. N., Leonova T. N. Traektorii ekonomicheskoy politiki v usloviyakh novykh globalnykh vyzovov razvitiya mirovoy ekonomiki [Trajectories of Economic Policy in the Context of New Global Challenges in the Development of the World Economy]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2025, No. 7, pp. 131–144. (In Russ.). DOI 10.26425/1816-4277-2025-7-131-144

10. Spartak A. N. Perekhod k novomu mirovomu ekonomicheskomu poryadku: etapy, klyuchevye cherty, vyzovy i resheniya dlya Rossii

[Transition to a New Global Economic Order: Stages, Key Features, Challenges and Solutions for Russia]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2022, No. 7, pp. 7–29. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29

11. Khokhlova S. V., Afanasev I. Yu. Razvitiye finansovykh tekhnologiy v bankovskom biznese Rossii: problemy i resheniya [Development of Financial Technologies in the Russian Banking Business: Problems and Solutions]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2022, No. 10, pp. 131–134. (In Russ.).

12. Shkvarya L. V., Frolova E. D. Komparativnyy analiz razvitiya vneshney torgovli v tsifrovom segmente po regionam mira [Comparative Analysis of the Development of Foreign Trade in the Digital Segment by Regions of the World]. *Ekonomika regiona* [The Economy of the Region], 2022, Vol. 18, No. 2, pp. 479–493. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-2-13

13. Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Ratner A. V. The Impact of Foreign Economic Activity on Regional Development: Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, Vol. 13, No. 6, pp. 54–67. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3

Поступила: 15.11.2025

Принята к печати: 5.02.2026

Сведения об авторах

Оксана Игоревна Елизарова

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов общественного сектора факультета государственного управления экономикой ИГСУ РАНХиГС.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119606, Москва, проспект Вернадского, 84.

E-mail: elizarova-oi@ranepa.ru

Светлана Владимировна Хохлова

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и практики государственного контроля факультета государственного управления экономикой ИГСУ РАНХиГС.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119606, Москва, проспект Вернадского, 84.

E-mail: khokhlova-sv@ranepa.ru

Information about the authors

Oksana I. Yelizarova

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance of the Public Sector, Faculty of Public Administration of Economics, IPACS RANEPA.

Address: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119606, Russian Federation.

E-mail: elizarova-oi@ranepa.ru

Svetlana V. Khokhlova

PhD, Associate Professor of the Department of Theories and Practices of State Control, Faculty of Public Administration of Economics, IPACS RANEPA.

Address: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky Avenue, Moscow, 119606, Russian Federation.

E-mail: khokhlova-sv@ranepa.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-112-124>

ИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

П. В. Меньшиков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

А. М. Меньшикова

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
имени академика Г. А. Арбатова Российской академии наук,
Москва, Россия

Республиканская администрация Д. Трампа 4 декабря 2025 г. опубликовала новую Стратегию национальной безопасности США, полностью интегрировавшую торговую политику в систему национальной безопасности страны. Экономическое процветание рассматривается в Стратегии как основа военной мощи и цивилизационной уверенности нации посредством восстановления промышленной базы, устранения торговых дефицитов и использования доступа к американскому рынку как инструмент геополитического влияния. Официально закреплён переход от глобализма и свободной торговли к жесткому суверенитету и гибкому реализму. Культивирование американской промышленной силы декларировано высшим приоритетом национальной экономической политики. Поставлена задача глобального лидерства США в мировой экономике посредством доминирования американских технологий и стандартов, особенно в области искусственного интеллекта, биотехнологии и квантовых вычислений. Фактически вся система национальной безопасности США фундаментально интегрируется с технологиями ИИ. Абсолютный приоритет отдается глобальному технологическому доминированию как императива национальной безопасности, основанной не на традиционной политической идеологии, мотивированной прежде всего тем, что работает на Соединенные Штаты исходя из принципа «Америка прежде всего». Победа в гонке ИИ декларируется как начало нового золотого века человеческого процветания, экономической конкурентоспособности и национальной безопасности для американского народа. Ставится задача интеграции ИИ во все секторы национальной экономики и государственного управления. ИИ расценивается как важнейший стратегический ресурс начинающейся новой промышленной и информационной революции, способной решающим образом трансформировать мировую экономику и изменить баланс сил в мире. ИИ трансформирован в приоритетный инструмент внешней торговли политики в контексте системы национальной безопасности США

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности США 2025 г., искусственный интеллект, инновационная политика, мировая экономика.

AI AS AN INSTRUMENT OF FOREIGN TRADE POLICY IN THE US NATIONAL SECURITY SYSTEM

Petr V. Menshikov

Financial University under the Government of the Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Anna M. Menshikova

G. A. Arbatov Institute of USA and Canadian Studies
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

On December 4, 2025, the Trump administration published a new National Security Strategy, fully integrating trade policy into the country's national security system. The Strategy views economic prosperity as the foundation of military strength and the nation's civilizational confidence through rebuilding the industrial base, eliminating trade deficits, and leveraging access to the American market as a tool of geopolitical influence. The transition from globalism and free trade to hard sovereignty and flexible realism is formally enshrined. Cultivating American industrial strength is declared the highest priority of national economic policy. The goal is to achieve global leadership in the global economy through the dominance of American technologies and standards, particularly in artificial intelligence, biotechnology, and quantum computing. In fact, the entire US national security system is fundamentally integrated with AI technologies. Absolute priority is given to global technological dominance as a national security imperative, based not on traditional political ideology, but motivated above all by what works for the United States based on the principle of 'America First. Victory in the AI race is declared as the beginning of a new golden age of human prosperity, economic competitiveness, and national security for the American people. The goal is to integrate AI into all sectors of the national economy and public administration. AI is regarded as the most important strategic resource of the emerging new industrial and information revolution, capable of decisively transforming the global economy and changing the balance of power in the world. AI has been transformed into a priority instrument of foreign trade policy in the context of the US national security system.

Keywords: US National Security Strategy 2025, artificial intelligence, innovation policy, global economy.

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта в США является приоритетной задачей в рамках национальной инновационной политики и рассматривается администрацией Белого дома как ключевой элемент обеспечения экономической конкурентоспособности государства, непосредственно связанной с системой национальной безопасности страны. Задача достижения глобального лидерства в области ИИ ставится во взаимосвязи с вопросами номинальной безопасности и

сохранения глобального влияния, особенно в конкуренции с такой страной, как Китай.

Ускоренная модель комплексного развития инфраструктуры ИИ предполагает акцент на дерегуляции нормативно-правовой базы разработки и внедрения технологий ИИ и установлении единых национальных стандартов, обеспечивающих федеральное верховенство над законодательствами отдельных штатов. Особое внимание уделяется поддержке со стороны государства формированию экосистемы ИИ, основывающейся на синергии между гражданской инновационной политикой и стратегическими задачами в области обороны. Значительные изменения претерпевает политика в сфере занятости, ориентированная на подготовку кадров, способных профессионально применять и развивать соответствующие технологии. Одновременно с этим осуществляется активное продвижение американских стандартов ИИ на глобальной арене высоких технологий, что подчеркивает амбициозность и стратегическую направленность подхода США к реализации этой программы. ИИ стал центральным элементом внешнейторговой политики США и национальной безопасности в целом в рамках провозглашенной Д. Трампом стратегии «Америка прежде всего», направленной на сохранение глобального технологического доминирования и характеризующейся переходом к активному продвижению американских экспортных технологий наряду с их строгим экспортным контролем.

Предыдущая Стратегия национальной безопасности, принятая при Президенте Дж. Байдене, призывала к сохранению либерального международного порядка и торговли. Стратегия республиканской администрации, напротив, исходит из «поглощающего суверенитет вторжения самых навязчивых транснациональных организаций», возводит протекционизм и экономический национализм до статуса вопросов национальной безопасности, провозглашая отказ от «глобализма и так называемой свободной торговли и торговых дисбалансов», делая акцент на важности конкуренции с Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе в экономической, а не военной или оборонной сферах¹.

Результаты исследования

Необходимость перехода к новой внешнеэкономической политике в сфере высоких технологий в первую очередь затронула регулирование экспортного режима, который обеспечивал бы баланс между соображениями национальной безопасности и развитием соответствующих внеш-

¹ См.: National Security Strategy of the United States of America. 2025. – November. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

неторговых связей с целью сохранения технологического лидерства США в области ИИ. Такой подход положен в основу Американской программы экспорта ИИ (American AI Exports Program)¹, разработанной в рамках Исполнительного указа Президента Д. Трампа от 23 июля 2025 г. № 14320 «Содействие экспорту американского стека технологий ИИ» (Executive Order 14320 «Promoting the Export of the American AI Technology Stack»)². Федеральное правительство должно провести всеобъемлющий обзор системы экспортного контроля США, активизировать меры по защите и продвижению лидерства США в области ИИ, полупроводников и других важнейших отраслей, в частности, путем выявления и закрытия возможностей, позволяющих передавать стратегические товары и технологии конкурирующим странам, расширить правоприменительные механизмы обеспечения соблюдения иностранными субъектами экспортных ограничений США, предотвратить несанкционированный доступ к чувствительным технологиям, которые могут подорвать национальную безопасность Соединенных Штатов.

Подход администрации Д. Трампа к постановке проблематики ИИ в центр внешнеэкономической политики США основывается на четырех основных векторах: контроле за экспортом чипов и передовых разработок в области ИИ как главном факторе обеспечения технологических преимуществ США; продвижении на мировых рынках инноваций американских стандартов и моделей управления ИИ; партнерстве с союзниками для обеспечения безопасных экспортных пакетов ИИ; стимулировании интеграции принципов кибербезопасности, конфиденциальности и безопасности в продукты ИИ с самых ранних этапов их проектирования. С позиций критериев обеспечения национальной безопасности США ставится вопрос о снижении глобальной зависимости от импорта технологий, комплектующих, продуктов и решений на базе ИИ, а также защите интеллектуальной собственности в сфере инноваций ИИ.

Значительная роль в реализации усилий Белого дома во внешнеэкономической области продвижения технологий ИИ отводится госсекретарю США в рамках так называемой дипломатии ИИ. Глава Госдепа в консультации с Группой действий по экономической дипломатии (Economic Diplomacy Action Groups – EDAGs) курирует вопросы, связанные с разработкой и реализацией единой стратегии федерального правительства и штатов по продвижению экспорта американских технологий и стандартов ИИ; аккумулирует технические, финансовые и дипло-

¹ См.: American AI Exports Program. July 23, 2025. – URL: <https://unblock.federalregister.gov/>

² См.: Promoting the Export of the American AI technology stack. Executive Orders. July 23, 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/07/promoting-the-export-of-the-american-ai-technology-stack/>

матические ресурсы для ускорения развертывания приоритетных экспортных пакетов ИИ; ведет координацию участия США в многосторонних инициативах и национальных партнерствах по внедрению и продвижению экспорта ИИ; осуществляет поддержку стран-партнеров в создании отвечающей интересам США регуляторной, информационной и инфраструктурной среды для внедрения американских систем ИИ; отвечает за комплексный анализ вопросов доступа к отечественному рынку зарубежных высоких технологий, которые могут препятствовать конкурентоспособности предложений ИИ в самих США посредством инициирования введения импортных барьеров и дополнительных регуляторных мер.

Внешнеэкономический аспект дипломатии ИИ в первую очередь преследует цель увеличения динамики сотрудничества США в области ИИ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В Белом доме доминирует убеждение, соответствующее в целом давно сложившемуся двухпартийному консенсусу демократов и республиканцев в Конгрессе и Сенате США: в то время, как Китай активно продолжает продвигать свой собственный сектор ИИ с целью вытеснения Соединенных Штатов в качестве ведущей глобальной державы, Вашингтон должен расширить свои усилия по сохранению своего научно-технического превосходства над КНР. Директор по технологиям США, заместитель помощника президента США в Управлении по научно-технической политике Белого дома (Office of Science and Technology Policy – OSTP) Майкл Д. К. Крациос на министерской встрече стран – членов АТЭС по цифровым технологиям и искусственному интеллекту 5 августа 2025 г. в южнокорейском Инчхон заявил, что у каждой из экономик стран АТЭС есть выбор – «следовать европейской модели страха и чрезмерного регулирования ИИ и неизбежно остаться позади, поддаваясь застою», или заключить сделку с США для доступа к американской инфраструктуре ИИ. «Администрация президента Трампа без извинений выступает за Америку прежде всего. Прежде всего, мы хотим лучшего для американского народа. К счастью, поскольку ИИ меняет будущее мировой торговли, он открывает возможность для взаимной выгоды» [6].

Министру торговли США в консультации с госсекретарем и директором Управления по политике науки и технологий (Office of Science and Technology Policy, OSTP)¹ поручено создать и реализовать Американскую программу экспорта ИИ для поддержки разработки и внедрения американских full-stack экспортных пакетов ИИ с целью облегчения сделок, соответствующих требованиям безопасности и нацеленных на придание

¹ Департамент правительства США, входящий в состав Исполнительного офиса президента Соединенных Штатов.

американским технологиям ИИ роли мировых стандартов. Это полноценные, сквозные пакеты, включающие полный набор технологий ИИ – оборудование, модели, программное обеспечение, приложения и стандарты, аппаратное обеспечение, системы данных, модели ИИ, меры кибербезопасности, приложения для таких секторов, как здравоохранение, образование, сельское хозяйство, транспорт, и др. Такие пакеты должны полностью соответствовать экспортному контролю и другим требованиям в области регулирования внешнеэкономических связей Соединенных Штатов. Министр торговли также должен рассмотреть и отобрать предложения, которые будут получать экспортную поддержку от Группы действий по экономической дипломатии¹ с целью «предотвратить дальнейшую эрозию национальной безопасности Америки и повысить ее преимущество в области ИИ».

Управление международной торговли Министерства торговли США (The International Trade Administration – ИТА)² 21 октября 2025 г. приступило к исполнению Американской программы экспорта ИИ, которая предусматривает расширение экономических связей с ключевыми союзниками США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности Японией и Южной Кореей. С момента подписания администрацией Д. Трампа соглашений о технологическом сотрудничестве с Сеулом и Токио эта программа сосредоточена на интеграции общих инструментов ИИ этих стран с США в интересах разведслужб, укрепления взаимного инвестиционного партнерства и создания открытого рынка для американского ИИ. В 2025 г. США укрепили сотрудничество с такими ключевыми союзниками, как Нидерланды, Япония, Южная Корея и Тайвань, для более эффективного согласования экспортной политики в области ИИ и противодействия распространению китайских технологий ИИ на высокотехнологичных рынках этих стран. Заключен так называемый альянс Chip 4, или Fab 4 (неформальное объединение США, Японии, Южной Кореи и Тайваня, ключевых игроков в полупроводниковой индустрии), созданный для укрепления и повышения безопасности цепочек поставок, снижения зависимости от КНР и совместной разработки политики в сфере микросхем, для защиты общих технологических интересов его участников.

Немаловажное место в реализации экономической составляющей дипломатии ИИ отводится ведущим высокотехнологичным компаниям США (Amazon, Microsoft, Google и др.). Министерство торговли исходит из необходимости разрешить частным фирмам наращивать экспорт ИИ.

¹ Межведомственные органы правительства США по вопросам кредитов, экспортных гарантий и технического содействия.

² Агентство Министерства торговли США, которое способствует экспорту США сельскохозяйственных товаров и услуг США.

Международная корпорация финансирования развития США (America's Development Finance Institution – DFC)¹ должна предоставить около 2,5 млрд долларов долгового финансирования для поддержки расширения высокотехнологичных производств американскими компаниями на ключевых для них рынках Индии, Малайзии и Таиланда. В 2024 г. американские ТНК уже вложили 200 млрд долларов в открытие во многих странах мира своих дата-центров, производство полупроводников и создание глобальной инфраструктуры ИИ. В 2025 г. суммарный объем таких затрат ожидался на уровне 300 млрд долларов [2]. В номинальном выражении – это рекордные цифры, значительно превышающие суммы, поступившие в цифровую инфраструктуру во время бума оптоволоконной системы конца 1990-х гг. Но в отношении мировой экономики масштаб остается скромным. Инвестиции в ИИ составляют около одного процента ВВП США, что значительно меньше, чем предыдущие технологические революции, связанные с созданием железных дорог, автомобилей, телекоммуникаций и персональных компьютеров. При этом на фондовом рынке динамика напоминает конец 1990-х гг. Оценки высокотехнологичных компаний стремительно вырастут уже в ближайшие 12–18 месяцев, обусловленные ожиданиями высокого роста производительности в диапазоне от 20 до 60% благодаря технологиям ИИ. Бизнес-модели таких компаний значительно более прибыльны и стабильны, чем у лидеров рынка 1990-х гг., что дает основания ожидать дальнейшего положительного развития рынка в этом сегменте мировой экономики инноваций.

Министерство энергетики США к началу 2026 г. подписало 24 соглашения с крупными американскими технологическими компаниями, включая Microsoft, Google, Nvidia, AWS, IBM, Intel, Оракул и OpenAI, по задействованию их в исследованиях в области ИИ. Цель программы – использовать ИИ для ускорения НИОКР и предоставления дополнительных необходимых бизнесу энерго мощностей в интересах национальной безопасности Соединенных Штатов. Ожидается, что партнерства будут сосредоточены на моделях ИИ для приложений, охватывающих ядерную энергетику и квантовые вычисления, робототехнику и оптимизацию цепочек стратегически важных для экономики США поставок.

Отраслевые консорциумы готовят для федерального правительства США предложения по экспортным пакетам ИИ, которые впоследствии будут положены в основу внешнеэкономической деятельности специально отобранных официальным Вашингтоном участников Американской

¹ Финансовое учреждение правительства США, мобилизирующее частный капитал для стратегических инвестиций и проектов в развивающихся странах, финансируя инфраструктуру, энергетику, здравоохранение и малый бизнес.

программы экспорта ИИ. Такая подготовительная работа проводится бизнесом в координации с Группой действий в области экономической дипломатии, Агентством по торговле и развитию США (United States Trade and Development Agency, USTDA)¹, Экспортно-импортным банком (Export-Import Bank of the United States)², Международной финансовой корпорацией США (International Finance Corporation, IFC)³ и Госдепом с целью облегчения предстоящих торговых сделок, которые будут соответствовать одобренным властями США требованиям к стандартам безопасности экспорта технологий и продуктов ИИ. Компании из такого Списка поставщиков стека искусственного интеллекта США получают государственное финансирование от Экспортно-импортного банка и Корпорации по финансированию развития.

Ставка на ИИ как важнейший инструмент во внешнеэкономической политике администрации Д. Трампа в контексте приоритетных задач обеспечения национальной безопасности США имеет объективные причины, главной из которых является стремление сдерживания технологического развития стратегического соперника Соединенных Штатов – Китая [7]. Распространяется мнение, что американские аналитики просчитали возможности Китая в области ИИ [9]. Так, Китайское правительство за последнее десятилетие выделило на ИИ, квантовые и биотехнологии 900 млрд долларов, практически в три раза больше, чем поддержка США этих технологий за тот же период; при этом ассигнования на квантовые исследования в КНР в два раза превышают расходы США [8]. В течение следующих 20 лет правительство КНР намерено выделить 138 млрд долларов инвестиций для созданного в марте 2025 г. нового национального венчурного фонда, инвестирующего в ИИ, квантовые технологии и биотехнологии. Исследователи из КНР лидируют в мире по количеству публикаций и патентов, связанных с ИИ. В 2024 г. китайские модели ИИ сократили разрыв с американскими в четырех ключевых показателях производительности в среднем на 80% [5]. Согласно Стэнфордскому индексу ИИ, в США в 2024 г. было выпущено сорок значимых моделей ИИ, в Китае – пятнадцать. При этом китайские модели по основным показателям приближаются к американским [12]. Китай превзошел США по

¹ Независимое агентство федерального правительства США содействует американским компаниям находить экспортные возможности в развивающихся странах, финансирует проекты по развитию инфраструктуры, техническую помощь и пилотные проекты тем самым создавая рабочие места в США.

² Государственное учреждение, поддерживающее национальных экспортеров посредством кредитования импортеров американских товаров из других стран, которые не могут получить кредит из традиционных источников коммерческого финансирования.

³ Международное финансовое учреждение с головным офисом в Вашингтоне входит в Группу Всемирного банка.

внедрению квантовых коммуникационных систем, запустив единственные в мире квантовые спутники связи и создав национальную сеть квантовой связи протяженностью более десяти тысяч километров [4]. По состоянию на 2023 г. Китай предоставил 15,3 млрд долларов государственной поддержки квантовой промышленности, что более чем вдвое превышает совокупную поддержку государственного и частного секторов США¹. Значительная часть этой суммы, 10 млрд долларов, выделена на строительство Национальной лаборатории квантовых информационных наук. Китайские технологические компании работают более чем на 165 рынках по всему миру, активно используя преимущества инициативы «Цифровой Шелковый путь» (Digital Silk Road - DSR) – составной части цифровой инфраструктуры доктрины «Один пояс, один путь», запущенной в 2013 г. для улучшения кооперации между Китаем и странами-партнерами, включая развертывание 5G-сетей, оптоволоконных кабелей, спутниковых коммуникаций и дата-центров для поддержки трансграничной цифровой торговли, электронной коммерции и финансовой интеграции с возможностью использования цифрового юаня. Невынуженной ошибкой считается в Белом доме перспектива обращения зарубежных стран к китайским технологиям ИИ, что, как убеждены в Вашингтоне, ставит союзников США в зависимость от иностранных технологий противника [3].

Заключение

Лидерство в области ИИ, квантовых вычислений и биотехнологий все больше оспаривается международной конкуренцией. В Париже 10–11 февраля 2025 г. прошел Саммит по вопросам действий в области ИИ, направленный на совместное определение научной базы, решений и стандартов более устойчивого искусственного интеллекта на службе коллективного прогресса и общественных интересов.

В выступлении вице-президента США Д. Д. Вэнса было подтверждено стремление США к глобальному технологическому лидерству и доминированию в области ИИ. Мировой рынок высоких технологий бурно растет. В совокупности ИИ, квантовые технологии и биотехнологии могут к 2040 г. создать до 29 трлн долларов годовой экономической стоимости [11]. Квантовые вычисления представляют собой крупнейшую экономическую возможность из трех квантовых технологий и могут создать экономическую ценность от 1 до 2 трлн долларов к 2035 г. Использование 4,5 млрд. долларов в государственных стимулах и иностранных

¹ URL: <https://www.nsa.gov/Cybersecurity/Quantum-Key-Distribution-QKD-and-Quantum-CryptographyQC/#:~:text=Quantum%20key%20distribution%20utilizes%20the,updated%20guidance%20through%20CNSSP%2D15>.

инвестициях может стимулировать дополнительные 20 млрд долларов частных инвестиций и напрямую поддержать до 37 тыс. рабочих мест в приоритетных направлениях.

Экспортной политике США в высокотехнологичной области придется установить баланс между продвижением внешнеэкономических интересов и приоритетами обеспечения национальной безопасности. Соединенные Штаты не могут решить проблему глобальной конкуренции в области ИИ в одиночку. По мере того, как ИИ все больше влияет на экономику, безопасность и общественные структуры во всем мире, Вашингтону необходимо будет предпринять решительные действия по внедрению на мировых рынках высоких технологий единых стандартов правоприменения, усиления регуляторного надзора и расширения инвестиций в ИИ и полупроводниковые инновации. Укрепление международных партнерских отношений будет иметь во многом решающее значение, поскольку сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Великобританией и ЕС в перспективе может привести к созданию ими некоей единой системы управления ИИ, замкнутой на союзных США странах.

Предпринимаемые меры экспортного контроля имеют также немаловажное значение для защиты национальной безопасности, внешнеполитических интересов и экономической конкурентоспособности США, предотвращая попадание чувствительных технологий геополитическим соперникам Соединенных Штатов вопреки стратегическим интересам США. Однако, если эти ограничения зайдут слишком далеко, они могут ослабить те отрасли американской экономики и науки, которые они призваны защищать. Вместе с тем экспортные ограничения негативно влияют на американские высокотехнологичные компании. NVIDIA и AMD уже теряют значительную часть своих доходов, поскольку Китай остается их основным рынком, и они вынуждены разрабатывать менее мощные чипы, чтобы соответствовать нормативным экспортным требованиям США.

Список литературы

1. America's AI Action Plan Sets the Stage for Global Technology Power Play. America's AI Action Plan Sets the Stage for Global Technology Power Play Governance. – URL: <https://complexdiscovery.com/americas-ai-action-plan-sets-the-stage-for-global-technology-power-play/>.
2. Artificial Intelligence Infrastructure Spending to Surpass the \$200Bn USD Mark in the Next 5 years, According to IDC. International Data Corporation. February 18, 2025. – URL: <https://my.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS52758624>.

3. *Gianfortune R.* U.S. Faces New Era of AI-Driven Conflict with China. Thu, 12/11/2025. – URL: <https://govciomedia.com/u-s-faces-new-era-of-ai-driven-conflict-with-china/>.

4. *Gibney E.* Mini-Satellite Paves the Way for Quantum Messaging Anywhere on Earth, *Nature*, March 19, 2025. – URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-025-00581-7>

5. *Maslej N. et al.* The AI Index 2025 Annual Report (AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University, April 2025). – URL: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf.

6. Remarks by Director Kratsios at the APEC Digital and AI Ministerial Meeting. August 5, 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/08/remarks-by-director-kratsios-at-the-apec-digital-and-ai-ministerial-meeting/>.

7. Technology and Consumer Product Opportunities and Risks. Chapter 3: U.S. – China Competition in emerging Technologies. U.S.-China Economic and Security Review Commission. – URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-11/Chapter_3--U.S.-China_Competition_in_Emerging_Technologies.pdf.

8. Technology and Innovation Report Inclusive Artificial Intelligence for Development. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf.

9. *Turkel N.* AI, National Security, and the Global Technology Race: How US Export Controls Define the Future of Innovation. Hudson Institute. Mar 24, 2025. – URL: <https://www.hudson.org/national-security-defense/ai-national-security-global-technology-race-how-us-export-controls-define-nury-turkel>.

10. U.S. Economic Security. Winning the Race for Tomorrow's Technologies. Council on Foreign Relations. Task Force Report N #83. November 13, 2025. – URL: https://assets.cfr.org/images/TFR83_EconomicSecurity_Full_2025-10-30_Final/TFR83_EconomicSecurity_Full_2025-10-30_Final.pdf?_i=AA

11. White House Unveils America's AI Action Plan. July 23, 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/07/white-house-unveils-americas-ai-action-plan/>.

12. *Xinmei Shen.* China's AI Capital Spending Set to Reach up to U.S. \$98 Billion in 2025. Amid Rivalry with U.S., *South China Morning Post*, June 25, 2025. – URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-war/article/3315805/chinas-ai-capital-spending-set-reach-us98-billion-2025-amid-rivalry-us>.

References

1. America's AI Action Plan Sets the Stage for Global Technology Power Play. America's AI Action Plan Sets the Stage for Global Technology Power Play Governance. Available at: <https://complexdiscovery.com/americas-ai-action-plan-sets-the-stage-for-global-technology-power-play/>.
2. Artificial Intelligence Infrastructure Spending to Surpass the \$200Bn USD Mark in the Next 5 years, According to IDC. International Data Corporation. February 18, 2025. Available at: <https://my.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS52758624>.
3. Gianfortune R. U.S. Faces New Era of AI-Driven Conflict with China. Thu, 12/11/2025. Available at: <https://govciomedia.com/u-s-faces-new-era-of-ai-driven-conflict-with-china/>.
4. Gibney E. Mini-Satellite Paves the Way for Quantum Messaging Anywhere on Earth, Nature, March 19, 2025. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-025-00581-7>
5. Maslej N. et al. The AI Index 2025 Annual Report (AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University, April 2025). Available at: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf.
6. Remarks by Director Kratsios at the APEC Digital and AI. Ministerial Meeting. August 5, 2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/08/remarks-by-director-kratsios-at-the-apec-digital-and-ai-ministerial-meeting/>.
7. Technology and Consumer Product Opportunities and Risks. Chapter 3: U.S. - China Competition in emerging Technologies. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2024-11/Chapter_3--U.S.-hina_Compensation_in_Emerging_Technologies.pdf.
8. Technology and Innovation Report Inclusive Artificial Intelligence for Development. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf.
9. Turkel N. AI, National Security, and the Global Technology Race: How US Export Controls Define the Future of Innovation. Hudson Institute. Mar 24, 2025. Available at: <https://www.hudson.org/national-security-defense/ai-national-security-global-technology-race-how-us-export-controls-define-nury-turkel>.
10. U.S. Economic Security. Winning the Race for Tomorrow's Technologies. Council on Foreign Relations. Task Force Report No. #83. November 13, 2025. Available at: https://assets.cfr.org/images/TFR83_EconomicSecurity_Full_2025-10-30_Final/TFR83_EconomicSecurity_Full_2025-10-30_Final.pdf?_i=AA

11. White House Unveils America's AI Action Plan. July 23, 2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/07/white-house-unveils-americas-ai-action-plan/>.

12. Xinmei Shen. China's AI Capital Spending Set to Reach up to U.S. \$98 Billion in 2025. Amid Rivalry with U.S., South China Morning Post, June 25, 2025. Available at: <https://www.scmp.com/tech/tech-war/article/3315805/chinas-ai-capital-spending-set-reach-us98-billion-2025-amid-rivalry-us>.

Поступила: 12.01.2026

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторах

Петр Витальевич Меньшиков

доктор политических наук, профессор факультета международных экономических отношений Финансового университета; профессор Института «Первая Академия медиа» РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
ORCID: 0000-0001-6547-6032
E-mail: menshikov.pv@rea.ru

Анна Маратовна Меньшикова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г. А. Арбатова.
Адрес: ФГБУН «Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г. А. Арбатова Российской академии наук», 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.
ORCID: 0000-0003-2853-5931
E-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

Information about the authors

Petr W. Menshikov

Doctor of Political Science, Professor of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University; Professor of the Institute "First Media Academy" of the PRUE.
Address: Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradskiy Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6547-6032
E-mail: menshikov.pv@rea.ru

Anna M. Menshikova

PhD, Associate Professor, Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute of USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
Address: Georgy Arbatov Institute of USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-2853-5931
E-mail: a.menshickowa2014@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-125-142>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. С. Красных

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

В условиях санкционного давления и трансформации мировой экономической системы цифровые технологии приобретают важное значение для адаптации внешнеэкономической деятельности регионов Российской Федерации. В статье исследуется роль цифровых технологий в преодолении ограничений, связанных с разрывом торговых, логистических и финансовых цепочек. Особое внимание уделяется развитию альтернативной платежной инфраструктуры, включая систему передачи финансовых сообщений Банка России, цифровой рубль и трансграничные решения на основе цифровых валют центральных банков. Анализируются возможности применения блокчейн-технологий, цифровых финансовых активов и смарт-контрактов в международной торговле, а также роль электронных торговых площадок и государственных цифровых платформ поддержки экспорта. Показано, что технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных формируют основу для прогнозирования санкционных рисков, оптимизации логистических маршрутов и автоматизации процедур. На основе обобщения международного опыта и российских практик предложены стратегические направления цифровой трансформации внешнеэкономической деятельности регионов, включая формирование единого цифрового пространства ЕАЭС, развитие трансграничной электронной коммерции и ускоренное импортозамещение критически значимого программного обеспечения. Сделан вывод о системной роли цифровизации как фактора устойчивости региональной экономики в условиях санкционных ограничений.

Ключевые слова: цифровизация экономики, блокчейн-технологии, электронные торговые площадки.

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR OVERCOMING SANCTIONS RESTRICTIONS IN THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

Sergei S. Krasnykh

Institute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Under conditions of intensified sanctions pressure and the transformation of the global economic system, digital technologies play a crucial role in adapting the foreign economic

activities of Russian regions. This article examines digital instruments as mechanisms for overcoming disruptions in traditional trade, logistics, and financial chains. Particular attention is paid to the development of alternative payment infrastructures, including the Bank of Russia's Financial Messaging System, the digital ruble, and cross-border solutions based on central bank digital currencies. The study analyzes the potential of blockchain technologies, digital financial assets, and smart contracts in international trade, as well as the role of electronic trading platforms and state digital export support systems. It is shown that artificial intelligence and big data technologies form an analytical foundation for forecasting sanctions risks, optimizing logistics routes, and automating compliance procedures. Based on the analysis of international experience (Iran, China, DPRK) and Russian practices, the article proposes strategic directions for the digital transformation of regional foreign economic activity, including the creation of a unified digital space within the EAEU, the development of cross-border e-commerce, and accelerated import substitution of critical software. The study concludes that digitalization is a key factor in enhancing the resilience of regional economies under sanctions.

Keywords: digitalization of the economy, blockchain technologies, electronic trading platforms.

Введение

Современная система международных экономических отношений переживает период глубокой трансформации, обусловленной беспрецедентным по масштабу и интенсивности применением экономических санкций в качестве инструмента геополитического давления. Начиная с 2014 г. Российская Федерация стала объектом многоуровневых ограничительных мер со стороны Соединенных Штатов Америки, Европейского союза и ряда других государств, что повлекло за собой существенные структурные сдвиги в архитектуре внешнеэкономических связей страны. Эскалация санкционного режима в 2022 г. привела к отключению системообразующих российских банков от международной платежной системы SWIFT, заморозке золотовалютных резервов и введению масштабных торговых эмбарго и поставила перед экономическими субъектами задачу формирования принципиально новых механизмов внешнеторговой деятельности.

В этих условиях цифровые технологии приобретают роль ключевого фактора адаптации региональной внешнеэкономической деятельности к санкционным ограничениям. Блокчейн-технологии, цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currencies – CBDC), системы искусственного интеллекта, электронные торговые площадки и аналитические платформы на основе больших данных (big data) формируют технологическую базу для построения альтернативных каналов международной торговли и финансовых расчетов. Особую актуальность данная проблематика приобретает на региональном уровне, где предприятия-экспортеры и импортеры в наибольшей степени зависят от функционирования международных логистических и платежных цепочек.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, санкционный режим в отношении России не только сохраняется, но и продолжает расширяться: по данным системы Interfax X-Compliance, к 2026 г. в санкционные списки недружественных стран было включено более 19 тыс. российских физических и юридических лиц¹. Во-вторых, процесс цифровизации внешнеэкономической деятельности приобретает системный характер: к концу 2024 г. в Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России участвовали 584 организации, включая 177 нерезидентов из 24 стран². В-третьих, международный опыт стран, находящихся под санкционным давлением (Иран, КНДР, Куба), демонстрирует значительный потенциал цифровых инструментов в сфере адаптации внешнеторговых отношений.

Теоретические аспекты влияния санкций на внешнеторговую деятельность

Санкционные ограничения и их воздействие на внешнеэкономическую деятельность России

Проблематика санкционного воздействия на экономику России является предметом активной научной дискуссии как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Например, Д. И. Ушкалова проанализировала риски для развития отечественного экспорта в краткосрочной и среднесрочной перспективе [13]. Отмечается, что санкции формируют стимулы для развития импортозамещения и диверсификации производства [12]. При этом обоснована политика интенсификации импортозамещения как ключевого механизма обеспечения устойчивого развития в современных условиях [10].

А. С. Потемкин в своем исследовании провел всесторонний анализ последствий международных санкций, обратив особое внимание на рост транзакционных издержек, фрагментацию финансовой системы и вынужденный переход к расчетам в национальных валютах [8]. Автор выделяет ключевой парадокс: санкционное давление, направленное на изоляцию российской экономики, одновременно стимулировало формирование новых экономических альянсов с государствами Азии и Ближнего Востока.

Е. Ю. Широкова исследовала проблему внешнеторговой зависимости экономики регионов Северо-Западного федерального округа и показала, что наиболее уязвимыми к санкционному воздействию оказались

¹ См.: Статистика X-Compliance. – URL: <https://x-compliance.ru/statistics>

² См.: Годовой отчет Банка России за 2024 год. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf

приграничные регионы с высокой долей экспортно-импортных операций в структуре ВРП [15].

Н. А. Школяр зафиксировал начало процесса смены приоритетов внешней торговли России, обосновав необходимость переориентации товарных потоков на рынки стран-партнеров по ЕАЭС, ШОС и БРИКС [18].

Зарубежные исследователи также активно анализируют эффективность санкционных режимов. Х. Дрегер и др. оценили макроэкономические последствия первого раунда санкций 2014 г. и установили, что совокупное влияние торговых и финансовых ограничений на ВВП России составило от 1,5 до 2 процентных пунктов ежегодно [22]. М. Белин, Дж. Хануусек исследовали торговые эффекты санкций для стран Европейского союза и продемонстрировали, что ограничительные меры имеют не только двусторонний, но и мультилатеральный эффект, затрагивая третьи страны через цепочки поставок [23].

Т. И. Гордиевич и П. В. Рузанов в работе, посвященной макроэкономическим трендам России в санкционный кризис, обосновали тезис о формировании мобилизационной экономики, в рамках которой приоритетными становятся задачи обеспечения технологического суверенитета и создания автономных финансовых инфраструктур [2]. Д. В. Манушин в серии публикаций представил комплексный анализ антисанкционной и санкционной экономической политики России на период 2022–2025 гг., выделив управление изменениями как центральный элемент стратегии адаптации [6; 7].

Р. А. Руденко и Т. С. Шаталова рассмотрели импортозамещение как основу обеспечения продовольственной безопасности России в условиях санкций, показав, что цифровизация агропромышленного комплекса и внедрение платформенных решений в сфере закупок позволяют существенно снизить зависимость от импортных поставок [9]. Н. К. Сикачев и Ю. Г. Лещенко проанализировали санкционную политику в отношении России на уровне международных организаций, обратив внимание на координацию санкционных режимов между США, ЕС и Великобританией [11].

Цифровизация как фактор трансформации внешнеэкономической деятельности

Теоретические основы влияния цифровизации на международную торговлю разрабатываются в рамках нескольких научных направлений. А. В. Зимовец и Т. Д. Климачев исследовали цифровую трансформацию производства на российских предприятиях в условиях импортозамещения, проанализировав архитектуру цифровых платформ на основе технологий Индустрии 4.0 [4]. К. Б. Костин и Ю. В. Малевич рассмотрели процесс цифровизации экономики Российской Федерации в контексте политики импортозамещения и установили, что цифровые технологии

выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они являются объектом санкционных ограничений, а с другой – инструментом их преодоления [5].

В зарубежной литературе значительное внимание уделяется роли блокчейн-технологий и цифровых валют в трансформации международных платежей. Р. Ауэр, П. Хейн, Х. Холден на основе документов Банка международных расчетов (BIS) исследовали проект mBridge – многосторонней платформы для трансграничных расчетов на основе CBDC – и обосновали, что интеграция национальных цифровых валют способна существенно снизить зависимость от корреспондентских банковских сетей и системы SWIFT [19]. Д. В. Арнер, Р. П. Бакли, Д. А. Цецше, Р. Вейдт в статье проанализировали влияние финансовых технологий на трансграничные платежи и пришли к выводу о том, что децентрализованные финансовые системы создают альтернативную инфраструктуру, потенциально снижающую эффективность традиционных финансовых санкций [20].

А. Абдоли исследовал взаимосвязь санкционного режима в отношении Ирана и кризиса COVID-19, показав, что цифровые финансовые инструменты стали критически важным механизмом обеспечения международных расчетов в условиях одновременного действия торговых санкций и пандемических ограничений [21].

О. Ю. Ермоловская рассмотрела аспекты противодействия России международным финансовым санкциям и обосновала необходимость ускоренного развития национальной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенных реестров [3].

Особое место в литературе занимает проблематика альтернативных платежных систем. Исследования показывают, что СПФС, созданная Банком России в 2014 г. как ответ на первую волну санкций, к 2024 г. обслуживала 584 организации, а объем переданных финансовых сообщений увеличился на 23% по сравнению с предыдущим годом¹. Параллельно развивается китайская система Cross-border Interbank Payment System – CIPS), к которой летом 2023 г. подключились 30 российских банков².

Доклад «Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» содержит комплексный анализ правовых мер снижения рисков в сфере цифровых технологий в условиях санкций, включая альтернативные механизмы доступа к капиталу и финансовым транзакциям, правовые инструменты преодоления технологических ограниче-

¹ См.: Годовой отчет Банка России за 2024 год. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf

² См.: Косвенными участниками китайской системы CIPS стали 30 российских банков. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2023/05/26/976987-kosvennimi-uchastnikami-kitaiskoi-sistemi-cips-stali-30-rossiiskih-bankov>

ний и меры по обеспечению привлекательности российской юрисдикции для компаний и специалистов [14].

Международный опыт адаптации к санкционным ограничениям с использованием цифровых технологий

Анализ международного опыта представляет особую ценность для формирования стратегии цифровой адаптации внешнеэкономической деятельности. Иранский опыт является наиболее релевантным, поскольку Исламская Республика Иран находится под комплексным санкционным режимом с 1979 г., при этом наиболее жесткие ограничения были введены в 2012–2015 и затем восстановлены с 2018 г.

Иран предпринял ряд значительных шагов в направлении цифровизации финансовой инфраструктуры. В сентябре 2022 г. был запущен пилотный проект «крипто-риал» – цифровой валюты Центрального банка Ирана, призванной обеспечить трансграничные расчеты в обход санкционных ограничений¹. Кроме того, Иран и Россия инициировали совместную разработку криптовалюты, обеспеченной золотом, для осуществления двусторонних торговых операций в рамках специальных экономических зон². Иранские криптовалютные биржи, в первую очередь Nobitex, продемонстрировали значительный рост: к 2023 г. платформа обслуживала более 5,5 млн пользователей, что на 28% превысило показатели предыдущего года³.

Также иранский опыт включает развитие национальной межбанковской системы SEPAM, функционирующей как альтернатива SWIFT для внутренних и ограниченного круга международных операций [1].

Китайская Народная Республика, не находящаяся под комплексным санкционным режимом, тем не менее активно развивает альтернативную финансовую инфраструктуру. Проект цифрового юаня (e-CNY) и многосторонняя платформа mBridge, разрабатываемая совместно центральными банками Китая, ОАЭ, Таиланда и специального административного района Гонконг при поддержке BIS, формируют технологическую основу для трансграничных расчетов, независимых от доллароцентричной финансовой системы⁴. Данные инициативы имеют стратегиче-

¹ См.: Iran to Start Testing a Digital Rial This Week. – URL: <https://www.coindesk.com/policy/2022/09/21/iran-to-start-testing-a-digital-rial-this-week>

² См.: Россия и Иран начали обсуждать создание привязанного к золоту совместного стейблкоина. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/483765-rossia-i-iran-nacali-obsuzdat-sozdanie-privazannogo-k-zolotu-sovmestnogo-stejblkoina>

³ См.: Current status of Iran's local cryptocurrency exchanges: tens of millions of users and severe US sanctions. – URL: <https://wublock.substack.com/p/current-status-of-irans-local-cryptocurrency>

⁴ См.: China-led cross-border digital currency platform sees surge. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-led-cross-border-digital-currency-platform-sees-surge-2026-01-16/>

ское значение для России в контексте переориентации торговых потоков на восточное направление.

Цифровые технологии как инструмент преодоления санкционных ограничений во внешнеторговой деятельности *Цифровые платежные инфраструктуры*

Система передачи финансовых сообщений Банка России, созданная в 2014 г. как превентивная мера, к 2024 г. превратилась в полноценную альтернативу SWIFT для внутренних и частично трансграничных операций. Вместе с тем СПФС как централизованная система имеет ряд ограничений, главное из которых – потенциальная уязвимость к вторичным санкциям. В ноябре 2024 г. OFAC (Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США) выпустило предупреждение для финансовых институтов, подключающихся к СПФС, что создает дополнительные барьеры для расширения международного сегмента системы¹.

Цифровой рубль представляет собой важный инструмент адаптации внешнеэкономической деятельности. Тестирование операций с реальными цифровыми рублями началось 15 августа 2023 г. с участием 13 банков. К 2025 г. в пилотном проекте участвовали 15 банков, 1 700 граждан и порядка 30 компаний; было открыто около 2 500 кошельков, совершено более 100 тыс. операций, включая более 63 тыс. переводов, около 13 тыс. оплат за товары и услуги и свыше 17 тыс. смарт-контрактов². Законопроект о поэтапном массовом внедрении цифрового рубля был принят Государственной Думой 15 июля 2025 г. с планируемой датой запуска 1 сентября 2026 г. Критически важным аспектом является трансграничная функциональность цифрового рубля. Банк России еще в октябре 2023 г. опубликовал законопроект, регулирующий возможность открытия счетов цифрового рубля для кредитных организаций и иностранных банков, что создает правовую базу для использования третьей формы национальной валюты в международных расчетах независимо от посредников. Законодатели прямо указывали на потенциал цифрового рубля в качестве инструмента расчетов с иностранными партнерами вне системы SWIFT.

Перспективной является также интеграция цифрового рубля с международными платформами на основе CBDC. Проект mBridge, rea-

¹ См.: Sanctions Risk for Foreign Financial Institutions that Join Russian Financial Messaging System, System for Transfer of Financial Messages. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/933656/download?inline=>

² См.: Банк России подвел первые итоги пилотирования цифрового рубля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2025/06/30/1121083-tsb-podvel-pervie-itogi-pilotirovaniya-tsifrovogo-rublya>

лизуемый при координации Банка международных расчетов, предоставляет технологическую архитектуру для прямых трансграничных расчетов между центральными банками, минуя корреспондентские сети.

Вместе с тем следует отметить, что трансграничное признание цифрового рубля в значительной мере зависит от двусторонних соглашений и режима валютного контроля стран-партнеров. По сравнению с цифровым юанем (e-CNY), который уже используется в масштабных пилотных проектах с многомиллионной аудиторией, цифровой рубль находится на более ранней стадии разработки.

Блокчейн-технологии в международной торговле

Технология распределенных реестров (блокчейн) открывает ряд возможностей для адаптации внешнеторговой деятельности в условиях санкционных ограничений. Ключевым свойством блокчейна является децентрализация, исключающая зависимость от единого оператора инфраструктуры и, как следствие, снижающая уязвимость к санкционному давлению на уровне инфраструктурных организаций.

В июне 2022 г. госкорпорация «Ростех» представила блокчейн-платформу, позиционируемую как потенциальная замена SWIFT для обеспечения межбанковского взаимодействия¹. Данная платформа основана на отечественных криптографических стандартах и обеспечивает шифрованный обмен финансовыми сообщениями с использованием технологии консенсуса, что делает систему устойчивой к внешнему вмешательству.

Криптовалюты и цифровые финансовые активы также рассматриваются как инструменты обеспечения трансграничных расчетов. В апреле 2023 г. глава Банка России допустила возможность использовать множественные решения представителями бизнеса, включая криптовалюты, для осуществления платежей с иностранными партнерами в условиях западных санкций².

Смарт-контракты – программируемые самоисполняемые соглашения на базе блокчейна – находят растущее применение в сфере внешне-торговых операций. Их использование позволяет автоматизировать исполнение условий международных контрактов, включая контроль поставки, подтверждение качества товара и проведение платежей, что снижает зависимость от посреднических структур, подверженных санкционному давлению.

¹ См.: Ростех представил блокчейн-платформу, способную заменить SWIFT. – URL: <https://rostec.ru/media/news/rostekh-predstavil-blokcheyn-platformu-sposobnuyu-zamenit-swift-/#start>

² См.: ЦБ допустил экспериментальное использование криптовалют во внешних расчетах. – URL: <https://ria.ru/20230417/kriptovalyuta-1865864023.html>

Вместе с тем необходимо отметить, что блокчейн-технологии являются обоюдоострым мечом в контексте санкционного противостояния. Прозрачность публичных блокчейнов позволяет правоохранительным органам и регуляторам отслеживать транзакции и выявлять потенциальные нарушения санкционных режимов. Как показывают исследования TRM Labs, правоприменительная практика в сфере блокчейн-аналитики существенно усилилась: в 2022 г. OFAC ввел санкции против криптовалютных миксеров Tornado Cash и Blender.io, а в 2023 г. были предъявлены уголовные обвинения их основателям¹.

Электронные торговые площадки и цифровые платформы поддержки внешнеэкономической деятельности

Электронные торговые площадки (ЭТП) выступают важнейшим инструментом региональной внешнеэкономической деятельности, обеспечивая цифровую среду для поиска контрагентов, проведения закупочных процедур и управления логистическими цепочками. Санкционный кризис 2022 г. стимулировал интенсивное развитие данного сегмента: по оценкам агентства «Эксперт РА», в 2023 г. наблюдались максимальная цифровизация всех этапов закупок, интеграция ЭТП с китайским рынком, увеличение числа поставщиков, занимающихся параллельным импортом, а также переориентация на азиатские рынки с расчетами в национальных валютах².

Государственная информационная система «Мой экспорт», интегрированная с платформой Российского экспортного центра, предоставляет экспортерам комплекс цифровых сервисов – от аналитики целевых рынков и подбора контрагентов до электронного документооборота и оформления экспортных сертификатов. В условиях санкций функциональность данной платформы была расширена за счет интеграции с системами дружественных стран и формирования реестра альтернативных логистических маршрутов³.

Крупнейшие ЭТП (например, популярные маркетплейсы) создали собственные центры импортозамещения, функционирующие как перевалочные пункты в регионах для обеспечения поставок продукции крупным заказчикам. Данные центры позволяют заказчикам без дополнительных усилий получать поставки от новых контрагентов, в том числе из стран, не присоединившихся к санкционным режимам. В 2023 г. поставки товаров по параллельному импорту осуществлялись преимущественно через Китай, ОАЭ, Индию, Турцию, Казахстан, Киргизию и Узбекистан,

¹ См.: Treasury Designates Roman Semenov, Co-Founder of Sanctioned Virtual Currency Mixer Tornado Cash. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1702>

² См.: Рынок электронных закупок: цифровая трансформация продолжается. – URL: https://raexpert.ru/researches/etpb/etp_market_2024/

³ См.: Мой экспорт. – URL: <https://myexport.exportcenter.ru>

при этом появились новые направления, такие как Юго-Восточная Азия, Африка и Южная Америка.

На региональном уровне цифровые платформы приобретают особое значение для малого и среднего бизнеса, ранее зависевшего от международных торговых посредников. Развитие маркетплейсов B2B, ориентированных на рынки дружественных стран, позволяет региональным предприятиям самостоятельно выходить на зарубежных покупателей, минуя традиционные экспортные каналы.

Искусственный интеллект и большие данные в управлении внешне-торговой деятельностью

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) и анализ больших данных (big data) формируют качественно новый инструментарий для управления внешнеэкономической деятельностью в условиях санкционных ограничений. Применение данных технологий охватывает несколько функциональных областей: прогнозирование санкционных рисков, оптимизацию логистических маршрутов, анализ рыночной конъюнктуры и автоматизацию комплаенс-процедур.

Системы ИИ-прогнозирования позволяют анализировать массивы неструктурированных данных (от новостных потоков и официальных заявлений до геополитических индикаторов) для выявления потенциальных санкционных угроз и заблаговременного перестраивания торговых цепочек.

Оптимизация логистических маршрутов с использованием алгоритмов машинного обучения приобретает критическое значение в условиях, когда традиционные транспортные коридоры оказываются заблокированными или существенно ограниченными. Интеллектуальные системы маршрутизации способны учитывать множество параметров – от текущего санкционного статуса перевозчиков и портов до динамики страховых тарифов и таможенных процедур, обеспечивая выбор оптимальных логистических решений. В условиях переориентации торговых потоков данные технологии позволяют существенно сократить транзакционные издержки и время доставки грузов.

Технологии big data применяются также для анализа рыночной конъюнктуры на новых для российских экспортеров рынках. Агрегация и обработка данных из множества источников (от таможенной статистики и отраслевых обзоров до активности в социальных сетях и мониторинга цен) позволяют формировать актуальную картину спроса и конкурентной среды на целевых рынках стран-партнеров. Для региональных предприятий, не располагающих собственными маркетинговыми подразделениями с компетенциями в области международных рынков, данные инструменты открывают возможности для информированного принятия решений о диверсификации экспортных направлений.

Автоматизация комплаенс-процедур на основе ИИ позволяет предприятиям в режиме реального времени проверять контрагентов на предмет их присутствия в санкционных списках, выявлять транзакции с потенциально подсанкционными юрисдикциями и обеспечивать соблюдение нормативных требований при осуществлении внешнеторговых операций. Данные решения критически важны для российских компаний, осуществляющих торговлю через третьи страны, поскольку позволяют минимизировать риски вторичных санкций для контрагентов в дружественных юрисдикциях.

Стратегии развития цифровых технологий для преодоления санкционных ограничений

На основе проведенного анализа представляется возможным выделить ряд перспективных стратегий развития цифровизации, способствующих адаптации региональной внешнеэкономической деятельности к санкционному давлению.

Первая стратегия – создание единого цифрового пространства ЕАЭС для внешнеэкономической деятельности. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе формируют институциональную основу для развития общей цифровой платформы, объединяющей электронные торговые площадки, системы электронного документооборота, а также базы данных сертификации и аккредитации государств-участников. Данный подход согласуется с выводами Л. В. Шкваря М. В. Меланьиной о необходимости углубления и координации межгосударственного цифрового сотрудничества в ЕАЭС [17].

Вторая стратегия – внедрение интеллектуальных систем управления санкционными рисками. Системы на основе ИИ и машинного обучения, интегрированные в инфраструктуру внешнеторговых операций, способны обеспечить непрерывный мониторинг санкционных списков и оперативное информирование участников ВЭД; прогнозирование вероятности введения новых ограничений на основе анализа геополитических факторов; автоматическую оценку рисков по каждому контрагенту и каждой транзакции; оптимизацию логистических маршрутов с учетом актуального санкционного ландшафта; анализ альтернативных рынков и контрагентов для оперативного замещения заблокированных каналов поставок.

Третья стратегия – ускоренное импортозамещение критически значимого программного обеспечения для ВЭД. Зависимость от зарубежного программного обеспечения для управления предприятиями, логистикой, складскими операциями и документооборотом представляет существенный операционный риск в условиях санкций. С 12-м пакетом санкций ЕС (декабрь 2023 г.) был введен запрет на поставку в Россию программного обеспечения для управления предприятиями и промышленного дизай-

на¹. В этой связи ускоренная разработка и внедрение отечественных систем, адаптированных к специфике внешнеэкономической деятельности, – приоритетная задача. По данным Университета Иннополис, к 2022 г. уровень проникновения иностранного программного обеспечения в различных сегментах российского рынка составлял от 50 до 90%, что обуславливает масштаб необходимых усилий по импортозамещению².

Четвертая стратегия – развитие трансграничной электронной коммерции с ориентацией на рынки дружественных стран. Формирование совместных электронных маркетплейсов с Китаем, Индией, Турцией, странами ЕАЭС и Персидского залива, оснащенных встроенными системами платежей в национальных валютах, логистическими сервисами и инструментами юридического сопровождения, способно обеспечить устойчивый канал для региональных экспортеров.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Санкционные ограничения, введенные в отношении Российской Федерации в 2014 г. и существенно расширенные начиная с 2022 г., создали беспрецедентные вызовы для внешнеэкономической деятельности на федеральном и региональном уровнях. Отключение системообразующих банков от SWIFT, торговые эмбарго, запреты на поставку технологий и программного обеспечения потребовали системного пересмотра инструментария внешнеторговых операций.

Цифровые технологии продемонстрировали значительный потенциал в качестве инструментов адаптации внешнеэкономической деятельности к санкционному давлению.

Система передачи финансовых сообщений обеспечила альтернативный канал для межбанковского взаимодействия. Цифровой рубль, находящийся в стадии пилотного тестирования, формирует технологическую основу для трансграничных расчетов, независимых от западной финансовой инфраструктуры. Блокчейн-технологии и децентрализованные финансовые системы создают архитектуру, устойчивую к внешнему отключению.

Электронные торговые площадки и цифровые платформы поддержки ВЭД обеспечили инфраструктуру для переориентации торговых потоков на рынки дружественных стран, интеграцию с параллельным

¹ См.: Council Regulation (EU) 2023/2878 of 18 December 2023 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2878/oj/eng>

² Исследование потенциала импортозамещения программного обеспечения в приоритетных отраслях экономики. – Иннополис : Университет Иннополис, 2022. – URL: https://innopolis.university/filespublic/otchet_po2022.pdf

импортом и расширение доступа региональных предприятий к международной торговле. Технологии искусственного интеллекта и больших данных формируют аналитическую базу для прогнозирования санкционных рисков, оптимизации логистики и поиска новых рыночных ниш.

В качестве потенциальных стратегий развития цифровизации для преодоления санкционных ограничений были определены следующие: создание единого цифрового пространства ЕАЭС для ВЭД; внедрение интеллектуальных систем управления санкционными рисками; ускоренное импортозамещение критически значимого программного обеспечения; развитие трансграничной электронной коммерции с ориентацией на дружественные рынки.

Реализация указанных стратегий требует координации усилий федеральных и региональных органов власти, финансовых институтов, технологических компаний и научно-исследовательских организаций.

Полученные результаты подтверждают, что цифровые технологии выполняют системную функцию адаптации внешнеэкономической деятельности регионов к санкционным ограничениям, способствуя повышению устойчивости и снижению зависимости от традиционной внешней инфраструктуры. Данный вывод согласуется с результатами исследований, в которых цифровизация экономики Российской Федерации рассматривается как ключевой фактор обеспечения технологического и цифрового суверенитета в условиях внешних ограничений и роста глобальной нестабильности [16].

Список литературы

1. Барабанов В. Ю., Протосеня А. Д. Финансовая система Ирана в условиях санкционного давления: роль криптовалют и альтернативных платежных механизмов // *Мировая экономика и мировые финансы*. – 2024. – Т. 3. – № 5. – С. 95–102. – DOI: 10.24412/29496454-2024-0490.
2. Гордиевич Т. И., Рузанов П. В. Макроэкономические тренды в России в санкционный кризис // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2023. – Т. 8. – № 3. – С. 124–130. – DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-124-130.
3. Ермоловская О. Ю. Аспекты противодействия России международным финансовым санкциям // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2024. – Т. 14. – № 2. – С. 591–604. – DOI: 10.18334/erp.14.2.120514.
4. Зимовец А. В., Климачев Т. Д. Цифровая трансформация производства на российских предприятиях в условиях политики импортозамещения // *Вопросы инновационной экономики*. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 1409–1426.

5. Костин К. Б., Малевич Ю. В., Борисов Ф. А. Цифровизация экономики Российской Федерации в условиях политики импортозамещения // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – № 5. – С. 1769–1786. – DOI: 10.18334/erp.14.5.120911.

6. Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17. – № 4. – С. 775–799. – DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799.

7. Манушин Д. В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: последствия войны санкций, управление изменениями, уточнение понятий исследования // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 36–69. – DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.36-69.

8. Потемкин А. С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7. – № 7. – С. 1801–1826. – DOI: 10.18334/ecsec.7.7.121468.

9. Руденко Р. А., Шаталова Т. С. Импортозамещение как основа для обеспечения продовольственной безопасности России // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 6–5 (120). – С. 142–145. – DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.119.

10. Сафиуллин М. Р., Ельшин Л. А. Санкционное давление на экономику России: пути преодоления издержек и выгоды конфронтации в рамках импортозамещения // Финансы: теория и практика. – 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 150–161. – DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161.

11. Сикачев Н. К., Лещенко Ю. Г. Санкционная политика в отношении России на уровне международных организаций // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 775–792. – DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117828.

12. Скворцова В. А., Скворцов А. О. Антироссийские экономические санкции: последствия и противодействие // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2025. – № 1 (53). – С. 5–19. – DOI: 10.21685/2227-8486-2025-1-1.

13. Ушкалова Д. И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 6. – С. 34–51. – DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_34_51.

14. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях. – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.

15. Широкова Е. Ю. Внешнеторговая зависимость экономики регионов СЗФО: проблемы и возможности // Вопросы территориального развития. – 2022. – № 1 (10). – DOI: 10.15838/tdi.2022.1.61.3.

16. Шкваря Л. В. Цифровая экономика в Российской Федерации и направления ее развития в современных условиях // Россия и Азия. – 2024. – № 1 (27). – С. 45–56.
17. Шкваря Л. В., Меланьина М. В. Цифровой ЕАЭС: прогресс и проблемы // Горизонты экономики. – 2025. – № 2 (89). – С. 91–95.
18. Школяр Н. А. Смена приоритетов внешней торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 5. – С. 95–107. – DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-95-107.
19. Auer R., Haene P., Holden H. Multi-CBDC Arrangements and the Future of Cross-Border Payments // BIS Papers. – 2021. – N 115.
20. Arner D. W., Buckley R. P., Zetsche D. A., Veidt R. Sustainability, FinTech and Financial Inclusion // European Business Organization Law Review. – 2020. – Vol. 21. – N 1. – P. 7–35. – DOI: 10.1007/s40804-020-00183-y.
21. Abdoli A. Iran, Sanctions, and the COVID-19 Crisis // Journal of Medical Economics. – 2020. – Vol. 23. – N 12. – P. 1461–1462. – DOI: 10.1080/13696998.2020.1856855.
22. Dreger Ch., Fidrmuc J., Kholodilin K., Ulbricht D. Between the Hammer and the Anvil: The Impact of Economic Sanctions and oil Prices on Russia's Ruble // Journal of Comparative Economics. – 2016. – Vol. 44. – N 2. – P. 295–308. – DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.010.
23. Belin M., Hanousek J. Which Sanctions Matter? Analysis of the EU/Russian Sanctions of 2014 // Journal of Comparative Economics. – 2021. – Vol. 49. – N 1. – P. 244–257. – DOI: 10.1016/j.jce.2020.07.001.

References

1. Barabanov V. Yu., Protosenya A. D. Finansovaya sistema Irana v usloviyakh sanktsionnogo davleniya: rol kriptovalyut i alternativnykh platezhnykh mekhanizmov [Iran's Financial System under Sanctions Pressure: The Role of Cryptocurrencies and Alternative Payment Mechanisms]. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy* [World Economy and World Finance]. 2024, Vol. 3, No. 5, pp. 95–102. (In Russ.). DOI: 10.24412/29496454-2024-0490.
2. Gordievich T. I., Ruzanov P. V. Makroekonomicheskie trendy v Rossii v sanktsionniy krizis [Macroeconomic Trends in Russia During the Sanctions Crisis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of Omsk University. Series Economics], 2023, Vol. 8, No. 3, pp. 124–130. (In Russ.). DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-124-130.
3. Ermolovskaya O. Yu. Aspekty protivodeystviya Rossii mezhdunarodnym finansovym sanktsiyam [Aspects of Russia's Counteraction to International Financial Sanctions]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. [Economics, Entrepreneurship and Law], 2024, Vol. 14, No. 2, pp. 591–604. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.14.2.120514.

4. Zimovets A. V., Klimachev T. D. Tsifrovaya transformatsiya proizvodstva na rossiyskikh predpriyatiyakh v usloviyakh politiki importozameshcheniya [Digital Transformation of Production at Russian Enterprises under Import Substitution Policy]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of Innovative Economy], 2022, Vol. 12, No. 3, pp. 1409–1426. (In Russ.).

5. Kostin K. B., Malevich Yu. V., Borisov F. A. Tsifrovizatsiya ekonomiki Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh politiki importozameshcheniya [Digitalization of the Economy of the Russian Federation under Import Substitution Policy]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2024, Vol. 14, No. 5, pp. 1769–1786. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.14.5.120911.

6. Manushin D. V. Antisanktsionnaya i sanktsionnaya ekonomicheskaya politika Rossii 2022–2025. Chast 1: analiz i prognoz upravleniya antirossiyskimi sanktsiyami [Anti-Sanction and Sanction Economic Policy of Russia 2022–2025. Part 1: Analysis and Forecast of Anti-Russian Sanctions Management]. *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, Vol. 17, No. 4, pp. 775–799. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.775-799.

7. Manushin D. V. Antisanktsionnaya i sanktsionnaya ekonomicheskaya politika Rossii 2022–2025. Chast 2: posledstviya voyny sanktsiy, upravlenie izmeneniyami, utochnenie ponyatiy issledovaniya [Anti-Sanction and Sanction Economic Policy of Russia 2022–2025. Part 2: Consequences of the Sanctions War, Change Management and Concept Clarification]. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024, Vol. 18, No. 1, pp. 36–69. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.36-69.

8. Potemkin A. S. Sanktsii protiv Rossii: ekonomicheskie posledstviya, strategii adaptatsii i perspektivy mezhdunarodnykh otnosheniy [Sanctions Against Russia: Economic Consequences, Adaptation Strategies and Prospects of International Relations]. *Ekonomicheskaya bezopasnost* [Economic Security], 2024, Vol. 7, No. 7, pp. 1801–1826. (In Russ.). DOI: 10.18334/ecsec.7.7.121468.

9. Rudenko R. A., Shatalova T. S. Importozameshchenie kak osnova dlya obespecheniya prodovolstvennoy bezopasnosti Rossii [Import Substitution as a Basis for Ensuring Food Security of Russia]. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2022, No. 6-5 (120), pp. 142–145. (In Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2022.120.6.119.

10. Safiullin M. R., Elshin L. A. Sanktsionnoe davlenie na ekonomiku Rossii: puti preodoleniya izderzhkek i vygody konfrontatsii v ramkakh importozameshcheniya [Sanction Pressure on the Russian Economy: Ways to Overcome Costs and Benefits of Confrontation within Import Substitution]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2023, Vol. 27, No. 1, pp. 150–161. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161.

11. Sikachev N. K., Leshchenko Yu. G. Sanktsionnaya politika v otnoshenii Rossii na urovne mezhdunarodnykh organizatsiy [Sanctions Policy

towards Russia at the Level of International Organizations]. *Ekonomicheskaya bezopasnost* [Economic Security], 2023, Vol. 6, No. 2, pp. 775–792. (In Russ.). DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117828.

12. Skvortsova V. A., Skvortsov A. O. Antirossiyskie ekonomicheskie sanktsii: posledstviya i protivodeystvie [Anti-Russian Economic Sanctions: Consequences and Countermeasures]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society], 2025, No. 1 (53), pp. 5–19. (In Russ.). DOI: 10.21685/2227-8486-2025-1-1.

13. Ushkalova D. I. Antirossiyskie sanktsii i eksport Rossii v 2022 g.: riski i perspektivy [Anti-Russian Sanctions and Russia's Exports in 2022: Risks and Prospects]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2022, No. 6, pp. 34–51. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_34_51.

14. Tsifrovaya transformatsiya: efekty i riski v novykh usloviyakh [Digital Transformation: Effects and Risks in New Conditions]. Moscow, ISIEZ VShE, 2024. (In Russ.).

15. Shirokova E. Yu. Vneshnetorgovaya zavisimost ekonomiki regionov SZFO: problemy i vozmozhnosti [Foreign Trade Dependence of the Economy of the Northwestern Federal District Regions: Problems and Opportunities]. *Voprosy territorialnogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2022, No. 1 (10). (In Russ.). DOI: 10.15838/tdi.2022.1.61.3.

16. Shkvarya L. V. Tsifrovaya ekonomika v Rossiyskoy Federatsii i napravleniya ee razvitiya v sovremennykh usloviyakh [Digital Economy in the Russian Federation and Directions of Its Development under Current Conditions]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 1 (27), pp. 45–56. (In Russ.).

17. Shkvarya L. V., Melanina M. V. Tsifrovoy EAES: progress i problemy [Digital EAEU: Progress and Challenges]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2025, No. 2 (89), pp. 91–95. (In Russ.).

18. Shkolyar N. A. Smena prioritetov vneshney trgovli [Changing Priorities of Foreign Trade]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2022, No. 5, pp. 95–107. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-5-95-107.

19. Auer R., Haene P., Holden H. Multi-CBDC Arrangements and the Future of Cross-Border Payments. *BIS Papers*, 2021, No. 115.

20. Arner D. W., Buckley R. P., Zetsche D. A., Veidt R. Sustainability, FinTech and Financial Inclusion. *European Business Organization Law Review*, 2020, Vol. 21, No. 1, pp. 7–35. DOI: 10.1007/s40804-020-00183-y.

21. Abdoli A. Iran, Sanctions, and the COVID-19 Crisis. *Journal of Medical Economics*, 2020, Vol. 23, No. 12, pp. 1461–1462. DOI: 10.1080/13696998.2020.1856855.

22. Dreger C., Fidrmuc J., Kholodilin K., Ulbricht D. Between the Hammer and the Anvil: The Impact of Economic Sanctions and oil Prices on Russia's Ruble. *Journal of Comparative Economics*, 2016, Vol. 44, No. 2, pp. 295–308. DOI: 10.1016/j.jce.2015.12.010.

23. Belin M., Hanousek J. Which Sanctions Matter? Analysis of the EU/Russian Sanctions of 2014. *Journal of Comparative Economics*, 2021, Vol. 49, No. 1, pp. 244–257. DOI: 10.1016/j.jce.2020.07.001.

Поступила: 24.10.2025

Принята к печати: 27.02.2026

Сведения об авторе

Сергей Сергеевич Красных
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
центра региональных компаративных
исследований Института экономики
УрО РАН.
Адрес: ФГБУН «Институт экономики
Уральского отделения Российской
академии наук», 620014, Екатеринбург,
ул. Московская, 29.
E-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Information about the author

Sergei S. Krasnykh
PhD, Senior Researcher at the Center
for Regional Comparative Studies
of the Institute of Economics of the Ural
Branch of the RAS.
Address: Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences 29 Moskovskaya Street,
Yekaterinburg, 620014,
Russian Federation.
E-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-143-153>

МИРОВОЙ РЫНОК ОБРАЗОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ: ПЕРЕХОД ОТ ЛОКАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ И ЦИФРОВОМУ

И. В. Аввакумова, Н. В. Каржанова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье показано, что мировой рынок образования как сегмент глобального и растущего рынка услуг за последнее время приобрел все более важное значение для стран, их предоставляющих, и для государств, создающих на нем спрос. Цель статьи – исследование эволюции мирового рынка образования в XXI в., выявление его основных характеристик. В статье дана этапизация эволюции мирового рынка образования за последнюю четверть века, выявлены новые качественные особенности каждого этапа. Сформулированы ключевые характеристики современного мирового рынка образования, а также влияние глобализации на эти процессы. Обосновывается точка зрения, что странам-участникам мирового рынка образования важно формировать новые конкурентные преимущества за счет повышения качества образования на всех его уровнях в условиях глобализации и цифровизации образования. Глобализация и рост среднего класса в Азии, Африке, Латинской Америке создали огромный спрос на качественное образование, поэтому повышение конкурентоспособности отдельных стран и университетов на мировом рынке образования остается для них и приоритетом и миссией.

Ключевые слова: эволюция, этапы, цифровизация образования, коммерциализация образования, онлайн-образование.

THE GLOBAL EDUCATION MARKET AND THE DIRECTIONS OF ITS TRANSFORMATION: THE TRANSITION FROM LOCAL TO GLOBAL AND DIGITAL

Irina V. Avvakumova, Natalia V. Karzhanova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The article shows that the global education market as a segment of the global and growing services market has recently become increasingly important for the countries providing them and for the states creating demand for it. The purpose of the article is to study the evolution of the global education market in the 21st century, to identify its main characteristics. The article provides a stage-by-stage description of the evolution of the global education market over the past quarter of the century, and identifies new qualitative features of each stage. The key characteristics of the modern global education market, as well as the impact of globalization on

these processes, are formulated. The authors substantiate the point of view that it is important for the countries participating in the global education market to form new competitive advantages by improving the quality of education at all levels in the context of globalization and digitalization of education. Globalization and the growth of the middle class in Asia, Africa, and Latin America have created a huge demand for high-quality education, thus increasing the competitiveness of individual countries and universities in the global education market remains their priority and mission.

Keywords: evolution, stages, digitalization of education, commercialization of education, online education.

Введение

В условиях дальнейшего роста цифровизации, смартизации мировой экономики и общественной жизни актуализируется задача повышения качества человеческого капитала и уровня образования [16]. Решение этой задачи для разных стран обеспечивается за счет выхода на мировой рынок образования в качестве поставщика и/или потребителя образовательных услуг.

В настоящее время мировому рынку образования уделяется большое внимание в научной литературе, в том числе в разрезе его различных аспектов, например, географических [4], включая образовательную миграцию [14]. Растущее внимание привлекает такой аспект мирового рынка образования, как роль образовательных услуг в качестве мягкой силы, которая все шире применяется различными странами, в том числе с развивающимися рынками. Широкое распространение получают совместные программы вузов из разных стран [5]. Однако при этом растут и трансформируются те риски, с которыми сталкиваются субъекты на мировом рынке образования [11] из-за санкционного давления на Российскую Федерацию [10].

В связи с процессами цифровизации [9] и появлением новых технологий в образовательном процессе [12] мировой рынок образования претерпевает значительные изменения. Стоит упомянуть и противоречия рынка, чтобы соблюсти баланс: неравенство доступа, вопросы качества. Таким образом, мировой рынок образования под воздействием страновых и мировых процессов переживает период фундаментальной трансформации, что вызывает необходимость исследования новых явлений и их влияния на те или иные результаты деятельности образовательных учреждений в разных странах.

Результаты исследования

Мировой рынок образования – это глобальная система экономических отношений, связанных с созданием, предложением и потреблением образовательных услуг, технологий, продуктов и человеческого капитала через национальные границы. Это не просто торговля курсами, а слож-

ная экосистема, включающая студентов, преподавателей, учебные заведения, EdTech-компании, государства и международные организации. Другими словами, образование становится транснациональным товаром и объектом инвестиций. Так или иначе, в качестве сегмента мирового рынка услуг рынок образования существенно эволюционировал. Такую ситуацию можно назвать переходом от локального к глобальному и цифровому. Поэтому целесообразно провести этапизацию эволюции мирового рынка образования в XXI в. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Эволюция мирового рынка образования в XXI в. от локального к глобальному и цифровому

Период	Содержание	Характеристики
Начало 2000-х гг.	Глобализация и гонка за талантами	Резкий рост международной студенческой мобильности, особенно в направлении США, Великобритании, Австралии. Образование становится важной статьёй экспорта для стран-лидеров (например, для Австралии и Великобритании оно входит в топ-5 экспортных отраслей). Появление глобальных рейтингов университетов (THE, QS) как универсального мерилa качества, усиливающего конкуренцию
Середина – конец 2000-х гг.	Революция EdTech и массовые онлайн-курсы (MOOCs)	Появление платформ Coursera, edX, Udacity (начало 2010-х гг.) стало переломным моментом. Они демократизировали доступ к знаниям от топ-вузов. Рынок начал переходить от исключительно физической мобильности (переезд студента) к цифровой мобильности (перемещение образовательного контента)
2010-е гг.	Коммерциализация, сегментация и новые игроки	Образование окончательно воспринимается как сфера для частных инвестиций и венчурного капитала (бум стартапов в EdTech). Появление новых форматов: микростепени, нанодипломы, цифровые бэджи. Активный выход на рынок стран Азии (Китай, Сингапур, Южная Корея) как новых центров притяжения студентов и инноваций. Развитие моделей франчайзинга и кампусов зарубежных университетов (особенно в ОАЭ, Катаре, Юго-Восточной Азии)
2020-е гг. (пандемия и настоящее время)	Ускоренная цифровая трансформация и гибридизация	COVID-19 стал мощнейшим катализатором перехода на дистанционное обучение. Формирование гибридных моделей (смешанное обучение), которые стали новой нормой. Фокус на персонализацию обучения с помощью ИИ и big data. Рост спроса на lifelong learning (непрерывное образование) и быстрое переобучение в ответ на изменения на рынке труда. Повышенное внимание к цифровым учетным данным, а также к качеству онлайн-образования (проверка подлинности знаний)

В настоящее время мировой рынок образования во всех своих сегментах переживает процесс формирования новых характеристик, возник-

кающих как результат его эволюционного развития. Среди этих характеристик можно выделить наиболее актуальные. Некоторые из них можно отметить скорее, как традиционные, например, глобальную конкуренцию. Университеты борются за лучших студентов, профессоров и исследовательские гранты по всему миру [17].

Конкуренция идет и между странами, создающими привлекательные условия для иностранных студентов (упрощенные визы, право на работу). Вузы тратят огромные средства на продвижение себя на глобальном рынке. Участие в рейтингах (QS, THE) становится не просто вопросом престижа, а маркетинговой необходимостью для привлечения платежеспособных студентов и партнеров. Абитуриенты все чаще выбирают программу и вуз, рассчитывая будущую зарплату и срок окупаемости. Гуманитарные науки, не дающие явных карьерных перспектив, проигрывают в этой логике компьютерным наукам, инженерии, data science. Поэтому отдельным странам-участникам важно формировать новые конкурентные преимущества за счет повышения качества образования на всех его уровнях [3], поскольку основным трендом и качественной характеристикой современного мирового рынка образования является его коммерциализация.

Образование становится все более крупным видом бизнес-деятельности на фоне сокращения государственного финансирования высшего образования во многих странах (особенно в англосаксонской модели). Образование как вид бизнеса включает в себя платное обучение, корпоративное обучение, рынок учебных материалов, технологических решений и консалтинга. Коммерциализация образования – самый противоречивый и определяющий тренд современного мирового образовательного рынка. Образование все чаще рассматривается и функционирует как экономическое благо (товар или услуга), подчиняющееся законам рынка: спроса, предложения, конкуренции, извлечения прибыли и эффективности [15].

Прямое финансирование исследований корпорациями, создание совместных лабораторий, целевые стипендии от компаний стирают границу между академией и индустрией, смещая фокус исследований в сторону прикладных и коммерчески перспективных областей. Глобализация и рост среднего класса в Азии, Африке, Латинской Америке создали огромный спрос на качественное (престижное) образование.

Вместе с тем важно находить правильный баланс между интересами социально-экономического развития и уровнем коммерциализации образования, так как у последнего имеются противоречия. Так, погоня образовательных учреждений за прибылью может вести к фастфуд-образованию, упрощению программ, набору избыточного числа студентов и снижению требований. При этом образование рискует стать привли-

легией для богатых, а не социальным лифтом, усиливая неравенство в сфере образования [6]. Дорогие программы и курсы углубляют разрыв; миссия университета – создание и распространение знаний – может подменяться миссией получения дохода, а зависимость от иностранных студентов (студентов, которые все более воспринимаются как клиенты, чьи требования (к качеству услуг, условиям, гибкости) вуз вынужден учитывать) меняют баланс власти в системе и делают вузы уязвимыми перед геополитикой, пандемиями, изменениями в миграционной политике.

Основой современного образования все в большей мере выступает цифровизация как глобальный общемировой тренд развития [13]. Цифровая революция позволила продавать образовательный контент с минимальными предельными издержками. Технологии (ИИ, VR/AR, адаптивные платформы) перестали быть опцией, они определяют формат и качество услуг. Рынок EdTech – один из самых быстрорастущих сегментов [7]. Облачные платформы (Google Classroom, Microsoft Teams for Education) сделали развертывание виртуального класса доступным за считанные минуты. LMS (Learning Management Systems: Moodle, Canvas, Blackboard) стали краеугольным камнем вуза, единой средой для управления курсами, контентом, оценками и коммуникацией [8]. ИИ анализирует действия ученика и подстраивает траекторию: дает более сложные задачи или возвращает к теории; персонализация в масштабе, невозможна в традиционном классе на 30 человек.

Таким образом, цифровизация в образовании – это переход от эпизодического использования компьютеров к построению целостной цифровой образовательной среды, где технологии автоматизируют процессы (администрирование, проверка заданий); трансформируют методы преподавания и обучения (интерактивность, адаптивность); создают принципиально новые продукты и рынки (виртуальные лаборатории, цифровые двойники навыков).

Цифровизация позволяет сформировать практически монолингвистическую среду на мировом рынке образования с доминированием английского языка: он остается главным языком международного образования и науки, что дает странам-носителям огромное конкурентное преимущество, но и создает новые проблемы [2]. Также она дает возможность диверсифицировать поставщиков: помимо традиционных университетов, на рынке активно действуют:

- корпоративные университеты (Google, Amazon). Такие гиганты, как Google, Amazon, Microsoft, создают свои собственные образовательные программы и сертификаты, которые напрямую конкурируют с традиционными дипломами на рынке труда, предлагая более быстрый и прикладной результат;
- онлайн-платформы (Coursera, Udemy);

– профессиональные ассоциации, выдающие сертификаты.

Еще одной заслуживающей внимания характеристикой современного мирового рынка образования стал растущий спрос на практические и гибкие навыки (soft skills). Современный быстроменяющийся рынок труда требует быстрой отдачи, поэтому растет популярность коротких прикладных программ (по data science, цифровому маркетингу), а также курсов по развитию креативности, критического мышления, эмоционального интеллекта. Стоит отметить возможность усиления сотрудничества образовательных структур, прежде всего вузов, с производственными и другими бизнес-структурами, что, как правило, повышает уровень образования [1]. Рассмотренные тенденции взаимодействуют между собой и создают как дополнительные возможности, так и риски для стран, университетов и потребителей на мировом рынке образования (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Интегральный эффект: системные вызовы и возможности

	Плюсы	Минусы	
Цифровизация	Доступность и инклюзивность	Цифровое неравенство	
	Персонализация обучения	Девальвация формата и качества	
	Интерактивность и наглядность	Цифровая усталость и ослабление неформальных связей	
	Аналитика обучения (мониторинг и контроль образовательного процесса)	Угрозы приватности и этике данных	
	Гибкость и непрерывность	Изменение роли преподавателя	
Коммерциализация (эффекты для системы образования в целом)	Приток инвестиций и ресурсов	Усиление социального и регионального неравенства	
	Повышение эффективности и инноваций	Утечка мозгов и региональные разрывы	
	Диверсификация предложения	Изменение приоритетов – извлечение прибыли и удовлетворение сиюминутного рыночного спроса	
Развитие связей с реальным сектором	Развитие связей с реальным сектором	Риск снижения требований и инфляции дипломов	
	Рост конкуренции	Стимул к инновациям и улучшению качества	Гонка за рейтингами и формальными показателями
		Появление нишевых программ, гибких траекторий, разнообразных провайдеров	Рост стоимости элитного образования
		Повышение эффективности управления	Маркетизация и клиенторизация
Демократизация элитарного образования		Расслоение внутри системы	
Глобализация	Развитие рыночной и предпринимательской культуры в вузах	Риск коммерциализации науки	
	Мобильность идей и людей	Утечка мозгов (Brain Drain), навязывание стандартов	
	Стандартизация и признание квалификаций	Унификация и потеря уникальности	
	Международное сотрудничество и исследования	Коммерциализация и стратификация	
	Повышение качества через сравнение	Культурная ассимиляция и стресс	

Вместе с тем дальнейшее развитие мирового рынка образования под влиянием развивающихся тенденций может иметь как положительный, так и отрицательный аспект.

В первом случае синергия цифровизации, глобализации и других тенденций обеспечит доступность глобального образования, расширение рынка и тиражирование лучших практик. Формирующаяся глобальная экосистема непрерывного персонализированного обучения даст возможность субъектам рынка построить уникальную траекторию, например, из курсов MIT, стажировки в Сингапуре и микродиплома от Google.

В случае отрицательного сценария возможно усиление дисбалансов, так как цифровизация может стать инструментом новой формы колонизации и усилить различные разрывы. Так, уже сегодня конкуренция вымывает из системы все нерентабельное: гуманитарные науки, фундаментальные исследования, региональные вузы. Есть опасность превращения образования в рынок элитных услуг, углубляющих социальное и глобальное неравенство. Поэтому крайне важно направить эти мощные силы на обеспечение качества, доступности и справедливости образования как общественного блага.

Заключение

Мировой рынок образования в XXI в. превратился из относительно статичной системы обмена студентами в динамичную, технологичную и высококонкурентную индустрию знаний. Его главные векторы развития сегодня – это гибридность, персонализация, непрерывность и глобальная доступность. Это создает огромные возможности и серьезные вызовы, связанные с равенством и качеством.

Коммерциализация – мощный двигатель инноваций, эффективности и доступности (в некоторых аспектах) на мировом рынке образования. Она породила гибкие форматы, новые технологии и дала выбор миллионам людей. Однако она же создала системные риски, связанные с утерей образованием своей общественной и гуманистической миссии, превращением его в очередной рыночный продукт. Соблюдение баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью – главный вызов для образовательных систем в XXI в.

Цифровизация – это не технический апгрейд, а культурная и экономическая революция в образовании. Она ломает монополию традиционных институтов, ставит в центр студента с его индивидуальной траекторией и создает рынок, измеряемый данными. Однако ее главный парадокс в том, что технологии, призванные демократизировать знание, могут как уравнивать возможности, так и колоссально усилить расслоение, в зависимости от того, как мы решим вопросы доступа, этики и человекоцентричности в этой новой цифровой среде.

Список литературы

1. Аввакумова И. В., Прусакова Д. А., Сидорова Е. Е., Циликowa М. С. Экономические аспекты корпоративной интеграции подразделений высшего учебного заведения в целях повышения качества образовательного процесса // Экономические науки. – 2018. – № 167. – С. 75–79. – DOI: 10.14451/1.167.75
2. Аввакумова И. В., Циликowa М. С. Обучение на английском языке. За и против // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков : сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. Н. В. Бутылов. – Саранск, 2018. – С. 42–46.
3. Агибалова Е. Л., Каржанова Н. В., Забазнова Н. М., Мурадова И. Ю. Ключевые перспективы повышения качества высшего экономического образования в Российской Федерации // Экономические науки. – 2023. – № 222. – С. 74–77. – DOI: 10.14451/1.222.74
4. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. Особенности развития системы высшего образования Королевства Бахрейн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2016. – № 3. – С. 68–80.
5. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л., Караваева Е. В. Совместные образовательные программы вузов: состояние, проблемы, перспективы. – М. : КДУ, 2011.
6. Асмятуллин Р. Р. Индонезия на мировом рынке образовательных услуг // Россия и Азия. – 2022. – № 1 (19). – С. 48–55.
7. Асмятуллин Р. Р. Особенности цифровизации образования в Узбекистане // Россия и Азия. – 2022. – № 3 (21). – С. 41–53.
8. Долгова Е. Г., Аввакумова И. В., Копылова Е. В., Улиско К. А. Проблема диджитализации высшего образования в Российской Федерации в условиях социально-экономической нестабильности // Экономические науки. – 2023. – № 221. – С. 64–67. – DOI: 10.14451/1.221.64
9. Зотова А. С., Ашмарина С. И. Глобальные тенденции электронного обучения в российской системе высшего образования // Россия и Азия. – 2019. – № 2 (7). – С. 46–53.
10. Кузнецова Е. И., Эриашвили Н. Д. Противодействие санкционным угрозам экономической безопасности России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2023. – № 1. – С. 211–214.
11. Николаева Е. А., Соколова Е. И., Тарарина Л. И., Марциновская В. А. О подходах к анализу рисков системы высшего профессионального образования Российской Федерации в проекции ее экономической безопасности // Экономические науки. – 2019. – № 181. – С. 296–299.

12. Николаева Е. А. Особенности использования VR-технологий в обучении иностранным языкам // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков : сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции. – Саранск, 2021. – С. 123–125.

13. Новые тренды цифровизации: Россия и мир. – М. : Инфра-М, 2023.

14. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Влияние образовательной миграции на экономическое развитие Российской Федерации // Ректор вуза. – 2015. – № 5. – С. 38–43.

15. Соколова О. Ю., Дюльманова Т. М., Силантьева Н. С. Проблемы интеграции России в мировой рынок образовательных услуг в условиях вступления в ВТО // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 5 (49). – С. 50–54.

16. Schults T. W. Investing in People: The Economics of Population Quality. University of California Press, 1981.

17. Reimers-Hild C. I. Future-Focused Leadership: Three Mega-Trends Influencing Distance Learning. – Kimmel Education and Research Center – Faculty & Staff Publications. – 2014. – Paper 24.

References

1. Avvakumova I. V., Prusakova D. A., Sidorova E. E., Tsilikova M. S. Ekonomicheskie aspekty korporativnoy integratsii podrazdeleniy vysshego uchebnogo zavedeniya v tselyakh povыsheniya kachestva obrazovatel'nogo protsessa [Economic Aspects of Corporate Integration of Higher Education Institutions in Order to Improve the Quality of the Educational Process]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2018, No. 167, pp. 75–79. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.167.75

2. Avvakumova I. V., Tsilikova M. S. Obuchenie na angliyskom yazyke. Za i protiv [Teaching in English. Pros and Cons]. *Aktualnye problemy obshchey teorii yazyka, perevoda, mezhkulturnoy kommunikatsii i metodiki преподаvaniya inostrannykh yazykov: sbornik statey po materialam mezhouzovskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current Problems of the General Theory of Language, Translation, Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages: Collection of Articles Based on the Materials of the Interuniversity Student Scientific and Practical Conference], edited by N. V. Butylov. Saransk, 2018, pp. 42–46. (In Russ.).

3. Agibalova E. L., Karzhanova N. V., Zabaznova N. M., Muradova I. Yu. Klyuchevye perspektivy povыsheniya kachestva vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy federatsii [Key Prospects for Improving the Quality of Higher Economic Education in the Russian Federation].

Ekonomicheskie nauki [Economic Sciences], 2023, No. 222, pp. 74–77. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.222.74

4. Aydrus I. A. Z., Asmyatullin R. R. Osobennosti razvitiya sistemy vysshogo obrazovaniya Korolevstva Bakhreyn [Features of the Development of the Higher Education System of the Kingdom of Bahrain] *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2016, No. 3, pp. 68–80. (In Russ.).

5. Artamonova Yu. D., Demchuk A. L., Karavaeva E. V. Sovmestnye obrazovatelnye programmy vuzov: sostoyanie, problemy, perspektivy [Joint Educational Programs of Universities: Status, Problems, Prospects]. Moscow, KDU, 2011. (In Russ.).

6. Asmyatullin R. R. Indoneziya na mirovom rynke obrazovatelnykh uslug [Russian Universities in the Global Market of Educational Services: Tactics and Strategy]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 1 (19), pp. 48–55. (In Russ.).

7. Asmyatullin R. R. Osobennosti tsifrovizatsii obrazovaniya v Uzbekistane [Features of Digitalization of Education in Uzbekistan]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 3 (21), pp. 41–53. (In Russ.).

8. Dolgova E. G., Avvakumova I. V., Kopylova E. V., Ulisko K. A. Problema didzhitalizatsii vysshego obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sotsialno-ekonomicheskoy nestabilnosti [The Problem of Digitalization of Higher Education in the Russian Federation in Conditions of Socio-Economic Instability]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2023, No. 221, pp. 64–67. (In Russ.). DOI: 10.14451/1.221.64

9. Zotova A. S., Ashmarina S. I. Globalnye tendentsii elektronnoho obucheniya v rossiyskoy sisteme vysshego obrazovaniya [Global E-Learning Trends in the Russian Higher Education System]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2019, No. 2 (7), pp. 46–53. (In Russ.).

10. Kuznetsova E. I., Eriashvili N. D. Protivodeystvie sanktsionnym ugrozam ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Countering Sanctions Threats to Russia's Economic Security]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. Science. Scientific Staff], 2023, No. 1, pp. 211–214. (In Russ.).

11. Nikolaeva E. A., Sokolova E. I., Tararina L. I., Martsinovskaya V. A. O podkhodakh k analizu riskov sistemy vysshego professionalnogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii v proektsii ee ekonomicheskoy bezopasnosti [On Approaches to Risk Analysis of the of the Russian Federation in the Projection of Its Economic Security]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2019, No. 181, pp. 296–299. (In Russ.).

12. Nikolaeva E. A. Osobennosti ispolzovaniya VR-tekhnologiy v obuchenii inostrannym yazykam [Features of Using VR Technologies in Teaching Foreign Languages] *Aktualnye problemy obshchey teorii yazyka*,

perevoda, mezhkulturnoy kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sbornik statey po materialam mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Problems of the General Theory of Language, Translation, Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages: Collection of Articles Based on the Materials of The Interregional Scientific and Practical Conference]. Saransk, 2021, pp. 123–125. (In Russ.).

13. Novye trendy tsifrovizatsii: Rossiya i mir [New Trends in Digitalization: Russia and the World]. Moscow, Infra-M, 2023. (In Russ.).

14. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Vliyaniye obrazovatelnoy migratsii na ekonomicheskoe razvitiye Rossiyskoy Federatsii [The Impact of Educational Migration on the Economic Development of the Russian Federation]. *Rektor vuza* [Rector of the University], 2015, No. 5, pp. 38–43. (In Russ.).

15. Sokolova O. Yu., Dyulmanova T. M., Silanteva N. S. Problemy integratsii Rossii v mirovoy rynek obrazovatelnykh uslug v usloviyakh vstupleniya v VTO [Problems of Russia's Integration into the World Market of Educational Services in the Context of WTO Accession]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], 2013, No. 5 (49), pp. 50–54. (In Russ.).

16. Schults T. W. Investing in People: The Economics of Population Quality. University of California Press, 1981.

17. Reimers-Hild C. I. Future-Focused Leadership: Three Mega-Trends Influencing Distance Learning. – Kimmel Education and Research Center – Faculty & Staff Publications, 2014, Paper 24.

Поступила: 12.10.2025

Принята к печати: 09.02.2026

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Аввакумова
старший преподаватель кафедры
иностранных языков № 1
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Avvakumova.IV@rea.ru

Наталья Викторовна Каржанова
кандидат филол. наук, доцент кафедры
иностранных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

Information about the authors

Irina V. Avvakumova
Senior Lecture
of the Department of Foreign
languages № 1 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics, 36 Stremyanny
Lane, Moscow, 109992,
Russian Federation.
E-mail: Avvakumova.IV@rea.ru

Natalia V. Karzhanova
PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign
languages N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Karzhanova.NV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-154-166>

**ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И СОВРЕМЕННОЙ
ПРАКТИКИ**

В. Н. Кириллов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Региональная экономическая интеграция обладает все возрастающей притягательностью в современных условиях роста регионализации и фрагментации мировой экономики и международных экономических отношений и реформирования ряда региональных интеграционных объединений. Разнородность подходов (в теории и на практике) к определению целей и задач этих объединений актуализирует их понимание и систематизацию. Цель статьи – исследовать трансформацию основ международной экономической интеграции в части современных целей и задач ее формирования/реформирования. Отмечается, что формирование региональных торговых соглашений меняет соотношение между глобальным и региональным уровнем международной торговли и ее институциональную систему. Автор приходит к выводу о том, что современные цели интеграции эволюционировали от узкоэкономических (создать общий рынок для роста торговли в объединении) к социально-ориентированным (создать справедливое, сплоченное и устойчивое пространство для повышения качества жизни всех граждан). Без решения социальных задач экономические успехи интеграции приведут к политической дестабилизации. Ключевые слова: регионализация, международная торговля, цели интеграции, задачи интеграции, трансформация основ интеграции.

**GOALS AND OBJECTIVES
OF INTERNATIONAL ECONOMIC
INTEGRATION: ISSUES OF THEORY
AND MODERN PRACTICE**

Viktor N. Kirillov

State University of Management, Moscow, Russia

Regional economic integration has an increasing appeal in modern conditions of increasing regionalization and fragmentation of the global economy and international economic relations and the reform of a number of regional integration associations. The diversity of approaches – in theory and in practice – to defining the goals and objectives of these associations actualizes their understanding and systematization. The purpose of the article is to explore the transformation of the fundamental foundations of international economic integration in terms of modern goals and objectives of its formation/reform. It is noted that the formation of regional trade agreements is changing the relationship between the global and regional levels of international trade and its institutional system. The author comes to the conclusion that modern integration

goals have evolved from narrow economic ones. (to create a common market for the growth of trade in the association) to socially oriented (to create a fair, cohesive and sustainable space to improve the quality of life of all citizens). Without solving social problems, economic integration successes lead to political destabilization.

Keywords: regionalization, international trade, integration goals, integration objectives, transformation of the foundations of integration.

Введение

Регionalная экономическая интеграция в силу роста общемировой дестабилизации и разбалансированности вызывает все больший интерес у многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных, анализирующих различные аспекты этого процесса [2; 3; 7]. Анализ имеющейся научной литературы показывает не только растущий интерес к интеграционным процессам, но и попытки переосмысления их трактовки, исследования циклов [4], а также оценки и нового понимания интеграционных процессов, в том числе в историческом ракурсе [20].

Исследование региональной экономической интеграции представляется крайне важным и актуальным в настоящее время в связи с изменившимися геополитическими реалиями и общемировой тенденцией к фрагментации [13].

Современные вызовы – пандемия, геополитика, цифровизация – действительно меняют ландшафт. Стоит выделить ключевые драйверы переосмотра: переход от чисто экономических целей к устойчивому развитию, технологический фактор, возросшую роль негосударственных акторов. В этой связи исследователи отмечают, что произошло изменение самой модели международной (региональной) экономической интеграции в результате кардинальной трансформации глобального контекста [16].

Все вышеизложенное актуализирует исследования процессов международной (региональной) экономической интеграции (МЭИ) включая цели и задачи как ее основу.

Результаты исследования

Мировая экономика претерпела значительные изменения в последние десятилетия, в частности, изменения процессов, которые традиционно называются интеграционными. Их внешним проявлением стало заключение региональных торговых соглашений (РТС), которые не противоречат правилам ВТО (ст. XXIV ГАТТ о территориальном применении соглашения, приграничной торговле, таможенных союзах и зонах свободной торговли).

Поскольку о таких соглашениях члены ВТО должны уведомлять другие стороны, то ВТО обладает информацией о заключенных РТС и ведет их учет. На 2026 г. ВТО указывает на 381 действующее РТС и

629 уведомлений¹. Такое огромное число РТС меняет институциональную систему международной торговли, соотношение между глобальным уровнем регулирования в виде ВТО и региональным уровнем в виде тех или иных межгосударственных соглашений о либерализации торгового режима². Поэтому РТС заслуживают самого пристального внимания во всех своих аспектах.

В статье рассматриваются цели и задачи международной экономической интеграции.

Существует огромное количество определений понятия «международная экономическая интеграция». Но мы остановимся на достаточно простом, но выделяющем главные отличия этого процесса. Международная экономическая интеграция – это процесс сближения, взаимной адаптации и даже сращивания национальных экономик стран-участниц на основе согласованной межгосударственной политики. Одним из недостатков, которым страдает данное определение, является отсутствие указания на то, зачем это нужно.

Ю. И. Стародубцев отмечает, что поскольку интеграция представляет собой совместное строительство новых общественных отношений государствами – участниками объединения, в этом строительстве особенно важно каждому следовать заранее заданному и четко выверенному плану. Таким стратегическим планом, как правило, является цель, обычно фиксируемая в учредительном договоре³.

В этой связи уместно привести определение исследуемой категории, данное В. Л. Хейфицем, в котором он отмечает, что экономической интеграцией (ЭИ) принято называть межгосударственное объединение двух и более стран на основе договора о создании совместного хозяйственного комплекса для получения взаимной выгоды⁴. Это определение интересно тем, что в нем указывается на цель межгосударственного объединения – взаимную выгоду. В названном труде В. Л. Хейфица после указания на формы интеграции дается обоснование, бесспорно отличающееся своей идеей от имеющихся аналогов тем, что любая из названных форм интеграции может оказаться как конечной целью государств, участвующих в группировке, так и всего лишь промежуточным этапом в процессе продвижения к более сложной форме интеграции⁵. Это дает нам понимание, что сам по себе вопрос цели не является таким уж простым.

¹ URL: <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx>

² См.: Международная торговля : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮРАЙТ, 2019.

³ См.: Стародубцев Ю. И. Интеграционное право : учебное пособие : в 2 т. – Т. 1. / под общ. ред. А. Е. Шиловой. – СПб. : Университет при МПА ЕврАзЭС, 2021.

⁴ См.: Хейфец В. Л. Международная интеграция : учебное пособие. – СПб. : ГУАП, 2022.

⁵ Там же.

Видно, что обычно целями интеграции (во множественном числе) указываются (как, например, в статье 4 «Основные цели Союза» в «Договоре о Евразийском экономическом союзе») создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики¹.

Интересно посмотреть, каковы цели интеграции в Северной Америке. Целями Соглашения о свободной торговле между Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой (ЮСМКА) обычно указываются следующие: стимулировать экономический рост, повысить уровень жизни работников и укрепить стратегические сектора, такие как сельское хозяйство и производство в Северной Америке [10]. А поскольку ЮСМКА – это обновленный вариант старого соглашения – Соглашения о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой (НАФТА), то важно посмотреть, какие цели были ранее прописаны НАФТА и сравнить их (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Сравнение целей НАФТА и ЮСМКА с целями ЕС

Год	Название	Цели
1994 (устарело)	НАФТА (заменен на ЮСМКА) – Североамериканская зона свободной торговли	Исторические цели: 1. Ликвидация барьеров в торговле и инвестициях между США, Канадой и Мексикой. 2. Создание расширенного и безопасного рынка для товаров и услуг. 3. Повышение конкурентоспособности североамериканских компаний на мировом рынке
2020 (заменило НАФТА)	ЮСМКА – Соглашение между США, Мексикой и Канадой	1. Модернизация соглашения НАФТА с учетом цифровой экономики. 2. Поддержка высокооплачиваемых рабочих мест и инноваций. 3. Ужесточение правил происхождения товаров (особенно в автопроме). 4. Включение новых глав: цифровая торговля, малый бизнес, борьба с коррупцией. 5. Защита окружающей среды и трудовых прав
1993 (как ЕС)	ЕС	1. Создание Экономического и валютного союза с единой валютой (евро). 2. Функционирование единого внутреннего рынка («четыре свободы»). 3. Согласование общей торговой, аграрной, транспортной политики. 4. Содействие сбалансированному экономическому прогрессу и социальной сплоченности (политическая интеграция). 5. Гармонизация законодательства

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024).

Очевидно, что цели НАФТА имели исключительно торговый характер и касались различных аспектов рыночно-конкурентных отношений между субъектами хозяйствования в рамках регионального интеграционного объединения. Однако стоит отметить, что реформированное объединение лишь немного изменило рыночную направленность своей деятельности. В этом смысле у ЕС гораздо более широкие и социализированные цели интеграции (табл. 1), что отличается от блоков развивающихся стран (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Сравнение целей региональной экономической интеграции*

Региональный блок (аббревиатура)	Полное название/ регион	Год основания	Ключевые цели экономической интеграции
1	2	3	4
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии	1967	1. Создание единого рынка и производственной базы (свободное движение товаров, услуг, капиталов и квалифицированной рабочей силы). 2. Повышение конкурентоспособности региона в глобальной экономике. 3. Сокращение бедности и социально-экономического неравенства. 4. Интеграция в мировую экономику при соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела
ЭКОВАС	Экономическое сообщество стран Западной Африки	1975	1. Создание экономического и валютного союза. 2. Формирование общего рынка и таможенного союза. 3. Согласование политик в области сельского хозяйства, промышленности, транспорта. 4. Содействие миру и безопасности как основы развития. 5. Введение единой валюты (Эко - план отложен)
ССАПЗ	Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива	1981	1. Создание общего рынка (свободное движение товаров, капиталов, граждан). 2. Согласование экономической, финансовой и торговой политики. 3. Развитие совместных проектов в промышленности, транспорте, энергетике. 4. Постепенное движение к валютному союзу (пока не реализовано).

* Составлено по: [6; 11; 12; 14; 21]; Бяшарова А. Р., Ачалова Л. В. Экономическая интеграция в мировом хозяйстве : учебное пособие. – М., 2011; Григорян К. Г., Кириллов В. Н. Международная экономическая интеграция : учебное пособие. – М. : ГУУ, 2015; Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024).

Окончание табл. 2

1	2	3	4
СААРК	Южноазиатская ассоциация регионального сотрудничества	1985	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ускорение экономического роста и социального прогресса. 2. Укрепление коллективной самообеспеченности. 3. Развитие взаимовыгодного сотрудничества в экономической, социальной и культурной сферах. 4. Создание Южноазиатской зоны свободной торговли (SAFTA). Примечание: интеграция затруднена из-за политических противоречий между странами-членами
МЕРКОСУР	Общий рынок Южного конуса	1991	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание таможенного союза: свободное движение товаров, услуг, факторов производства + единый внешний тариф. 2. Проведение согласованной макроэкономической и отраслевой политики. 3. Координация позиций в региональных и международных экономических форумах. 4. Стимулирование экономического развития и социальной справедливости
ЕАЭС	Евразийский экономический союз	2015	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. 2. Проведение скоординированной, согласованной или единой политики в ключевых отраслях (транспорт, энергетика, сельское хозяйство). 3. Создание единого рынка цифровых услуг. 4. Реализация согласованной макроэкономической политики. 5. Всесторонняя модернизация и повышение конкурентоспособности экономик

Изучив большое количество работ по международной экономической интеграции, можно сделать обобщающий вывод, что цели, которые, как правило, прописаны в уставных документах объединений, можно разделить на 3 блока (табл. 1 и 2): первый – торговые, или условно внутренние (условно, потому что формирование единого таможенного тарифа, инвестиционных и других правил блока обеспечивает внешнее экономическое взаимодействие стран блока с внеблоковыми участниками), вытекающие из классических теорий международной региональной экономической интеграции, изложенных, например, у Дж. Вайнера [24]. Они традиционно признаются в качестве основных целей многими современными исследователями – отечественными [8; 9], белорусскими [7] и иностранными [23], в том числе из развивающихся стран. На наш взгляд, большинство прописанных в уставных документах экономических целей интеграционного сотрудничества скорее можно рассматривать как зада-

чи, достижение которых ставит (и создает) новые потребности и возможности их достижения.

Второй блок целей международной экономической интеграции – политический (координация позиций в региональных и международных экономических форумах), т. е. условно внешний. Он сохраняет важное значение как направление современного внутриблокового взаимодействия, но во многом приобретает форму взаимодействия интеграционного блока как анклава глобальности [15], исключая в значительной степени конкурентные столкновения членов блока на внешнем (с третьими силами) периметре международных экономических отношений. Примеры традиционных отношений в блоке, как показал опыт, только подтверждают это правило [22].

В то же время современный международный опыт указывает, что сегодня все более привлекательными становятся социальные цели, такие как улучшение качества и уровня жизни граждан, в том числе за счет совместной деятельности стран – участниц интеграционного процесса в сфере экологии, декарбонизации, возобновляемой энергетики, поддержания местных сообществ. И хотя эти цели редко становятся официально установленными в уставных документах интеграционных объединений, по факту именно они, а не только торговые цели и задачи, становятся основополагающими для интеграционного менеджмента. Поэтому в качестве третьего блока целей международной экономической интеграции следует выделить социальный блок, который может включать в себя все вышеназванные, а также некоторые другие цели, например, достижение общих показателей в сфере образования и здравоохранения, цифровизации, развития туризма и т. д. То есть то, что в ранее рассмотренных исследованиях указывалось как цели, по мнению некоторых авторов, является задачами, которые нужны для достижения универсальной цели, а именно увеличения экономического благосостояния стран-участниц [5].

Ключевые выводы, которые можно сформулировать исходя из анализа табл. 1 и 2, следующие:

1. Глубина интеграции варьируется от зон свободной торговли (НАФТА) до экономических и валютных союзов (ЕС).
2. Цели выходят за рамки экономики: многие блоки (АСЕАН, ЭКОВАС, ЕС) ставят цели в сферах безопасности, социальной политики и защиты прав.
3. Политический контекст: успех интеграции во многом зависит от политической воли и отношений между ключевыми странами-членами (сравнить ЕС и СААРК).
4. Эволюция: блоки развиваются и меняют приоритеты (пример модернизации НАФТА в ЮСМКА).

Подчеркнем, что это все это важно, если рассматривать интеграцию с точки зрения влияния на благосостояние, поскольку именно благосостояние является целью интеграции, как мы и говорили ранее, а не другие цели, например, политические. То есть то, что ранее в исследованиях указывалось как цели, по мнению некоторых авторов является задачами, которые нужны для достижения универсальной цели, а именно увеличения экономического благосостояния стран-участниц¹.

Собственно, государство также все больше выступает как социальное [1]. Как показывает современный интеграционный опыт, международная экономическая интеграция сегодня включает не просто взаимную торговлю, а предполагает безопасность цепочек поставок, климатические обязательства и инклюзивность [21].

Целью экономической интеграции признается не просто производство ВВП, а индекс человеческого развития (ИЧР) и качество жизни. Интеграция должна этому способствовать. Важно подчеркнуть два ключевых сдвига: интеграция стала инструментом решения социальных проблем, а не только их следствием; теперь это вопрос легитимности – без социальной поддержки проекты интеграции рушатся.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цели международной (региональной) экономической интеграции в современных условиях смещаются по ряду векторов:

- от максимизации торговых потоков к построению устойчивых и безопасных производственных сетей;
- от унификации правил к стратегической конвергенции в ключевых областях (цифра, экология, технологии);
- от чисто экономического проекта к проекту комплексной безопасности (экономической, технологической, энергетической, продовольственной);
- от интеграции ради интеграции к интеграции как инструменту решения глобальных проблем, имеющих растущее социальное значение (климат, пандемии, неравенство).

Таким образом, переосмысление сущности, целей и задач международной экономической интеграции – это вопрос выживания и релевантности самих интеграционных проектов. Те, кто сможет адаптировать свои цели к новой реальности, обретут устойчивость и конкурентное преимущество. Те, кто останутся в парадигме прошлого, рискуют стать неэффективными или распасться под давлением новых вызовов.

¹ См.: Григорян К. Г., Кириллов В. Н. Международная экономическая интеграция : учебное пособие. - М.: ГУУ, 2015.

Как отмечалось ранее, современные цели интеграции эволюционировали от узкоэкономических к социально ориентированным. Без решения социальных задач экономические успехи интеграции приведут к политической дестабилизации.

Список литературы

1. Андреева Е. Л., Захарова В. В., Ратнер А. В. Эволюция социального государства: теория и практика вопроса // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 66–73.
2. Буторина О. В. Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 10. – С. 5–14. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
3. Буторина О. В., Борко А. Ю. Преимущества региональной интеграции: переосмысление концепции // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Вып. 92. – № 2. – С. 105–112. – DOI: 10.1134/S1019331622080020
4. Буторина О. В. Европейский союз и длительные циклы экономической интеграции // Международные процессы. – 2024. – Т. 22. – № 3. – DOI: 10.46272/IT.2024.22.3.78.1
5. Григорян К. Г. Комплексный подход к оценке состояния и перспектив развития региональных интеграционных объединений: на примере ассоциации стран Юго-Восточной Азии : дисс. ... канд. экон. наук. – М, 2012.
6. Зеркот А. А. Глобальная тенденция к регионализации и интеграционные процессы в странах Аравийского полуострова // Россия и Азия. – 2024. – № 1 (27). – С. 93–105.
7. Коробейникова С. Г. Международная экономическая интеграция: сущность и эволюция понятия // Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 1. – С. 70–74.
8. Костюнина Г. М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 303–317. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
9. Кудряшов В. С. Международная экономическая интеграция: теоретические аспекты и мировая практика // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. – 2019. – № 14. – С. 78–89.
10. Меланьина М. В., Савинский А. В., Кузьмин Д. В. НАФТА: макроэкономическая динамика, роль в мире и необходимость модернизации интеграционных процессов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3-1 (80). – С. 86–91.

11. Меланьина М. В., Вереникина А. Ю. Взаимная торговля стран АСЕАН в контексте региональной экономической интеграции: эмпирический анализ // Россия и Азия. – 2024. – № 2 (28). – С. 53–70.
12. Мисько О. Н. Международная экономическая интеграция. – СПб. : Университет ИТМО, 2015.
13. Позиционирование региона в системе новых форматов международной экономической интеграции : коллективная монография. – Екатеринбург, 2016.
14. Русакович В. И. Экономическая интеграция стран ССАГПЗ и влияние внешнего фактора // Россия и Азия. – 2017. – № 1. – С. 50–59.
15. Фролова Е. Д., Кожевников К. И. Пул арабских стран Западной Азии как «анклав глобальности» // Россия и Азия. – 2021. – № 4 (18). – С. 35–44.
16. Хейфец Б. А. Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 35–52.
17. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Протекционистский вектор промышленной политики в условиях меняющегося миропорядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18. – № 2. С. 6–23.
18. Хейфец Б. А. Новая модель международной экономической интеграции. Сер. Научные доклады ИЭ РАН. – М., 2023.
19. Хейфец Б. Глобальные партнерства и трансрегионализация «Большой Евразии» // Постсоветский материк. 2018. № 3 (19). С. 47–56.
20. Шкваря Л. В. Совет Экономической Взаимопомощи: уроки для современности? // Россия и Азия. – 2023. – № 1 (23). – С. 67–78.
21. Шкваря Л. В. Теория международной экономической интеграции и современная практика стран с развивающимися рынками // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 89–94.
22. Шкваря Л. В. Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 163–182. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182
23. *Nguyen My Linh Pham, Thi Thu Huong Nguyen.* The Supply Chain and Logistics of Vietnam in the Context of International Economic Integration // International Business Research. – 2020. – N 13 (7). – P. 27–27. – DOI: 10.5539/ibr.v13n7p27
24. *Viner J.* The Customs Union Issue. Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law. Studies in the administration of international Law and Organization. – New York, 1950.

References

1. Andreeva E. L., Zakharova V. V., Ratner A. V. Evolyutsiya sotsialnogo gosudarstva: teoriya i praktika voprosa [The Evolution of the Welfare State: Theory and Practice of the Issue] *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2014, No. 3, pp. 66–73. (In Russ.).
2. Butorina O. V. Tseli regionalnoy integratsii: sovremennoe ponimanie [The Goals of Regional Integration: a Modern Understanding]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2021, Vol. 65, No. 10, pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
3. Butorina O. V., Borko A. Yu. Preimushchestva regionalnoy integratsii: pereosmyslenie kontseptsii [Advantages of Regional Integration: Rethinking the Concept]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2022, Issue 92, No. 2, pp. 105–112. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1019331622080020
4. Butorina O. V. Evropeyskiy soyuz i dlitelnye tsikly ekonomicheskoy integratsii [The European Union and Long Cycles of Economic Integration]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], 2024, Vol. 22, No. 3. (In Russ.). DOI: 10.46272/IT.2024.22.3.78.1
5. Grigoryan K. G. Kompleksnyy podkhod k otsenke sostoyaniya i perspektiv razvitiya regionalnykh integratsionnykh obedineniy: na primere assotsiatsii stran Yugo-Vostochnoy Azii. Diss. kand. ekon. nauk [An Integrated Approach to Assessing the State and Prospects of Development of Regional Integration Associations: on the Example of the Association of Southeast Asian Countries. PhD, sci. diss.]. Moscow, 2012. (In Russ.).
6. Zerkot A. A. Globalnaya tendentsiya k regionalizatsii i integratsionnye protsessy v stranakh Araviyskogo poluostrova // *Rossiya i Aziya*. – 2024. – № 1 (27). – S. 93–105. (In Russ.).
7. Korobeynikova S. G. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya: sushchnost i evolyutsiya ponyatiya [International Economic Integration: the Essence and Evolution of the Concept]. *Vesnik BDU. Seriya 3, Gistoryya. Filasofiya. Psikhologiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Prava* [Vesnik database. Gray 3, Historic. Filasofiya. Psychology. Palitalogia. Social Studies. Ekanomika. Rights], 2008, No. 1, pp. 70–74. (In Russ.).
8. Kostyunina G. M. Regionalizm v sovremennoy mirovoy ekonomike: evolyutsiya i osnovnye tendentsii [Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends] *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2020, Vol. 20, No. 2, pp. 303–317. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

9. Kudryashov V. S. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya: teoreticheskie aspekty i mirovaya praktika [International Economic Integration: Theoretical Aspects and World Practice]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* [Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU], 2019, No. 14, pp. 78–89. (In Russ.).

10. Melanina M. V., Savinskiy A. V., Kuzmin D. V. NAFTA: makroekonomicheskaya dinamika, rol v mire i neobkhodimost modernizatsii integratsionnykh protsessov [NAFTA: Macroeconomic Dynamics, Role in the World and the Need to Modernize Integration Processes], *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2017, No. 3-1 (80), pp. 86–91. (In Russ.).

11. Melanina M. V., Verenikina A. Yu. Vzaimnaya trgovlya stran ASEAN v kontekste regionalnoy ekonomicheskoy integratsii: empiricheskiy analiz [Mutual Trade of the ASEAN Countries in the Context of Regional Economic Integration: an Empirical Analysis]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2 (28), pp. 53–70. (In Russ.).

12. Misko O. N. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya [International Economic Integration]. Saint Petersburg, Universitet ITMO, 2015. (In Russ.).

13. Pozitsionirovanie regiona v sisteme novykh formatov mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [Positioning of the Region in the System of New Formats of International Economic Integration], kollektivnaya monografiya. Ekaterinburg, 2016. (In Russ.).

14. Rusakovich V. I. Ekonomicheskaya integratsiya stran SSAGPZ i vliyanie vneshnego faktora [Economic Integration of the GCC Countries and the Influence of an External Factor], *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2017, No. 1, pp. 50–59. (In Russ.).

15. Frolova E. D., Kozhevnikov K. I. Pul arabskikh stran Zapadnoy Azii kak «anklav globalnosti» [The Pool of Arab Countries of Western Asia as an "Enclave of Globality"]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2021, No. 4 (18), pp. 35–44. (In Russ.).

16. Kheyfets B. A. Nakopitelnaya model mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [Cumulative Model of International Economic Integration], *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 35–52. (In Russ.).

17. Kheyfets B. A., Chernova V. Yu. Protektsionistskiy vektor promyshlennoy politiki v usloviyakh menyayushchegosya miroporyadka [The Protectionist Vector of Industrial Policy in the Conditions of the Emerging World Order]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2025, Vol. 18, No. 2, pp 6–23. (In Russ.).

18. Kheyfets B. A. Novaya model mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii. Ser. Nauchnye doklady IE RAN. [A New Model of International Economic Integration. Ser. Scientific Reports of IE RAS]. Moscow, 2023. (In Russ.).

19. Kheyfets B. Globalnye partnerstva i transregionalizatsiya «Bolshoy Evrazii» [Global Partnerships and Transregionalization of "Greater Eurasia"]. Postsovetkiy materik [Post-Soviet Continent], 2018, No. 3 (19), pp. 47–56. (In Russ.).

20. Shkvarya L. V. Sovet Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: uroki dlya sovremennosti? [Council of Mutual Economic Assistance: Lessons for Modernity?] *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2023, No. 1 (23), pp. 67–78. (In Russ.).

21. Shkvarya L. V. Teoriya mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii i sovremennaya praktika stran s razvivayushchimisya rynkami [Theory of International Economic Integration and Modern Practice of Countries with Emerging Markets], *Rossiya i Aziya*, 2023, No. 3 (25), pp. 89–94. (In Russ.).

22. Shkvarya L. V. Integratsiya i diplomaticheskiy krizis: sovremennye realii SSAGPZ [Integration and the Diplomatic Crisis: Modern Realities of the GCC]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2020, Vol. 13, No. 2, pp. 163–182. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

23. Nguyen My Linh Pham, Thi Thu Huong Nguyen. The Supply Chain and Logistics of Vietnam in the Context of International Economic Integration. *International Business Research*, 2020, No. 13 (7), pp. 27–27. DOI: 10.5539/ibr.v13n7p27

24. Viner J. The Customs Union Issue. Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law. Studies in the administration of international Law and Organization. New York, 1950.

Поступила: 15.11.2025

Принята к печати: 06.02.2026

Сведения об авторе

Виктор Николаевич Кириллов

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики
и международных экономических
отношений ГУУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542, Москва,
Рязанский проспект, д. 99.

E-mail: kirillov44@yandex.ru

Information about the author

Viktor N. Kirillov

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of World
Economy and International Economic
Relations of of SUM.

Address: State University of Management,
99 Ryazan Avenue, Moscow, 109542,
Russian Federation.

E-mail: kirillov44@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-167-182>

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЕКТОРА ИННОВАЦИОННО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ю. В. Соловьёва

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

В статье проводится исследование инновационно-технологических систем с учетом их региональной специфики. В результате анализа динамики инновационного развития ведущих экономик выявляется региональная смена мировых технологических лидеров (азиатский макрорегион занимает преобладающие позиции), произошедшая за последние десятилетия. В каждом из выделенных регионов определяется ведущий актер, на развитие инновационной системы которого значительное влияние оказывают региональные особенности, механизмы формирования и эволюция национальных инновационных систем. В качестве основных методологических инструментов исследования были применены системный подход, сравнительный и статистический анализ данных, характеризующие уровень инновационного и технологического развития государств. Делается вывод о том, что технологические лидеры азиатского макрорегиона активно ищут пути повышения эффективности инновационной деятельности, оптимизации процессов трансфера технологий и формирования организационных структур, направленных на получение эффективных результатов научных исследований и разработок и их внедрение.

Ключевые слова: азиатский макрорегион, национальные инновационные системы, технологический лидер.

GLOBAL TRANSFORMATION OF THE REGIONAL VECTOR OF INNOVATION AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Yuliana V. Solovieva

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

The article conducts research of innovative and technological systems, taking into account their regional specifics. As a result of the analysis of the dynamics of innovative development of leading economies, a regional change of world technological leaders is revealed (the Asian macroregion occupies the prevailing positions) that has occurred over the past decades. In each of the identified regions, a leading actor is determined, the development of the innovation system of which is significantly influenced by regional characteristics, mechanisms for the formation and evolution of national innovation systems. As the main methodological tools of the study, a systematic approach, comparative and

statistical analysis of data characterizing the level of innovation and technological development of states were applied. It is concluded that the technological leaders of the Asian macroregion are actively looking for ways to increase the efficiency of innovation, optimize technology transfer processes and form organizational structures aimed at obtaining effective research and development results and their implementation.

Keywords: Asian macroregion, national innovation systems, technology leader.

Экономическое развитие любого государства обусловлено совокупностью факторов, влияющих на увеличение производственных объемов и общий экономический рост. С эволюцией экономических систем данный перечень факторов подвергается корректировке, их значимость переосмысливается и оценивается. Для большинства технологических лидеров первостепенное значение приобретает развитие инновационной сферы, экономики знаний и трансферта технологий. В условиях современных социально-экономических трансформаций уровень развития национальной инновационной системы становится ключевым фактором мирового экономического превосходства страны, а «эффективность инноваций является важным критерием повышения международной конкурентоспособности» [2. – С. 237].

Пятнадцать лет назад в первые 20 стран – технологических лидеров входили преимущественно страны Европы и Северной Америки. Страны Азии были представлены только Гонконгом, Японией и Израилем. За прошедшее время наблюдаются как количественные, так и качественные изменения. Страны азиатского макрорегиона заметно потеснили представителей Европы и Северной Америки (табл. 1; 3).

Т а б л и ц а 1
Глобальный инновационный индекс стран-лидеров (ГИИ), 2024*

Рейтинг общий	Страна	Индекс	Рейтинг в регионе	Регион
1	2	3	4	5
1	Швейцария	67,5	1	Европа
2	Швеция	64,5	2	Европа
3	США	62,4	1	Северная Америка
4	Сингапур	61,2	1	ЮВАО
5	Великобритания	61,0	3	Европа
6	Республика Корея	60,9	2	ЮВАО
7	Финляндия	59,4	4	Европа
8	Нидерланды	58,8	5	Европа
9	Германия	58,1	6	Европа

* Табл. 1; 2; 3; 5 и рисунок составлены по: The Global Innovation Index, 2025. July 1. – URL: www.globalinnovationindex.org

Примечание: ЮВАО – Юго-Восточная Азия, Восточная Азия и Океания; САЗА – Северная Африка и Западная Азия.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
10	Дания	57,1	7	Европа
11	Китай	56,3	3	ЮВАО
12	Франция	55,4	8	Европа
13	Япония	54,1	4	ЮВАО
14	Канада	52,9	2	Северная Америка
15	Израиль	52,7	1	САЗА
16	Эстония	52,3	9	Европа
17	Австрия	50,3	10	Европа
18	Гонконг (Китай)	50,1	5	ЮВАО
19	Ирландия	50,0	11	Европа
20	Люксембург	49,1	12	Европа

На данный момент в каждом регионе выделяются свои лидеры. Рассмотрим позиции первых трех ведущих инновационных экономик каждого региона (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Региональное распределение ведущих инновационных экономик, 2024

Регион	Страна	Рейтинг в регионе	Рейтинг общий
Европа	Швейцария	1	1
	Швеция	2	2
	Великобритания	3	5
Северная Америка	США	1	3
	Канада	2	14
ЮВАО	Сингапур	1	4
	Республика Корея	2	6
	Китай	3	11
САЗА	Израиль	1	15
	Объединенные Арабские Эмираты	2	32
	Турция	3	37
Латинская Америка и Карибский бассейн	Бразилия	1	50
	Чили	2	51
	Мексика	3	56
Центральная и Южная Азия	Индия	1	39
	Иран	2	64
	Казахстан	3	78
Африка южнее Сахары	Южная Африка	1	69
	Ботсвана	2	87
	Сенегал	3	92

Проследим динамику инновационного развития в общем рейтинге ключевых лидеров Европы, Северной Америки и стран ЮВАО за последние 15 лет (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

**Динамика инновационного развития стран – лидеров
технологического развития**

Страна	Место в рейтинге по годам										
	2009	2012	2014	2015	2017	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Швейцария	4	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Швеция	2	2	3	3	2	2	2	2	3	2	2
Великобритания	14	5	2	2	5	5	4	4	4	4	5
США	11	10	6	5	4	3	3	3	2	3	3
Канада	12	12	12	16	18	17	17	16	15	15	14
Сингапур	7	3	7	7	7	8	8	8	7	5	4
Республика Корея	20	21	16	14	11	11	10	5	6	10	6
Китай	43	34	29	29	22	14	14	12	11	12	11

Как видно из данных табл. 3, если динамика стран Европы и Северной Америки имеет тенденцию к замедлению, колебаниям или даже снижению индекса (кроме Швеции), то в странах Азии наблюдается стабильный рост. Как показывают исследования, «в последнее время на мировой рынок высоких технологий вышли страны, прежде преимущественно импортировавшие технологии» [3. – С. 42].

Инновационно-технологическое развитие стран исследуется с помощью ряда индексов. Однако, несмотря на различные подходы, методологию, весовые коэффициенты организаций, их результаты отличаются незначительно (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Позиции индексов инновационного развития стран*

Страна	ГИ	Bloomberg Innovation Index
Швейцария	1	3
Швеция	2	4
США	3	8
Сингапур	4	6
Республика Корея	6	1
Финляндия	7	7
Нидерланды	8	5
Германия	9	9
Дания	10	10
Китай	11	12
Япония	13	2

* Составлено по: The Global Innovation Index, 2025, July 1. – URL: www.globalinnovationindex.org; The Bloomberg Innovation Index, 2025, July 6. – URL: www.bloomberg.com; [7].

Что касается стран Азии, то можно заметить тенденцию к занятию лидирующих позиций не только у стран, вошедших в первые топ-10 ведущих инновационных экономик, но и у большинства стран азиатского

макрорегиона, за некоторым исключением (рисунок). При этом Гонконг, входивший 15 лет назад в тройку лидеров технологического развития, сместился на 18-е место.

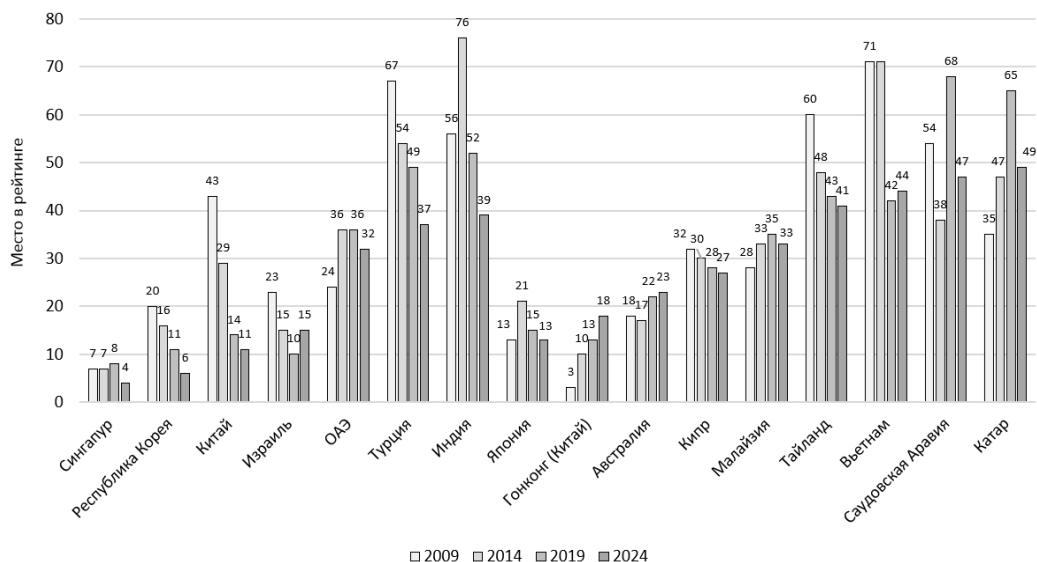

Рис. Динамика изменения позиций стран Азии в Глобальном инновационном индексе

Как видно из приведенных данных, наиболее впечатляющие результаты показали Республика Корея, Китай, Турция и Индия (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Место в рейтинге по годам

Страна	2009	2012	2014	2015	2017	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Корея	20	21	16	14	11	11	10	5	6	10	6
Китай	43	34	29	29	22	14	14	12	11	12	11
Турция	67	74	54	58	43	49	51	41	37	39	37
Индия	56	64	76	81	60	52	48	46	40	40	39

Необходимо отметить, что «...региональные инновационные системы формируют основу национальных конкурентных преимуществ» [4]. При этом каждая из упомянутых стран прошла уникальный путь формирования национальной инновационной системы, технологического трансфера. Рассмотрим ключевые особенности основных лидеров азиатского макрорегиона.

Республика Корея. В 1960-х гг., когда Южная Корея начала строить инновационную систему, государство стремилось к индустриализации и развитию отраслей, способных заменить импорт. Модель технологического развития заключалась в догоняющем подходе. Правительство выбирало определенные отрасли и поддерживало их, помогая копировать зарубежные технологии. Важным элементом этой модели было ограничение прямых иностранных инвестиций в ключевые сферы, что позволяло местным конгломератам контролировать всю производственную цепочку. В этот период были созданы два важных учреждения: Корейский институт науки и технологий (KIST) и Корейский ведущий научно-технический институт (KAIST).

В 1967 г. произошло несколько значимых событий: было сформировано Министерство науки и технологий, а также приняты Закон об образовании и Закон о стимулировании науки и технологий.

В 1970–1980-х гг. в стране появились крупные финансово-промышленные группы – чеболи. Они стали результатом государственной политики, направленной на поддержку приоритетных отраслей промышленности, таких как нефтехимия, электроника, автомобилестроение и др. Также государство привлекало иностранный капитал, инвестировало средства в стратегически важные отрасли и финансировало исследовательские институты. Были созданы Исследовательский институт электроники и телекоммуникаций, Корейский институт машиностроения и металлов, Корейский исследовательский институт химических технологий и Корейский институт исследований в области энергии.

В 1980-е гг. в Республике Корея инновационная политика была сосредоточена на интеграции науки и производства. Для этого создавались центры передачи технологий, технопарки и технологические кластеры. Компании получали налоговые льготы при проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В 1982 г. для содействия сотрудничеству государственных и частных организаций в области развития передовых технологий была запущена национальная программа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Правительство начало активно поддерживать развитие высокотехнологичных отраслей и создавать научные и технологические парки. В этот период инвестиции в НИОКР со стороны частного сектора стали преобладать над государственными.

В 1990-х гг. начался новый этап развития науки и технологий. Был принят специальный закон, регулирующий инновации в этой сфере; разработаны пятилетние планы развития науки и технологий; запущено несколько национальных программ, таких как «Национальный проект высоких технологий в области НИОКР» и «Творческая исследовательская инициатива». В 1998 г. правительство Кореи провело реструктуризацию

государственных исследовательских центров с целью создания конкурентной среды. Это привело к формированию уникальной системы партнерства, в которой государство играло ключевую роль, принимая решения в интересах всех участников.

В 1999 г. была разработана стратегическая инициатива «Долгосрочный прогноз развития науки и технологий до 2025 года». Для ее реализации были поэтапно (в 2003, 2008 и 2013 гг.) разработаны Базовые планы науки и технологий.

В целом стратегия Южной Кореи в области научных исследований и разработок продемонстрировала свою эффективность и стала одним из ключевых факторов развития инновационной экономики. В результате страна вышла на передовые позиции в сфере экспорта высокотехнологичных продуктов. Таким образом, результат опережающего промышленного развития Южной Кореи обусловлен следующими ключевыми факторами:

1. Последовательность государственной политики, направленной на повышение конкурентоспособности ведущих отраслей экономики через вовлечение всех национальных институтов, крупных компаний и гражданского общества в реализацию инновационной стратегии.

2. Жесткое государственное планирование на начальных этапах, которое включало разработку эффективных мер по стимулированию различных секторов экономики к участию в инновационных программах.

3. Либеральная внешнеэкономическая политика, способствующая заимствованию лучших практик инновационного развития из стран-лидеров, включая использование передовых зарубежных технологий.

4. Превращение учебных организаций в научно-учебные комплексы путем их интеграции с крупными корпорациями (чеболями) и другими промышленными структурами.

Китай. Инновационная система Китая сформировалась в результате реформ, проведенных в 1970–1980-х гг. Эти реформы стали основой для создания национальных программ развития.

В 1986 г. в Китае стартовала государственная Программа 863. Она определяла такие ключевые направления развития науки и технологий, как энергосбережение, медицина, геновая инженерия, биотехнологии, космос, информатика, микроэлектроника и оптоволоконные технологии. Программа поддерживала фундаментальные и прикладные исследования, способствовала инновациям в традиционных отраслях. За первые десять лет реализации Программы было зарегистрировано более тысячи значимых достижений. Из них 560 получили международное признание, 73 были отмечены государственными премиями, а 266 – запатентованы за границей.

В рамках новой стратегии развития, направленной на коммерциализацию и индустриализацию наукоемких технологий, была запущена программа «Факел».

В 1988 г. Государственный совет КНР принял решение создать первый технопарк – Экспериментальную пекинскую зону развития высоких технологий. Позднее ее переименовали в Научно-технологическую зону Чжунгуаньцунь, известную как Z-park. Технопарк на северо-западе Пекина возник благодаря близости к ведущим научно-техническим лабораториям и крупнейшим университетам страны, таким как Пекинский университет и Университет Циньхуа. Эти заведения стали фундаментом для технопарка, предоставляя научные разработки, осуществляя их практическое внедрение, поддержку компаний и подготовку специалистов для высокотехнологического сектора.

В Китае действует система территориального зонирования, основанная на определенных критериях. В середине 1980-х гг. появились зоны развития новых и высоких технологий. Сегодня в стране насчитывается 2 856 таких зон¹, различающихся по уровню развития (национальный и провинциальный) и имеющих стратегическое значение для будущего страны. Так, на национальном уровне выделяют 232 национальные экономические зоны, 178 национальных высоких новых зон, 175 специальных зон таможенного контроля, 21 трансграничную зону сотрудничества, 22 зоны свободной торговли национального уровня, 19 новых округов национального уровня, 23 зоны самообразования национального уровня, другие национальные уровни. Провинциальных зон развития на данный момент – 2 152².

Китайские власти активно поддерживают инновации, продвигая развитие новых технологий и создавая технопарки. Это стимулирует рост экономики, основанной на собственных научных исследованиях и технических достижениях.

В 2006 г. государство запустило программу, обязывающую госорганы закупать продукцию китайских инновационных компаний даже если экономически это не всегда выгодно. В связи с этим импортные товары можно приобретать только при отсутствии аналогов в Китае.

В последние десятилетия Китай переживает бурный рост патентной активности. В 2015 г. страна впервые обошла США по числу ежегодно выдаваемых патентов. Китайская система защиты интеллектуальной собственности добилась значительных успехов благодаря сильной правовой

¹ См.: 中国开发区协会门户网站, 2025 (China Development Zone Association Portal, 2015, July 8). – URL: <https://www.cadz.org.cn/developmentZones>

² Там же.

базе, улучшенным механизмам правоприменения и активному международному сотрудничеству.

Китайская инновационная политика, продиктованная стремлением к технологической независимости в условиях санкций, активно развивается через масштабные инвестиции в передовые проекты и мощные стимулы для внутренних исследований. Страна уже достигла значительных успехов, но для дальнейшего роста как мирового инновационного лидера важно продолжать решать текущие проблемы и укреплять международное сотрудничество. Ключевыми факторами долгосрочного успеха станут развитие критических технологий, поддержка отечественных талантов и усиление защиты интеллектуальной собственности.

На прошедшей в июне 2025 г. Азиатско-Европейской выставке по торговле сырьевыми товарами (Asia-European Commodity Trading Expo) была подчеркнута важность экономического и торгового сотрудничества между Китаем, регионами Азии и Европы, продвижения строительства платформ в центральной зоне экономического пояса Шелкового пути, создания платформы для развития промышленного и инвестиционного сотрудничества¹.

Как отмечают С. Хоу, Г. Пенсе «рост инноваций в Китае за последние двадцать лет действительно необычаен и соответствует ... становлению Китая как растущей инновационной сверхдержавы» [5].

Необходимо выделить план «Сделано в Китае 2025», нацеленный на технологические прорывы в десяти ключевых секторах. Он поддерживает отраслевые инициативы и ставит перед каждым сектором амбициозные цели по увеличению доли производства китайских компаний. Китай стремится стать лидером на всех этапах цепочки создания стоимости в этих секторах. Этот план ориентирован на передовые технологии и направлен на то, чтобы превратить Китай из страны – импортера товаров в ведущего производителя и инноватора. План включает в себя три стратегических этапа. При этом на последнем этапе поставлена цель: к 2049 г. достичь лидерства в глобальном производстве и инновациях, реализуя конкурентное преимущество в сфере передовых технологий и промышленной системы [1].

Турция. В последнее время правительство Турции активно работает над развитием национальной инновационной системы. Эти задачи были включены в пятилетние планы развития страны. Благодаря целенаправ-

¹ См.: 关于举办《开发区“十五五”规划编制培训班》的通知, 2025 (Notice on the Holding of the Training Course on Planning and Preparation of the Development Zone 15th Five-Year Plan, 2025, June 4). – URL: <https://www.cadz.org.cn/article/73659>

ленной государственной политике в Турции сформировалась система институтов, ответственных за переход к производству высокотехнологичной продукции. Одним из ключевых институтов является Совет по научно-техническим исследованиям (TÜBİTAK), созданный в 1963 г. и являющийся ключевым в проведении исследований и технологического развития в соответствии с национальными целями. В структуре Совета работают восемь грантовых комиссий, которые занимаются распределением финансирования. Примечательно, что в состав этих комиссий входят ведущие ученые Турции, специализирующиеся в различных областях науки. Комиссии не только распределяют гранты, но и выполняют роль инновационных экспертов, способствуя минимизации асимметрии знаний.

В рамках TÜBİTAK функционируют национальная академическая сеть, информационный центр и несколько лабораторий. Совет организует стажировки, обмены, олимпиады и другие мероприятия, направленные на поддержку молодых исследователей.

В 1991 г. при Совете был основан некоммерческий фонд технологического развития Турции (TTGV). Его задача – финансировать исследования и разработки в частном секторе экономики. Преимущественно Совет занимается финансированием в академической сфере.

TTGV обеспечивает около половины бюджета на исследования и разработки в промышленности. Фонд предоставляет гранты на проекты с бюджетом до 2 млн долларов и сроком до 24 месяцев. Большинство проектов, финансируемых фондом, связаны с телекоммуникациями и электроникой. Эти направления входят в список приоритетных, способствующих повышению конкурентоспособности страны.

В Турции функционируют 12 технопарков и зон технологического развития. Их цель – стимулировать сотрудничество между университетами и промышленностью. В этих технопарках и зонах создаются особые условия для работы исследователей и компаний, предоставляются законодательные и финансовые льготы.

Увеличение инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы позволило турецким компаниям достичь определенных результатов. Некоторые из них были отмечены в списке лучших инноваций Турции.

После того как в 1999 г. Турция стала официальным кандидатом на вступление в Европейский союз, была проведена масштабная реформа политики регионального развития, началось формирование специальных агентств. На сегодняшний день в Турции насчитывается 26 агентств регионального развития [2]. В табл. 6 приведены их основные характеристики.

Т а б л и ц а 6

Инновационные стратегии агентств регионального развития Турции*

Агентство регионального развития	Инновационная стратегия/стратегические приоритеты
1	2
Агентство развития Чукурова (СКА)	Совершенствование инновационной инфраструктуры; развитие человеческих ресурсов; поддержка молодых предпринимателей в сфере промышленности и технологий
Измир (IZKA)	Укрепление и развитие научно-исследовательской базы, инновационной и институциональной структуры; поддержка коммерциализации и патентования результатов исследований
Стамбул (ISTKA)	Совершенствование научно-исследовательской базы; финансовая и техническая поддержка структур, имеющих важное значение для регионального развития
Мевляна (MEVKA)	Совершенствование инновационной инфраструктуры; развитие культуры НИОКР; развитие человеческого капитала; укрепление сотрудничества умной специализации
Среднее Причерноморье (ОКА)	Формирование международного конкурентоспособного бренда в стратегически важных отраслях; повышение эффективности инновационного предпринимательства; укрепление научно-исследовательской, инновационной инфраструктуры, развитие человеческих ресурсов; стимулирование внедрения и развития социальных инноваций, в том числе в сфере госуслуг
Северо-Восточная Анатолия (KUDAKA)	Научно-техническая поддержка приоритетных секторов в регионе: туризм, мясной и молочный, сектора природных ресурсов и строительных материалов
Восточная Анатолия (DAKA)	Совершенствование инновационной инфраструктуры; развитие человеческих ресурсов
Шелковый путь (КА)	Повышение доступности элементов поддержки инноваций; улучшение взаимодействия между участниками инновационных экосистем
Каракатаг (KARACADAG)	Совершенствование научно-исследовательской базы, инновационной и институциональной структуры; развитие приоритетных для региона секторов (текстильная промышленность, туризм и др.); человеческих ресурсов; предпринимательства
Тигрис (DIKA)	Развитие научно-технической базы, инновационной и институциональной структуры; поддержка приоритетных секторов, в том числе транспортных, железнодорожных систем
Фракия (TRAKYAKA)	Укрепление и развитие научно-исследовательской базы, инновационной и институциональной структуры; развитие предпринимательской и инновационной экосистемы; стимулирование и поддержка коммерциализации результатов исследования, патентования
Восточная Мармара (GMKA)	Повышение научно-исследовательского и инновационно-технологического потенциала; развитие культуры предпринимательства и инноваций в регионе; совершенствование инновационной, научно-образовательной инфраструктуры
Южная часть Эгейского моря (GEKA)	Укрепление и развитие конкурентных отраслей в Айдыне, Денизли, Мугле
Зафер (ZAFER)	Укрепление научно-исследовательской, инновационной инфраструктуры, институциональной структуры; развитие человеческих ресурсов; повышение социального капитала, поддержка сетей

* Составлено по данным инновационных стратегий агентств регионального развития; [2].

Окончание табл. 6

1	2
Бурса, Эскишехир, Биледжик (БЕВКА)	Формирование комплекса мер Стратегии умной специализации региона: наращивание потенциала и сотрудничества в научно-исследовательских центрах; поддержка и координация в рамках локализации; развитие потенциала для создания и управления общей платформой; улучшение трансферта между промышленностью и университетами; развитие человеческих ресурсов; поддержка доступа к платформам открытых инноваций; повышение роли Агентства развития в процессе интеллектуальной специализации
Восточная Мармара (MARKA)	Формирование и развитие в приоритетных областях инновационной инфраструктуры, культуры сотрудничества; увеличение финансирования и повышение его эффективности
Анкара (ANKARAKA)	Реализация инновационных стратегий для приоритетных секторов: ИТ (внедрение новых ИТ); сектор медицины (производство лекарств и медицинского оборудования, в том числе на экспорт; внедрение передовых технологий для продуктов с высокой добавленной стоимостью); сектор строительной техники (развитие турецкого производства и бренда); оборонный и авиационный сектор (увеличение экспортного потенциала и производственных мощностей, человеческих ресурсов); сельскохозяйственный и продовольственный сектор (цифровая трансформация, формирование эффективного сектора с высокой добавленной стоимостью с опорой на новейшие технологии, биотехнологии в сельском хозяйстве и пищевой промышленности)
Западное Средиземноморье (BAKA)	Совершенствование научно-исследовательской базы, инновационной и институциональной структуры; развитие приоритетных для региона секторов (спорт, здравоохранение, экотуризм, альтернативный туризм, производственная промышленность); человеческих ресурсов; предпринимательства
Восточное Средиземноморье (DOGAKA)	Финансовая и техническая поддержка институциональных структур, имеющих важное значение для регионального развития
Ахилер (AHKA)	Развитие научно-технической базы, инновационной и институциональной структуры; человеческих ресурсов; предпринимательства
Центральная Анатолия (ORAN)	Совершенствование научно-исследовательской базы и технологического уровня; формирование облегченного доступа к финансированию; развитие институциональной структуры и сотрудничества между организациями; укрепление прав интеллектуальной собственности; внедрение и распространение региональной инновационной стратегии
Западное Причерноморье (BAKKA)	Инновационное развитие в приоритетных секторах региона; преобразование региональной экономики в инновационно-информационную; формирование эффективной системы трансферта знаний и технологий; создание динамичной инновационной экосистемы
Северная Анатолия (KUZKA)	Укрепление и развитие научно-исследовательской базы, инновационной и институциональной структуры
Восточное Причерноморье (DOKA)	Развитие культуры инноваций; укрепление региональной инновационной системы; увеличение создания и выпуска инновационной продукции
Серхат (SERKA)	Развитие научно-технической базы; содействие интеграции между представителями университетов, государственных учреждений, частного сектора и неправительственных организаций в регионе
Фират (FKA)	Финансовая и техническая поддержка институциональных структур и проектов, имеющих важное значение для регионального развития

В марте 2025 г. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган вновь подчеркнул стремление своей страны стать одним из лидеров в области

инноваций, представив стратегию развития промышленности и технологий Турции до 2030 года. Данная национальная стратегия – комплексный план, включающий в себя 100 стратегий и 20 макроцелей.

Основные цели стратегии:

1. Увеличение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и внутреннего производства в высокотехнологичных и критически важных областях.
2. Цифровая трансформация промышленности и экономики.
3. Развитие зеленой энергетики и устойчивых инвестиций в промышленность.
4. Укрепление промышленной инфраструктуры и инвестиций в логистику. Технологические инициативы и механизмы финансовой поддержки.

Индия. В Индии действует инновационная система, которая представляет собой модель сотрудничества между крупными научно-исследовательскими центрами и промышленными предприятиями. Эти центры обладают современной инфраструктурой и необходимыми ресурсами для проведения исследований и разработок в таких стратегически важных областях, как медицина, биотехнологии и электроника.

В 1950-х гг. в Индии началось создание технологических институтов, которые были ориентированы на модель Массачусетского технологического института США. Эти институты получили статус технопарков и были созданы в Нью-Дели, Мумбаи (Бомбее), Кампуре и Мадрасе. Их цель – формирование центров передовых знаний и технологий, которые могли бы быстро внедрять результаты исследований в производство.

В 1990 г. Министерство электроники и информационных технологий Индии инициировало создание первого национального технологического парка – Software Technology Park of India – STPI. Как предусмотрено Национальной стратегией в области программных продуктов (NPSP) 2019 г., STPI стремится стать крупнейшей экосистемой технологических стартапов. Для достижения этой цели была разработана модель сотрудничества, в которой правительство, промышленность, академические круги и другие заинтересованные стороны играют ключевую роль в предоставлении комплексной поддержки стартапам, направленной на содействие НИОКР, инновациям, созданию продуктов и прав интеллектуальной собственности. В настоящее время STPI имеет 67 центров по всей стране, последние из которых были открыты в 2025 г. в Джейпуре и Джаджпуре¹. Несмотря на то что технопарк в Бангалоре считается клю-

¹ См.: Software Technology Park of India, 2025, July 8. – URL: www.stpi.in/

чевым центром IT-сектора и самым крупным, штаб-квартира STPI находится в Дели.

В 1991 г. правительство Индии приняло решение создать сеть технопарков. Благодаря совместным усилиям STPI и Департамента электронной промышленности государственная поддержка индийских технопарков стала эффективным инструментом для решения проблемы развития высоких технологий в стране с низким уровнем дохода. Примером может служить создание международного парка высоких технологий (ИТРВ) в Бангалоре, который объединил более 55 университетов и колледжей в высокоразвитую сеть научно-исследовательских и образовательных организаций.

Государство предоставляет технопарковым структурам различные льготы, такие как освобождение от налога на импорт, освобождение от уплаты внутренних налогов и сборов на пять лет и др.

В Индии главным двигателем развития является тесное сотрудничество между государством и частным сектором, бизнесом и промышленностью. Это выражается в масштабных инвестициях в науку, университеты и создание передовых технопарков и телекоммуникационной инфраструктуры. Благодаря этому индийская продукция становится конкурентоспособной на глобальном рынке и привлекательной как для местных, так и для иностранных инвесторов.

Многие национальные программы ориентированы на стимулирование инновационного развития посредством внедрения механизмов поддержки, технологических платформ, технопарков, инкубаторов и финансовых инициатив. Эти меры направлены на продвижение научных исследований и разработок, что в свою очередь способствует экономическому росту и повышению конкурентоспособности на глобальном уровне. Как отмечают исследователи, «...инновационная система является инструментом экономического и социального развития, страны и регионы разрабатывают политику, стратегии и проекты по созданию эффективных инновационных систем и управлению ими» [6].

Правительства ведущих азиатских государств признают критическую значимость повышения эффективности инновационных процессов и трансфера технологий как ключевых факторов экономического развития. В этой связи возникает необходимость формирования комплексной организационной системы, обеспечивающей генерацию, внедрение и диффузию результатов научных исследований и технологических разработок. Данный процесс предполагает активное участие всех ключевых акторов: государственных структур, научного сообщества, образовательных учреждений и предпринимательского сектора. Синергия между наукой, образованием и производством является фундаментальным условием для создания конкурентоспособной высокотехнологичной про-

дукции и укрепления позиций этих стран на глобальном технологическом рынке.

Список литературы

1. Инновационная система Китая. Возможности для адаптации в России. – URL: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=issledovanie_innovatsionnaya_sistema_kitaya_vozmozhnosti_dlya_adaptatsii_v_rossii090512
2. Озен Б. С., Байджан Т. Сравнение инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития в Турции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2022, Т. 15, № 3. – С. 236–258. – URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.13>
3. Соловьёва Ю. В. Страны АТЭС: передача технологий как фактор развития // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 8. – С. 42–47.
4. Germanos C. Innovation, Regional Innovation Systems (RISs): European Experiences and Regional Australia application, 2015. – URL: https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/Carl_Germanos_updated_paper.pdf
5. Hou S., Pendse G. The Innovation Factor, 2024. – URL: <https://data.bloomberglp.com/professional/sites/27/Bloomberg-Indices-The-Innovation-Whitepaper.pdf>
6. Özen B. S., Baycan T. An Assessment of Turkish Regional Innovation System Over Regional Innovation Strategies Developed by Regional Development Agencies. In: 55th Congress of European Regional Science Association (ERSA) World Renaissance: Changing Roles for People and Places, August 25–29 2015. – Lisbon, 2015.
7. Tolentino T. 10 Most Innovative Countries in 2025: A Data-Driven Analysis. March 17, 2024. – URL: <https://www.marketingscoop.com/ai/most-innovative-countries/>

References

1. Innovatsionnaya sistema Kitaya. Vozmozhnosti dlya adaptatsii v Rossii [China's Innovation System: Opportunities for Adaptation in Russia]. (In Russ.). Available at: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=issledovanie_innovatsionnaya_sistema_kitaya_vozmozhnosti_dlya_adaptatsii_v_rossii090512
2. Ozen B. S., Baydzhan T. Sravnenie innovatsionnykh strategiy, razrabotannykh agentstvami regionalnogo razvitiya v Turtsii [Comparison of Innovative Strategies Developed by Regional Development Agencies in Turkey]. Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz

[Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2022, Vol. 15, No. 3, pp. 236–258. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.13>

3. Soloveva Yu. V. Strany ATEs: peredacha tekhnologiy kak faktor razvitiya [APEC Countries: Technology Transfer as a Factor of Development]. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today], 2016, No. 8, pp. 42–47. (In Russ.).

4. Germanos C. Innovation, Regional Innovation Systems (RISs): European Experiences and Regional Australia application, 2015. Available at: https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/Carl_Germanos_updated_paper.pdf

5. Hou S., Pendse G. The Innovation Factor, 2024. Available at: <https://data.bloomberglp.com/professional/sites/27/Bloomberg-Indices-The-Innovation-Whitepaper.pdf>

6. Özen B. S., Baycan T. An Assessment of Turkish Regional Innovation System Over Regional Innovation Strategies Developed by Regional Development Agencies. In: 55th Congress of European Regional Science Association (ERSA) World Renaissance: Changing Roles for People and Places, August 25–29, 2015. Lisbon, 2015.

7. Tolentino T. 10 Most Innovative Countries in 2025: A Data-Driven Analysis. March 17, 2024. Available at: <https://www.marketingscoop.com/ai/most-innovative-countries/>

Поступила: 26.12.2025

Принята к печати: 12.03.2026

Сведения об авторе

Юлиана Владимировна Соловьёва
кандидат экономических наук, доцент
кафедры национальной экономики
РУДН.
Адрес: ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 6.
ORCID: 0000-0002-1437-0008
E-mail: solovyeva_yuv@pfur.ru

Information about the author

Yuliana V. Solovieva
PhD, Associate Professor
of the Department of National Economics
of RUDN University.
Address: Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya
Street, Moscow, 117198,
Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-1437-0008
E-mail: solovyeva_yuv@pfur.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-183-193>

АСЕАН В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. Ю. Панченко, О. Ю. Родникова, А. В. Федорова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье представлен анализ изменения позиций интеграционного объединения АСЕАН в мировой экономике на основе тех процессов в различных сферах, которые имели место в АСЕАН в последнее десятилетие. Актуальность обосновывается как ростом значимости фрагментации мировой экономики и интеграционных процессов в мире, так и положительной динамикой в АСЕАН за исследуемый период. Цель статьи – выявить факторы роста и систематизировать вызовы, с которыми сталкивается АСЕАН, оказывающие влияние на позиции интеграционного объединения в системе мирового хозяйства. Авторы приходят к выводу, что АСЕАН существенно укрепила свои позиции в мировой экономике, несмотря на рост турбулентности мировой экономики и политики, в том числе в Азии в 2012–2024 гг. Авторы отмечают, что АСЕАН представляет собой сплоченный и стратегически важный экономический блок, с которым вынуждены считаться все мировые игроки. В будущем его успех будет зависеть от способности углублять внутреннюю интеграцию, управлять геополитическими рисками и развивать собственный технологический потенциал. Источниками данных стала статистическая информация международной базы ЮНКТАД, МВФ, Азиатского банка развития, секретариата АСЕАН и других международных и региональных организаций.

Ключевые слова: экономическая интеграция, цифровизация, экономическая эффективность, международное сотрудничество, Один пояс, один путь.

ASEAN IN THE GLOBAL ECONOMY: AN EMPIRICAL ANALYSIS

**Ekaterina Yu. Panchenko, Oksana Yu. Rodnikova,
Anna V. Fedorova**

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The article presents an analysis of the changing positions of the ASEAN integration association in the global economy based on the processes in various fields that have taken place in ASEAN over the past decade. The relevance is justified both by the growing importance of the fragmentation of the global economy and integration processes in the world, and by the positive dynamics in ASEAN over the period under study. The purpose of the article is to identify the growth factors and systematize the challenges faced by ASEAN, which influence the position of the integration association in the global economic system. The authors conclude that ASEAN has significantly strengthened its position in the global economy, despite the growing turbulence of the global economy and politics, including in Asia in 2012–2024. The authors note that ASEAN is a cohesive and strategically important economic bloc that all global players have to reckon with. In the future, its success will depend on its ability to deepen internal integration,

manage geopolitical risks, and develop its own technological potential. The data sources were statistical information from the international database of UNCTAD, the IMF, the Asian Development Bank, the ASEAN Secretariat and other international and regional organizations.

Keywords: economic integration, digitalization, economic efficiency, international cooperation, One Belt, One Road.

Введение

Интеграционные процессы в мировой экономике переживают новый этап активизации. Под влиянием фактического распада принципов функционирования мировой экономической системы, сформированной в середине прошлого века, страны мира стремятся сохранить экономический рост и параметры национальной экономики во взаимодействии с другими региональными странами на паритетных условиях, что обеспечивает их стабильность.

Авторы отмечают, что региональные объединения в различных географических локациях мира сегодня вызывают все более пристальный интерес научного сообщества к тем новым явлениям, которые возникают в интеграционных блоках и, соответственно, нуждаются в изучении и систематизации [6; 9], а также вследствие роста значимости интеграционного сотрудничества для стран – участниц объединения, которое позволяет им реализовать ряд преимуществ в различных направлениях, причем не только социально-экономических [1; 11]. Например, внедрение инновационных решений, гармонизация технических норм, формирование общего информационного пространства и т. д.

Комплексно модифицирует социально-экономический и интеграционный процесс цифровизация, активно внедряющаяся в АСЕАН в различных сферах деятельности [16].

Особенно заметно осуществляется трансформация интеграционного процесса в странах с развивающимися рынками [12]. Важно исследовать ее направления, эффекты и сложности.

Результаты исследования

АСЕАН традиционно рассматривается как одно из экономически быстрорастущих и достаточно эффективных интеграционных объединений развивающихся стран [5]. Объединение играет все более заметную роль в мировой экономике, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Этому способствуют прежде всего стабильный экономический рост и растущий рынок: темпы развития экономик стран АСЕАН в последнее десятилетие были быстрее среднемировых показателей. Регион с населением свыше 660 млн человек (3-е место в мире после Китая и Индии) превратился в огромный единый потребительский рынок с растущим средним классом. Совокупный ВВП АСЕАН превысил 3,6 трлн

долларов (2023 г.), что делает ее 5-й крупнейшей экономикой мира, превосходя Великобританию и уступая лишь США, Китаю, Японии и Германии. Однако как социально-экономическая динамика, так и экономические модели стран АСЕАН остаются дифференцированными [8; 10].

Цифровая экономика АСЕАН – один из самых быстрорастущих в мире сегментов. Ее объем превысил 200 млрд долларов и, по прогнозам, достигнет 600 трлн долларов к 2030 г. Происходит активное внедрение финтеха, электронной коммерции и цифровых платежей [13], в том числе на базе появления и стремительного роста региональных «единорогов» (Grab, GoTo, Sea Group, Lazada и др.). Большинство стран АСЕАН вносят свой вклад в процессы цифровизации экономики [3].

В настоящее время ведутся переговоры о заключении Рамочного соглашения о цифровой экономике (DEFA), которое позволит значительно расширить сотрудничество в сфере цифровых услуг и трансграничной электронной торговли. С работой над соглашением связана инициатива по региональной взаимосвязанности в сфере платежей, которая предполагает использование специальных QR-кодов для оплаты в странах АСЕАН в национальных валютах¹. Однако некоторые авторы обосновывают точку зрения о формировании новых вызовов в АСЕАН в связи с цифровизацией и распространением применения искусственного интеллекта [4].

Заметно укрепляется инвестиционная привлекательность: регион стал магнитом для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), конкурируя с Китаем. Инвесторов привлекают относительно низкие издержки, молодая рабочая сила, стратегическое расположение и углубляющаяся интеграция. Ключевое событие – официальное создание Сообщества АСЕАН (АЕС) 31 декабря 2015 г., основанного на трех столпах: политико-безопасном, экономическом и социально-культурном. Его цель – создание единого рынка и производственной базы. Достигнут значительный прогресс в реализации указанной цели по таким направлениям, как:

- снижение тарифов (почти до нуля для большинства товаров внутри блока);
- упрощение таможенных процедур;
- либерализация некоторых секторов услуг;
- свободное движение квалифицированной рабочей силы (по 8 профессиям).

На этой основе происходит рост интегрированности не только внутриасеановских процессов, но и внешнеасеановских, т. е. включение

¹ См.: Nikkei: страны АСЕАН намерены заключить соглашение о цифровой экономике в 2025 году. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22726489>

АСЕАН как субъекта хозяйствования в торговые и инвестиционные процессы.

Как видно из табл. 1, АСЕАН активно наращивает свое присутствие на мировых товарных рынках, укрепляя свои позиции как мировой экспортер. Это стало возможным благодаря заключению большого количества соглашений о торговле и инвестициях стран АСЕАН с другими государствами.

Т а б л и ц а 1

Товарный экспорт стран АСЕАН в 2012–2023 гг. * (в млрд. долл., цены FOB)

	2012	2015	2018	2020	2023	i 2012–2023
Малайзия	227,54	199,95	247,46	234,77	312,97	37,54
Филиппины	52,10	58,83	69,31	65,21	–	25,17
Сингапур	415,61	357,91	411,76	357,95	422,35	1,62
Тимор-Лешти	0,03	0,01	0,02	–	–	–30,62
Вьетнам	114,53	162,07	243,70	282,63	353,78	208,90
Бруней-Даруссалам	–	–	6,57	6,61	11,09	68,73
Камбоджа	5,58	9,24	12,62	18,27	23,47	320,64
Мьянма	–	11,43	16,70	16,94	–	48,15
Индонезия	190,03	150,37	180,12	163,31	258,86	36,22
Лаос	2,27	3,65	5,41	6,12	8,37	268,56
Таиланд	477,1	–	–	231,0	285,0	
Сингапур	415,61	357,91	411,76	357,95	422,35	1,62

* Составлено по: URL: <https://data.imf.org/en/Data-Explorer>

Несмотря на внушительный рост товарного экспорта стран АСЕАН на мировые рынки, процесс этот идет нелинейно и сталкивается с теми или иными вызовами, связанными с высокой дифференциацией стран АСЕАН по величине торгового потенциала [7].

Соответственно, растет совокупный грузооборот АСЕАН (табл. 2), и в свою очередь развитие транспортной инфраструктуры сокращает сроки доставки грузов между странами-партнерами. Этому росту содействует развитие транспортной инфраструктуры в АСЕАН и за ее пределами, в том числе в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), что рассматривается экспертами как фактор возможного роста АСЕАН и улучшения ее позиций в мире [2; 17].

В рамках реализации ОПОП средства ориентированы на модернизацию, расширение ключевых объектов инфраструктуры в странах-

участницах, включая развитие транспортной сети, энергетических мощностей и цифровых решений для обеспечения комплексного улучшения логистических, энергетических и коммуникационных возможностей.

Т а б л и ц а 2

**Совокупный грузооборот портов в АСЕАН в динамике за 2012, 2018 и 2023 гг.
(ДФЭ) по странам***

	2012	2018	2023	i (темп прироста), %
Индонезия	10 938 304	12 616 970	-	15,35
Бруней	-	-	34 396 000	-
Малайзия	20 491 118	24 955 994	28 246 849	37,85
Камбоджа	255 378	537 107	-	110,32
Лаос	-	-	8 112 000	-
Мьянма	474 300	1 104 101	761 557	60,56
Филиппины	5 938 070	8 859 565	8 803 874	48,26
Таиланд	7 845 500	10 371 645	10 313 980	31,46
Сингапур	31 649 400	36 599 200	39 010 000	23,26
Вьетнам	7 505 641	13 394 390	20 780 562	176,87

* Составлено по: URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.ContPortThroughput>.

По причинам, связанным с торговлей, безопасностью и геополитикой, АСЕАН остается наиболее стратегически важным для Пекина субрегионом АТР. Китай является крупнейшим торговым партнером АСЕАН с 2020 г. Важнейшие морские торговые пути в Китай проходят через Юго-Восточную Азию (ЮВА). В АСЕАН проекты ОПОП сосредоточены преимущественно в Камбодже, Индонезии, Лаосе, на Филиппинах и во Вьетнаме. С 2013 по 2015 г. большинство проектов ОПОП касались транспортной и энергетической инфраструктуры, далее стали более разнообразными и начали включать особые экономические зоны (ОЭЗ) и торговые соглашения со странами-получателями. Самый яркий проект в АСЕАН – железная дорога Китай – Лаос – Таиланд, являющаяся частью нового международного торгового коридора «Суша – море». Дорога сокращает время транспортировки грузов автомобильным транспортом с 2–3 дней до 15 часов, улучшает региональную связь, интегрируя Лаос в глобальные цепочки поставок, и поддерживает Восточный экономический коридор Таиланда. Глубоководный порт и особая экономическая зона Кьяукпхью/Чаухпью – промышленный комплекс стоимостью 1,3 млрд долларов в штате Ракхайн в Мьянме, разработанный китайской CITIC Group. Он включает нефте- и газопроводы, обеспечивает Китаю

прямой доступ к Индийскому океану в обход Малаккского пролива. Ожидается, что Мьянма со временем превратится в региональный торговый центр [15]. В рамках экономического коридора Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма проходит строительство 431-километровой железной дороги от Муза до Мандалая, полностью финансируемое компанией China Railway Eryan Engineering Group и осуществляемое совместно с Myanmar Railways, государственным предприятием Мьянмы.

Совместные прикладные исследования, передача технологий, подготовка кадров и распространение информации также способствуют росту эффективности АСЕАН [8] и включению объединения в мирохозяйственные процессы.

Несмотря на успехи, как на национальном, так и на международном уровнях, регион сталкивался с серьезными проблемами, вызовами и угрозами (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Риски и вызовы интеграции АСЕАН в мирохозяйственные процессы

Риски и вызовы	Характеристики/особенности
Суверенитет	Некоторые страны выражают озабоченность в связи с возможностью потери суверенитета
Проблемы реализации	Ряд интеграционных проектов в АСЕАН сталкивается с проблемами реализации из-за сложностей в договорном процессе
Финансово-экономическая устойчивость	Финансирование проектов в рамках АСЕАН на деле усиливает бюджетные риски, создавая потенциальные обязательства для государств в долгосрочной перспективе. Для стабилизации суверенного долга многим государствам могут потребоваться структурные реформы, однако сочетание роста заимствований, масштабных проектов и слабости фискальных институтов только усугубляет ситуацию
Дефицит инвестиций	Присутствует значительный разрыв между требуемыми и имеющимися средствами, что замедляет развитие инфраструктуры в странах АСЕАН
Неразвитые механизмы ГЧП	Неиспользование механизмов ГЧП автоматически приводит к упущенным возможностям более быстрого развития некоторых проектов за счет большей гибкости и вариативности
Риск стихийных бедствий	Увеличение частоты экстремальных погодных явлений в АСЕАН повышает уязвимость транспортной инфраструктуры, что тормозит реализацию инфраструктурных проектов
Цифровизация (ИИ)	Как форсированное развитие ИИ-повестки, так и попытка поставить это направление на паузу приведет к нарастанию ее зависимости от внерегиональных партнеров

Как видно из табл. 3, эти вызовы весьма разносторонние и имеют как внешние, так и внутрирегиональные источники. Так, пандемия COVID-19 нанесла тяжелый удар по туризму, цепочкам поставок и занятости, но регион в целом продемонстрировал впечатляющую экономическую устойчивость и быстрое восстановление.

Геополитическая напряженность также представляет собой угрозу региону. Страны АСЕАН оказались в центре стратегического соперничества США и Китая. Им приходится проводить сложный баланс, стремясь извлечь выгоду от отношений с обеими державами, не принимая чью-либо сторону. Внутреннее неравенство нами уже отмечалось выше. Однако в АСЕАН существует значительный разрыв в развитии между более богатыми странами (Сингапур, Малайзия, Таиланд) и менее развитыми (Лаос, Камбоджа, Мьянма). В АСЕАН все еще сохраняются инфраструктурный дефицит и бюрократия, которые в некоторых странах тормозят рост и не позволяют занять более высокие позиции в мире. Наконец, свою негативную лепту внесла и политическая нестабильность – ситуация в Мьянме после 2021 г. создала сложности для единства АСЕАН.

Заключение

За последние 10 лет АСЕАН укрепила свои позиции как критически важный производственный хаb глобальной экономики; крупный и растущий потребительский рынок; центр притяжения для инвестиций, диверсифицирующий риски от Китая, ключевой участник новых мега-соглашений (RCEP).

Таким образом, его успех будет зависеть от способности углублять внутреннюю интеграцию, управлять геополитическими рисками и развивать собственный технологический потенциал.

Стоит также отметить, что к АСЕАН в 2025 г. присоединился Восточный Тимор (Тимор-Леште), отделившийся от Индонезии в 2002 г. По нашим оценкам, это весьма положительный аспект, обеспечивающий будущие перспективы АСЕАН и ее роль в мировой экономике.

Список литературы

1. Буторина О. В., Борко А. Ю. Преимущества региональной интеграции: переосмысление концепции // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Вып. 92. – № 2. – С. 105–112. – DOI: 10.1134/S1019331622080020
2. Виноградов И. С. Инициатива «Пояс и путь» в странах АСЕАН: особенности и успехи реализации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2024. – № 29. – С. 154–171.

3. *Канаев Е. А.* Лаос и многостороннее экономическое сотрудничество АСЕАН в цифровой сфере // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2025. – Т. 1. – № 1 (66). – С. 149–161. – DOI 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-149-161.

4. *Канаев Е. А.* Искусственный интеллект как фактор уязвимости Экономического сообщества АСЕАН 2025 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18. – № 1. – С. 18–34. – DOI: 10.31249/kgt/2025.01.02

5. *Костюнина Г. М.* АСЕАН: достижение целей устойчивого развития и экологическое сотрудничество // Россия и Азия. – 2019. – № 3 (8). – С. 45–61.

6. *Костюнина Г. М.* Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 303–317. – DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

7. *Меланьина М. В., Вереникина А. Ю.* Взаимная торговля стран АСЕАН в контексте региональной экономической интеграции: эмпирический анализ // Россия и Азия. – 2024. – № 2 (28). – С. 53–70.

8. *Меланьина М. В.* Индонезия: трансфер технологий и инновационное развитие // Россия и Азия. – 2022. – № 1 (19). – С. 26–35.

9. *Панченко Е. Ю., Чараха Бэр А. Р.* Интеграционные процессы в МЕРКОСУР: современные особенности и динамика развития // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – № 3 (39). – С. 159–171. – DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-159-171

10. *Сабон В. Л.* Современные особенности экономической модели Вьетнама // Россия и Азия. – 2025. – № 3 (33). – С. 85–99.

11. *Хейфец Б. А.* Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 35–52. – URL: <https://doi.org/10.31249/kgt/2023.01.02>

12. *Шкваря Л. В.* Теория международной экономической интеграции и современная практика стран с развивающимися рынками // Россия и Азия. – 2023. – № 3 (25). – С. 89–94.

13. *Шкваря Л. В., Хуинх Ф. К.* Электронная торговля во Вьетнаме: современное состояние, динамика, государственное регулирование // Россия и Азия. – 2025. – № 2 (32). – С. 40–52.

14. ASEAN Digital Masterplan 2025. ASEAN as a leading Digital Community and Economic Bloc, Powered by Secure and Transformative Digital Services, Technologies and Ecosystem. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf>

15. Asian Development Bank : Asian Economic Integration Report 2025. – URL: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2025_complete.pdf

16. Kanaev E. A. The Digital Agenda of ASEAN Economic Community 2025: A Response from the Singapore Airlines // *YugoVostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. – 2022. – Vol. 4. – N 4 (57). – P. 153–165. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-153-165
17. *Nguyen My Linh Pham, Thi Thu Huong Nguyen*. The Supply Chain and Logistics of Vietnam in the Context of International Economic Integration // *International Business Research*. – 2020. – N 13 (7). – P. 27–27. – DOI: 10.5539/ibr.v13n7p27

References

1. Butorina O. V., Borko A. Yu. Preimushchestva regionalnoy integratsii: pereosmyslenie kontseptsii [Advantages of Regional Integration: Rethinking the Concept] *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2022, Issue 92, No. 2, pp. 105–112. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1019331622080020
2. Vinogradov I. S. Initsiativa «Poyas i put» v stranakh ASEAN: osobennosti i uspekhi realizatsii [The Belt and Road Initiative in the ASEAN Countries: Features and Successes of Implementation]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost* [China in World and Regional Politics. History and modernity], 2024, No. 29, pp. 154–171. (In Russ.).
3. Kanaev E. A. Laos i mnogostoronnee ekonomicheskoe sotrudnichestvo ASEAN v tsifrovoy sfere [Laos and ASEAN Multilateral Economic Cooperation in the Digital Sphere]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Current Development Issues], 2025, Vol. 1, No. 1 (66), pp. 149–161. (In Russ.). DOI 10.31696/2072-8271-2025-1-1-66-149-161.
4. Kanaev E. A. Iskusstvennyy intellekt kak faktor uyazvimosti Ekonomicheskogo soobshchestva ASEAN 2025 [Artificial Intelligence as a Vulnerability Factor of the ASEAN Economic Community 2025], *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2025, Vol. 18, No. 1, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: 10.31249/kgf/2025.01.02
5. Kostyunina G. M. ASEAN: dostizhenie tseley ustoychivogo razvitiya i ekologicheskoe sotrudnichestvo [ASEAN: Achieving Sustainable Development Goals and Environmental Cooperation], *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2019, No. 3 (8), pp. 45–61. (In Russ.).
6. Kostyunina G. M. Regionalizm v sovremennoy mirovoy ekonomike: evolyutsiya i osnovnye tendentsii [Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship

University of Russia. Series: International Relations], 2020, Vol. 20, No. 2, pp. 303–317. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

7. Melanina M. V., Verenikina A. Yu. Vzaimnaya trgovlya stran ASEAN v kontekste regionalnoy ekonomicheskoy integratsii: empiricheskiy analiz [Mutual Trade of ASEAN Countries in the Context of Regional Economic Integration: an Empirical Analysis], *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2024, No. 2 (28), pp. 53–70. (In Russ.).

8. Melanina M. V. Indoneziya: transfer tekhnologiy i innovatsionnoe razvitiye [Indonesia: Technology Transfer and Innovative Development], *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2022, No. 1 (19), pp. 26–35. (In Russ.).

9. Panchenko E. Yu., Charakha Ber A. R. Integratsionnye protsessy v MERKOSUR: sovremennyye osobennosti i dinamika razvitiya [Integration Processes in MERCOSUR: Current Features and Dynamics of Development], *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2024, Vol. 10, No. 3 (39), pp. 159–171. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2024-3-159-171

10. Sabon V. L. Sovremennyye osobennosti ekonomicheskoy modeli Vyetnama [Modern Features of the Economic Model of Vietnam]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 3 (33), pp. 85–99. (In Russ.).

11. Kheyfets B. A. Nakopitel'naya model mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii [Cumulative Model of International Economic Integration]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 35–52. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.31249/kgt/2023.01.02>

12. Shkvarya L. V. Teoriya mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii i sovremennaya praktika stran s razvivayushchimisya rynkami [Theory of International Economic Integration and Modern Practice of Countries with Emerging Markets]. *Rossiya i Aziya*. [Russia and Asia], 2023, No. 3 (25), pp. 89–94. (In Russ.).

13. Shkvarya L. V., Khuinkh F. K. Elektron'naya trgovlya vo Vyetname: sovremennoe sostoyanie, dinamika, gosudarstvennoe regulirovanie [Electronic Commerce in Vietnam: Current State, Dynamics, Government Regulation]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia], 2025, No. 2 (32), pp. 40–52. (In Russ.).

14. ASEAN Digital Masterplan 2025. ASEAN as a leading Digital Community and Economic Bloc, Powered by Secure and Transformative Digital Services, Technologies and Ecosystem. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf>

15. Asian Development Bank: Asian Economic Integration Report 2025. Available at: https://aric.adb.org/pdf/aeir/AEIR2025_complete.pdf

16. Kanaev E. A. The Digital Agenda of ASEAN Economic Community 2025: A Response from the Singapore Airlines. *Southeast Asia: Current Development Issues*, 2022, Vol. 4, No. 4 (57), pp. 153–165. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-153-165

17. Nguyen My Linh Pham, Thi Thu Huong Nguyen. The Supply Chain and Logistics of Vietnam in the Context of International Economic Integration *International Business Research*, 2020, No. 13 (7), pp. 27–27. DOI: 10.5539/ibr.v13n7p27

Поступила: 12.10.2025

Принята к печати: 09.02.2026

Сведения об авторах

Екатерина Юрьевна Панченко
старший преподаватель кафедры
иностраных языков № 3
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Panchenko.EY@rea.ru

Оксана Юрьевна Родникова
старший преподаватель кафедры
иностраных языков
№ 1 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

Анна Валерьевна Федорова
кандидат филол. наук, доцент кафедры
иностраных языков
№ 3 РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 109992, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Fedorova.AV@rea.ru

Information about the authors

Ekaterina Yu. Panchenko
Senior Lecture
of the Department of Foreign
languages № 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Panchenko.EY@rea.ru

Oksana Yu. Rodnikova
Senior Lecture
of the Department of Foreign
languages № 1 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Rodnikova.OY@rea.ru

Anna V. Fedorova
PhD, Associate Professor
of the Department of Foreign
languages N 3 of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian
University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow,
109992, Russian Federation.
E-mail: Fedorova.AV@rea.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-194-207>

МОЗАМБИК КАК ЦЕНТР АКТИВНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ¹

Г. К. Сугаков

Институт Африки Российской академии наук,
Москва, Россия

В условиях трансформации мировой геополитической и геоэкономической системы особую актуальность приобретает изучение новых центров конкуренции, которые в перспективе могут стать самостоятельными центрами силы. В статье рассматривается пример Мозамбика, где в последние десятилетия сталкиваются интересы многих иностранных инвесторов, как традиционных (включая Португалию как бывшую метрополию), так и новых (Бразилия, ОАЭ, Южная Корея и др.), причем активность новых акторов является одной из наиболее важных тенденций в мировой инвестиционной системе. Выявляются факторы инвестиционной привлекательности Мозамбика и их отражение в мировых рейтингах. Делается вывод, что основным (хотя и не единственным) фактором инвестиционной привлекательности Мозамбика выступает его природно-ресурсный потенциал, что фактически более важно, чем развитие правовых институтов в инвестиционной сфере, политическая стабильность и безопасность, формально лежащие в основе большинства рейтингов инвестиционного климата стран мира. В эпоху колониализма нового типа прямые иностранные инвестиции скорее служат интересам внешних акторов, а не социально-экономическому развитию самой страны, хотя на законодательном уровне в Мозамбике есть стремление к изменению ситуации.

Ключевые слова: Африка, прямые иностранные инвестиции, инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат.

MOZAMBIQUE AS A CENTRE OF FOREIGN INVESTORS' ACTIVITY²

Gleb K. Sugakov

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

In the context of the transformation of the global geopolitical and geo-economic system, the study of new centers of competition, which in the future may become independent centers of

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

² This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development N 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

power, is of particular relevance. The article examines the example of Mozambique, where in recent decades the interests of many foreign investors have been clashing, both traditional (including Portugal as a former metropolis) and new (Brazil, UAE, South Korea, etc.). The factors of Mozambique's investment attractiveness and their reflection in world rankings are identified. As a result, it is concluded that the main factor of Mozambique's investment attractiveness is its natural resource potential, which is actually more important than the development of legal institutions in the investment sphere, political stability and security, which formally underlie most investment climate ratings in the world.

Keywords: Africa, foreign direct investment, investment attractiveness, investment climate.

Введение

На сегодняшний день страны Африки относятся к числу наиболее перспективных направлений для прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Несмотря на сохраняющиеся риски, уровень и характер которых отличается в разных странах, инвесторов привлекает достаточно высокий (по сравнению с другими макрорегионами) ожидаемый уровень отдачи от вложений [1; 11; 12].

При рассмотрении территориальной структуры инвестиций крупнейших стран-доноров в Африке [7. – С. 47] сложно не обратить внимание на то, что в число приоритетных направлений для большого числа акторов входит Республика Мозамбик. В этой связи в исследовании поставлены следующие вопросы: чьи интересы в наибольшей степени сталкиваются в Мозамбике; почему именно Мозамбик выступает одним из основных центров активности иностранных инвесторов в Африке?

Под активностью иностранных инвесторов понимается «много-сложное понятие, которое характеризует реальное развитие инвестиционной деятельности нерезидентами в виде инвестиций в основной капитал в определенном месте (государстве, регионе)» [3. – С. 8]. Автором статьи рассмотрено его соотношение с другими категориями в рамках инвестиционной деятельности [7. – С. 45]. При этом главной его особенностью является то, что оно демонстрирует фактическое присутствие иностранных инвесторов в стране, оцениваемое количественно с помощью различных показателей.

Инвестиционный профиль Мозамбика: характеристика и противоречия

Республика Мозамбик находится на юго-востоке Африканского континента, протянувшись почти на 2,5 тыс. км вдоль Индийского океана. В 1975 г. страна получила независимость от Португалии, официальный язык – португальский. Мозамбик населяют такие народы, как макуа, маконде, тсонга, шона, малави, ваяо и др.

По данным МВФ, по состоянию на конец 2023 г. странами – лидерами по объему накопленных прямых инвестиций в экономику Мозамбика

являются Объединенные Арабские Эмираты (17,4 млрд долларов), Маврикий (7,7), Нидерланды (6,5), ЮАР (5,2), Португалия (5,1), Индия (4,7), Великобритания (4,3), КНР (1,5), Италия (1,4), Республика Корея (0,9 млрд долларов)¹. При этом Маврикий и Нидерланды входят в перечень офшоров, в связи с чем по крайней мере часть инвестиций, официально направленных из этих юрисдикций, в реальности принадлежит компаниям из других стран [17. – Р. 9].

Примечательно, что, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Мозамбик находится на 5-м месте по объему накопленных прямых инвестиций среди 54 стран Африки (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Страны – лидеры по объему накопленных ПИИ в Африке
и характеристики масштабы их экономического потенциала, 2024***

Страна	Объем накопленных ПИИ, млн долл.	Масштабность экономического потенциала		
		Объем ВВП по ППС, трлн долл.	Численность населения, млн чел.	Площадь территории, тыс. км ²
1. Египет	205 243	2,23	116,5	995,4
2. ЮАР	113 033	0,99	64,0	1 213,1
3. Нигерия	69 210	2,12	232,7	910,8
4. Марокко	61 493	0,40	38,1	446,3
5. Мозамбик	60 789	0,06	34,6	786,4

* Составлено по: URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>; URL: https://www.imf.org/external/datamapper/PPPGDP@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD/; URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopTotal>; URL: <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.TOTL.K2>

В табл. 1 помимо объема ПИИ представлены показатели масштабы экономического потенциала 5 ведущих стран – реципиентов инвестиций, а именно: ВВП по ППС; численность населения и площадь территории [8. – С. 50]. Как показали расчеты автора [8. – С. 51], между индексом масштабы экономического потенциала (МЭП) и объемом накопленных ПИИ в стране существует сильная корреляция (0,7). При этом по показателям МЭП Мозамбик уступает другим странам-лидерам: по объему ВВП по ППС экономика Мозамбика (5-е место по инвестициям среди 54 стран Африки) меньше египетской (1-е место по инвестициям) в 37 раз, меньше марокканской (4-е место) почти в 7 раз.

При этом нужно отметить, что активность иностранных инвесторов на территории Мозамбика в последние годы имеет устойчивый характер (табл. 2).

¹ URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:DIP\(12.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:DIP(12.0.0))

Т а б л и ц а 2

ПИИ в Мозамбике (2020–2024 гг.)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Накопленные ПИИ, млн долл.	46 280	50 068	54 597	57 281	60 789
Входящие ПИИ, млн долл.	3 035	5 102	2 458	2 509	3 553
Стоимость объявленных ПИИ в новые проекты, млн долл.	550	2 560	1 364	3 847	1 292
Число сделок по объявленным ПИИ в новые проекты	8	8	8	10	6

* Составлено по: URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report>

Чем обусловлена относительно высокая активность иностранных инвесторов именно в Мозамбике? Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос – благоприятный инвестиционный климат. Однако рассмотрение места Мозамбика в ряде рейтингов (табл. 3) говорит о том, что инвестиционный климат этой страны оценивается достаточно негативно.

Т а б л и ц а 3

Мозамбик в рейтингах инвестиционного климата

Источник	Место/оценка
Рэнкинг инвестиционной привлекательности (2025/26) (<i>Rand Merchant Bank</i>)*	28-е место из 31-го (в Африке)
Оценка деловой среды (2024) (Французский совет инвесторов в Африку)**	2,5 из 5 баллов
Индекс глобальной конкурентоспособности (2019) (Всемирный экономический форум)***	137-е место из 141-го (в мире)
Инвестиционная привлекательность стран Африки для российского капитала [9]	Потенциал: 3 из 7; риски: 6 из 7

* URL: <https://brand.rmb.co.za/share/QSK82qW8MDvbZW8Sc55M/assets/402882>

** URL: <https://inlnk.ru/PmjD1>

*** Последняя оценка произведена в 2019 г. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

Международные рейтинги не дают ответа на вопрос, почему Мозамбик занимает столь высокое место по объему накопленных прямых иностранных инвестиций. Безусловно, значительная часть из 60,8 млрд долларов направлена в капиталоемкие проекты в сфере энергетики (в частности, итальянская нефтегазовая компания *Eni* реализует в Мозамбике крупный проект на шельфе), а часть инвестиций – в будущие проекты, реализация которых еще не началась. Однако при оценке объема инвестиций все страны Африки находились в относительно равных условиях, и именно Мозамбик вошел в число лидеров наряду с объектив-

но ожидаемыми странами, такими как Египет, ЮАР, Нигерия и Марокко (см. табл. 1).

Сравнение данных табл. 1 и 3 демонстрирует явное противоречие. Инвесторы проявляют высокую активность в Мозамбике, но, например, в последнем Индексе глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума ниже Мозамбика располагались лишь 4 страны мира: Демократическая Республика Конго, Чад, Йемен и Гаити. Французский совет инвесторов в Африку оценивает деловую среду Мозамбика на 2,5 балла из 5 (например, страдающая от терроризма Буркина-Фасо получила 2,6 балла), что позволило Мозамбику занять лишь 18-е место из 30 обследованных стран макрорегиона.

В подобных рейтингах, как правило, рассматривается соотношение инвестиционного потенциала страны и инвестиционных рисков, в числе которых могут быть выделены политические, социально-экономические, коммерческие, а также риск ограничения конвертируемости и перевода валюты, риск экспроприации собственности и пр. Поскольку Мозамбик занимает в этих рейтингах достаточно скромное место, логично предположить, что риски в Мозамбике в теории перевешивают потенциал. Однако на практике, как видно по объему накопленных ПИИ, все указанные риски не являются большим препятствием для инвесторов, и важным фактором инвестиционной привлекательности Мозамбика остается его природно-ресурсный потенциал.

В частности, Мозамбик располагает крупными месторождениями природного газа (на шельфе открыты в 2010 г.), каменного угля, титана, тантала, графита, бокситов, железных руд, изумрудов, алмазов. Активность иностранных инвесторов в Мозамбике в значительной мере связана с его природными ресурсами, и, хотя природное богатство отмечается в ряде вышеупомянутых рейтингов (так, в докладе *Rand Merchant Bank* основным драйвером развития экономики Мозамбика названа газовая промышленность), это не находит адекватного отражения в итоговой количественной оценке инвестиционной привлекательности.

Вместе с тем официальная статистика ПИИ не всегда корректно отражает реальную активность иностранных инвесторов из-за активного использования офшорных зон, поэтому далее будут рассмотрены примеры деятельности в Мозамбике конкретных акторов.

Инвестиции ОАЭ

Как видно по представленной выше статистике, ОАЭ являются крупнейшим инвестором в экономику Мозамбика (около 30% всего объема накопленных инвестиций). Кроме того, по данным на 2024 г., ОАЭ находится на 4-м месте по объему импорта в Мозамбик (531 млн долла-

ственный. В других лузофонных странах Африки, Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи, прямых бразильских инвестиций нет вообще (по официальной статистике), а данные по Гвинее-Бисау засекречены, что может говорить о том, что в экономику этой страны инвестировали 1-2 бразильские компании, и речь идет о небольших объемах [2]. Несмотря на то что наличие португальского языка считается преимуществом, бразильским компаниям требуются и экономические обоснования для инвестиций, в частности, природно-ресурсный потенциал страны, который имеется у Мозамбика и Анголы.

Что касается отраслевой структуры инвестиций, то наибольшее количество бразильских проектов в Африке на данный момент связано с компаниями добывающей промышленности, строительными и инженеринговыми ТНК [5].

Португалия находится на 3-м месте по объему накопленных ПИИ в Мозамбике, если не считать офшорные юрисдикции (см. выше). При рассмотрении инвестиционной активности Португалии в Африке в целом прежде всего нужно отметить большое количество стран, данные по которым конфиденциальны (это характерно и для инвестиций Бразилии). Однако даже имеющаяся в открытом доступе статистика вполне позволяет сделать выводы о страновых приоритетах Португалии и о факторах, которые детерминируют распределение ее прямых инвестиций по макрорегиону. Как и для Бразилии, большое значение для Португалии имеет колониальное прошлое и фактор общего португальского языка: явными лидерами по объему накопленных португальских инвестиций являются Мозамбик и Ангола. К лидерам второго порядка можно отнести Кабо-Верде (еще одна лузофонная страна), Марокко и Алжир (географически близкие к Португалии страны с достаточно мощной экономикой) [7. – С. 47].

Фактор языка оказывает значительное влияние на направление инвестиций участников Содружества португалоязычных стран (*CPLP*), но он не является определяющим, так как инвестиции в основном привлекают страны со значительным природно-ресурсным потенциалом (Мозамбик и Ангола), а не, к примеру, Сан-Томе и Принсипи.

Инвестиции Южной Кореи

К числу основных инструментов, используемых для наращивания инвестиционного присутствия южнокорейских компаний в Африке, можно отнести форум «Корея – Африка» (первый состоялся в 2006 г., последний – в 2022 г.)¹ и Саммит Корея – Африка (первый – в 2024 г.)².

¹ См.: Outcome of 5th Korea-Africa Forum. – URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322014

² См.: Korea-Africa Summit 2024. – URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/events/2024-korea-africa-summit-71032>

Функционирует также агентство *Korea – Africa Foundation*, подконтрольное МИД, задачей которого, помимо развития дипломатических связей со странами макрорегиона, является налаживание диалога по африканской тематике между частным и государственным сектором южнокорейской экономики [20. – Р. 12].

Проект по добыче газа на шельфе Мозамбика *Coral Sul FLNG* в настоящее время реализуется концессионерами Зоны 4 в бассейне Рувума во главе с *Mozambique Rovuma Venture SpA (MRV)*. Доля участия Корейской газовой корпорации (*KOGAS*) составляет 10% [6], при этом 70% принадлежат совместному предприятию, совладельцами которого являются *Eni* (Италия), *ExxonMobil* (США) и *CNODC* (КНР), 10% – *ENH* (Мозамбик), еще 10% – *Galp Energia Rovuma B.V.* (Португалия).

В рамках работ, описанных в Концессионном контракте на разведку и добычу нефти, концессионеры обнаружили 77 трлн футов³ природного газа. Проект *Coral Sul* предусматривает проектирование плавучей установки с годовой производственной мощностью 3,37 млн т по сжижению природного газа, которая будет развернута на шельфе за счет использования ресурсов изолированного резервуара *Coral Sul* с потенциальными ресурсами до 15,7 трлн футов³ и открытием 6 газовых скважин.

Инвестиции в этот проект составляют 7 млрд долларов. Ожидается, что он принесет прямую прибыль в размере 39,1 млрд долларов, из которых около 19,3 млрд долларов в течение 25 лет получит Мозамбик за счет налогов, бонусов, сборов и участия в прибыли¹.

Данный проект имеет для Южной Кореи стратегический характер, так как страна заинтересована в поставках газа из Мозамбика для нужд собственной экономики. В этом ракурсе Мозамбик особенно привлекателен для Южной Кореи тем, что обе страны являются частью Индо-Тихоокеанского региона, что определяет относительную транспортную привлекательность Мозамбика для этой азиатской страны.

Политика по привлечению ПИИ в Мозамбике

Помимо выявленных выше факторов, инвестиционную привлекательность Мозамбика также определяет внутренняя активность по привлечению инвестиций, причем на этом направлении в последние годы страной проведена достаточно большая работа.

Прежде всего, нужно отметить новый закон об инвестициях, принятый в 2023 г. (*Lei n. 8/2023*) [15], устанавливающий правовой режим, основы и общие принципы, применимые к частным инвестициям в республике, определяет налоговые и неналоговые гарантии и стимулы для ин-

¹ Coral Sul FLNG Project Has Channelled 34 Million Dollars To Mozambican State Cooffers. – URL: <https://aimnews.org/2023/06/01/coral-sul-flng-project-has-channelled-34-million-dollars-to-mozambican-state-cooffers/>

весторов. Документ призван содействовать совершенствованию инвестиционной и деловой среды в стране, учитывая глубокие изменения, произошедшие с момента принятия предыдущего подобного закона в 1993 г., отвечает текущему контексту и динамике национальной, региональной и мировой экономики.

Кроме того, с 2016 г. в стране функционирует Агентство по продвижению инвестиций и экспорта (*Agência de Promoção de Investimentos e Exportações – APIEX*). В его задачи входят разработка и реализация действий, направленных на продвижение и управление частными и государственными инвестициями мозамбикского или иностранного происхождения; содействие и координация деятельности, связанной с созданием, развитием и управлением особыми экономическими зонами; содействие национальному экспорту.

APIEX активно проводит мероприятия, направленные на привлечение иностранных инвестиций, выпускает ряд докладов, среди которых можно выделить перечень инвестиционных возможностей. В документе приведены конкретные проекты, в финансировании которых могут участвовать иностранные инвесторы. Представлены возможности в следующих сферах: энергетике, сельском хозяйстве, туризме, транспорте, индустриальных парках, недвижимости, инфраструктуре, в том числе связанной с водным хозяйством [16].

Тем не менее важно отметить, что, по оценке мозамбикских экономистов, между реальным развитием и увеличением объема ПИИ не всегда наблюдается прямая связь [18; 19], поэтому важную роль играют характер инвестиций и наличие действительно широкого круга выгодополучателей в самой стране.

Выводы

1. Фактор природно-ресурсного потенциала не имеет значительного веса в различных международных рейтингах привлекательности стран для иностранного капитала, что предопределяет относительно невысокое место в них Мозамбика. При этом страна входит в пятерку лидеров по объему накопленных ПИИ среди стран Африки.

2. Выявленное противоречие позволяет считать природно-ресурсный потенциал важным фактором инвестиционной привлекательности Африки в целом и Мозамбика в частности. Перспективными являются исследования новых, более точных и актуальных подходов к оценке инвестиционной привлекательности стран мира.

3. К факторам инвестиционной привлекательности Мозамбика, помимо большого природно-ресурсного потенциала (включая сельское хозяйство), можно отнести выгодное географическое положение и активную внутреннюю политику по привлечению инвестиций. Кроме того,

страна является важной частью португалоязычного мира, что повышает интерес к ней со стороны Португалии и Бразилии.

4. На примере Мозамбика хорошо прослеживается тенденция повышения роли незападных экономических акторов в Африке, например, ОАЭ и Южной Кореи. Сегодня Африканский макрорегион выступает ареной для новой, постнеоколониальной схватки за его ресурсы, одним из центров которой является Мозамбик. Важную роль в более справедливом использовании и распределении мировых ресурсов может и должна сыграть Россия, отличительная особенность сотрудничества которой с африканскими странами – упор на науку, технологии и образование, с помощью которых можно обрести подлинный суверенитет.

Список литературы

1. *Абрамова И. О., Фитуни Л. Л.* Адаптация «африканского вектора» внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте // Ученые записки Института Африки РАН. – 2017. – № 1. – С. 24–36.
2. *Кузнецов А. В.* Перспективы диверсификации российских прямых инвестиций за рубежом // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 1. – С. 103–113.
3. *Нво Нво Нзанг Б. Б.* Особенности привлечения иностранных инвестиций в экономику стран Центральной Африки : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. – М., 2007.
4. *Приходько Д. В., Шеров-Игнатъев В. Г.* Информационно-коммуникационные технологии: влияние на внешнюю торговлю африканских стран // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – № 1 (41). – С. 177–196. – DOI: 10.21686/2410-7395-2025-1-177-196.
5. *Сатуицков А. Л.* Экспансия ТНК Бразилии в Африке // Латинская Америка. – 2015. – № 10. – С. 26–35.
6. *Со Е.* Бизнес KOGAS в сфере разведки и добычи газа: проект Mozambique Area-4 // Газовая промышленность. – 2019. – № 8 (788). – С. 32–35.
7. *Сугаков Г. К.* Географический анализ активности иностранных инвесторов (на примере Африки) // Географический вестник. – 2021. – № 4 (59). – С. 42–58. – DOI: 10.17072/2079-7877-2021-4-42-58
8. *Сугаков Г. К.* Масштабность экономического потенциала страны как фактор распределения инвестиций на примере малых островных государств Африки // Ученые записки Института Африки РАН. – 2023. – № 3 (64). – С. 48–58. – DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-48-58.
9. *Сугаков Г. К.* Сравнительная оценка инвестиционной привлекательности стран Африки для российского капитала // Ученые записки

Института Африки РАН. – 2019. – № 4 (49). – С. 118–126. – DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-118-126.

10. Токарев А. А. Интеграция Сообщества португалоязычных стран: «розы и шипы» // Проблемы национальной стратегии. – 2024. – № 2 (83). – С. 120–143. – DOI: 10.52311/2079-3359_2024_2_120.

11. Токарев А. А. Приоритеты сотрудничества португалоязычных стран Африки с азиатскими центрами силы // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 3 (78). – С. 144–167. – DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_144.

12. Фитунни Л. Л. Иностраннный капитал в Африке: теории, стратегии, новации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.

13. Шелковников А. И. Портово-логистическое измерение стратегии ОАЭ в Африке // Азия и Африка сегодня. – 2024. – № 11. – С. 71–79. – DOI: 10.31857/S0321507524110093.

14. Шкваря Л. В. Текстильная промышленность ССАГПЗ: диалектика развития и новые возможности экспорта // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – №. 10-1. – С. 140–148. – DOI: 10.17513/vaael.3003.

15. Boletim da República. – 2023. – N 111. I Serie. – URL: [https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2023/parcerias-publico-privadas/4PP\)%20Lei_8_2023%20Lei%20do%20Investimento%20Privado.pdf](https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2023/parcerias-publico-privadas/4PP)%20Lei_8_2023%20Lei%20do%20Investimento%20Privado.pdf)

16. Book of Investment Opportunities. – URL: <https://apiex.gov.mz/wp-content/uploads/2023/08/book-of-opportunities.pdf>

17. Damgaard J., Elkjaer T. The Global FDI Network: Searching for Ultimate Investors // IMF Working Papers, 2017. – November 17.

18. de Sousa Y. V. S., Nhabinde S. Impacto do investimento estrangeiro no crescimento económico em Moçambique (2000–2020) // E-Acadêmica. – 2024. – Vol. 5. – N 3. – P. e2153583–e2153583.

19. Mocha A. A. Impacto do Investimento Directo Estrangeiro em Moçambique – Análise da Influência do Investimento da Mozal. – URL: https://www.researchgate.net/publication/384678449_IMPACTO_DO_INVESTIMENTO_DIRECTO ESTRANGEIRO EM MOCAMBIQUE_-ANALISE_DA_INFLUENCIA_DO_INVESTIMENTO_DA MOZAL

20. Nicolas F. Korea in Africa: between Soft Power and Economic Interests // Études de l'Ifri. – Ifri, 2020. – January.

References

1. Abramova I. O., Fituni L. L. Adaptatsiya «afrikanskogo vektora» vneshneekonomicheskoy politiki RF k menyayushcheysya ekonomicheskoy konyunktury na kontinente [Adaptation of the "African Vector" of the Foreign Economic Policy of the Russian Federation to the Changing Economic Situation on the Continent]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Scientific Notes of the Institute for African Studies RAS], 2017, No. 1, pp. 24–36. (In Russ.).
2. Kuznetsov A. V. Perspektivy diversifikatsii rossiyskikh pryamykh investitsiy za rubezhom [Prospects for the Diversification of Russian Direct Investments Abroad]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2017, No. 1, pp. 103–113. (In Russ.).
3. Nvo Nvo Nzang B. B. Osobennosti privlecheniya inostrannykh investitsiy v ekonomiku stran Tsentralnoy Afriki. Avtoref. Diss. [Features of Attracting Foreign Investments in the Economy of Central African countries. PhD, kand. ekon. nauk. sci. diss.]. Moscow, 2007. (In Russ.).
4. Prikhodko D. V., Sherov-Ignatev V. G. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii: vliyanie na vneshnyuyu trgovlyu afrikanskikh stran [Information and Communication Technologies: the impact on the Foreign Trade of African Countries]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy], 2025, Vol. 11, No. 1 (41), pp. 177–196. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2025-1-177-196.
5. Sapuntsov A. L. Ekspansiya TNK Brazillii v Afrike [Brazil's TNC Expansion in Africa]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2015, No. 10, pp. 26–35. (In Russ.).
6. So E. Biznes KOGAS v sfere razvedki i dobychi gaza: proekt Mozambique Area-4 [KOGAS Business in the Field of Gas Exploration and Production: the Mozambique Area-4 Project]. *Gazovaya promyshlennost* [Gas Industry], 2019, No. 8 (788), pp. 32–35. (In Russ.).
7. Sugakov G. K. Geograficheskiy analiz aktivnosti inostrannykh investorov (na primere Afriki) [Geographical Analysis of Foreign Investor Activity (Case Study of Africa)]. *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 2021, No. 4 (59), pp. 42–58. (In Russ.). DOI: 10.17072/2079-7877-2021-4-42-58
8. Sugakov G. K. Masshtabnost ekonomicheskogo potentsiala strany kak faktor raspredeleniya investitsiy na primere malykh ostrovnykh gosudarstv Afriki [The Scale of a Country's Economic Potential as a Factor in Investment Allocation Using the Example of Small Island States in Africa].

Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Scientific Notes of the Institute for African Studies RAS], 2023, No. 3 (64), pp. 48–58. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-48-58.

9. Sugakov G. K. Sravnitel'naya otsenka investitsionnoy privlekatelnosti stran Afriki dlya rossiyskogo kapitala [Comparative Assessment of the Investment Attractiveness of African Countries for Russian Capital]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Scientific Notes of the Institute for African Studies RAS], 2019, No. 4 (49), pp. 118–126. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-118-126.

10. Tokarev A. A. Integratsiya Soobshchestva portugaloyazychnykh stran: «rozy i shipy» [Integration of the Community of Portuguese-speaking Countries: «Roses and Thorns»]. *Problemy natsionalnoy strategii* [Problems of National Strategy], 2024, No. 2 (83), pp. 120–143. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2024_2_120.

11. Tokarev A. A. Prioritety sotrudnichestva portugaloyazychnykh stran Afriki s aziatskimi tsentrami sily [Priorities of Cooperation between Portuguese-Speaking African Countries and Asian Centers of Power]. *Problemy natsionalnoy strategii* [Problems of National Strategy], 2023, No. 3 (78), pp. 144–167. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2023_3_144.

12. Fituni L. L. Inostranny kapital v Afrike: teorii, strategii, novatsii [Foreign Capital in Africa: Theories, Strategies, Innovations]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformation: Politics, Economics, Law], 2020, Vol. 13, No. 6, pp. 6–29. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.

13. Shelkovnikov A. I. Portovo-logisticheskoe izmerenie strategii OAE v Afrike [The Port and Logistics Dimension of the UAE's Strategy in Africa]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2024, No. 11, pp. 71–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524110093.

14. Shkvarya L. V. Tekstilnaya promyshlennost SSAGPZ: dialektika razvitiya i novye vozmozhnosti eksporta [GCC Textile Industry: Development Strategy and New Export Opportunities]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2023, No. 10-1, pp. 140–148. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.3003.

15. Boletim da República, 2023, No. 111, I Serie. Available at: [https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2023/parcerias-publico-privadas/4PP\)%20Lei_8_2023%20Lei%20do%20Investimento%20Privado.pdf](https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2023/parcerias-publico-privadas/4PP)%20Lei_8_2023%20Lei%20do%20Investimento%20Privado.pdf)

16. Book of Investment Opportunities. Available at: <https://apiex.gov.mz/wp-content/uploads/2023/08/book-of-opportunities.pdf>

17. Damgaard J., Elkjaer T. The Global FDI Network: Searching for Ultimate Investors. *IMF Working Papers*, 2017, November 17.

18. de Sousa Y. V. S., Nhabinde S. Impacto do investimento estrangeiro no crescimento económico em Moçambique (2000–2020). *E-Acadêmica*, 2024, Vol. 5, No. 3, pp. e2153583–e2153583.

19. Mocha A. A. Impacto do Investimento Directo Estrangeiro em Moçambique – Análise da Influência do Investimento da Mozal. Available at: https://www.researchgate.net/publication/384678449_IMPACTO_DO_INVESTIMENTO_DIRECTO ESTRANGEIRO EM MOCAMBIQUE_-_ANALISE_DA_INFLUENCIA_DO_INVESTIMENTO_DA MOZAL

20. Nicolas F. Korea in Africa: between Soft Power and Economic Interests. *Études de l'Ifri*. – Ifri, 2020, January.

Поступила: 29.12.2025

Принята к печати: 05.02.2026

Сведения об авторе

Глеб Константинович Сугаков
кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра
глобальных и стратегических
исследований Института Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской
академии наук, 123001, Москва,
ул. Спиридоновка, 30/1.
ORCID: 0000-0001-6270-209X
E-mail: g.sugakov@inafr.ru

Information about the author

Gleb K. Sugakov
PhD, Researcher, Centre for Global
and Strategic Studies Institute
for African Studies of the RAS.
Address: Institute for African Studies
of the RAS, 30/1 Spiridonovka Street,
Moscow, 123001,
Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6270-209X
E-mail: g.sugakov@inafr.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2026-1-208-224>

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ США И МАЛИ: ТОРГОВЛЯ, ИНВЕСТИЦИИ И ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ¹

А. А. Крупина, А. Ю. Шарова

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия

В статье рассматривается динамика экономического взаимодействия США и Республики Мали на современном этапе с акцентом на торговые отношения, инвестиционную активность и помощь развитию. Анализируются структурные особенности экономики Мали, ресурсный потенциал страны и факторы, определяющие интерес США к сотрудничеству. Показано, что двусторонний товарооборот остается ограниченным и характеризуется асимметричной структурой: США выступают поставщиком промышленной и технологической продукции, тогда как экспорт Мали представлен преимущественно сырьевыми и сельскохозяйственными товарами. Рассмотрена динамика американских вложений, включая прямые инвестиции и финансирование программ развития, а также их зависимость от политической и экономической ситуации в регионе. Отмечается постепенная трансформация американского присутствия от масштабных программ помощи к более прагматичной модели, ориентированной на участие в проектах в добывающем секторе. Сделан вывод о том, что Мали занимает периферийное место во внешнеэкономической системе США, однако сохраняет потенциальную значимость в контексте ресурсного сотрудничества и региональной стабильности. Результаты исследования могут быть использованы при анализе внешнеэкономической политики США в странах Африки и оценке перспектив торгово-инвестиционного взаимодействия с государствами Сахеля.

Ключевые слова: международная торговля, внешнеэкономические отношения, Африка, Сахель, сырьевые ресурсы, экономическая политика.

ECONOMIC INTERACTION BETWEEN THE UNITED STATES AND MALI: TRADE, INVESTMENT, AND DEVELOPMENT ASSISTANCE²

Anna A. Krupina, Anna Yu. Sharova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article examines the dynamics of economic interaction between the United States and the Republic of Mali at the present stage, with a focus on trade relations, investment activity and

¹ Статья подготовлена по материалам исследований по теме государственного задания ИАФР РАН № FMZE-2025-0012 «Пространственные векторы экономических и демографических трансформаций в странах и регионах Африки в эпоху новой многополярности».

² The research was conducted as part of the Institute for African Studies RAS State Assignment, Project No. FMZE-2025-0012 "Spatial vectors of economic and demographic transformations in African countries and regions in the era of new multipolarity".

development assistance. The structural features of Mali's economy, the country's resource potential and the factors shaping U.S. interest in cooperation are analyzed. It is shown that bilateral trade remains limited and is characterized by an asymmetric structure: the United States acts primarily as a supplier of industrial and technological products, while Mali's exports consist mainly of raw materials and agricultural goods. The dynamics of U.S. financial involvement, including foreign direct investment and development program funding, as well as their dependence on the political and economic situation in the region, are examined. A gradual transformation of the U.S. presence is noted: from large-scale aid programs toward a more pragmatic model focused on participation in extractive sector projects and securing access to natural resources. The study concludes that Mali occupies a peripheral position in the U.S. external economic system but retains potential significance in the context of resource cooperation and regional stability. The findings may be useful for analyzing U.S. foreign economic policy in African countries and assessing the prospects for trade and investment cooperation with the states of the Sahel region.

Keywords: international trade, external economic relations, Africa, Sahel, natural resources, economic policy.

Актуальность

В 2025 г. в связи со сменой администрации в США произошли значительные изменения в подходах к международной политике и внешнеэкономической стратегии страны. Дональд Трамп, начавший свой второй президентский срок, инициировал пересмотр системы американской внешней помощи и деятельности некоторых государственных структур. В результате этого курса было принято решение о закрытии Агентства США по международному развитию (*USAID*), которое функционировало с 1961 г. и финансировало широкий спектр гуманитарных, образовательных, экономических и инфраструктурных проектов по всему миру. Кроме того, в декабре 2025 г. была представлена новая Стратегия национальной безопасности США¹, в которой африканское направление занимает не такую важную позицию. Подход США смещается в сторону прагматичной политики, нацеленной на обеспечение доступа к энергетическим ресурсам и критически важным минералам. Современная политика Белого дома в Африке ориентирована не столько на применение инструментов классической дипломатии, сколько на экономическое сотрудничество и выгодные проекты.

Вместе с тем в последние годы наблюдаются существенные сдвиги политического ландшафта региона Западной Африки, связанные с сокращением присутствия Франции и утратой ею статуса ключевого внешнего актора.

¹ См.: National Security Strategy of the United States of America. 2025. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

Выбор Мали в качестве объекта анализа отношений с США обусловлен тем, что именно это государство стало первым из числа участников Альянса государств Сахеля (АГС), где произошел государственный переворот в 2021 г., в результате которого к власти пришло переходное правительство во главе с Ассими Гоитой, приведший к разрыву с Францией, занимавшей доминирующее положение в политико-экономическом и военном пространстве региона. Этот шаг стал не только выражением стремления к пересмотру прежней модели зависимости, но и отправной точкой формирования новой архитектуры внешних связей, открывшей потенциальные возможности сотрудничества для других внешних игроков. В настоящее время отношение стран АГС к Франции остается негативным, в отличие от сравнительно нейтрального отношения к США. Достаточно выраженным стал интерес России к странам АГС. При этом Мали, Буркина-Фасо и Нигер открыты к сотрудничеству с Москвой. Все указанные факторы доказывают необходимость перестройки внешних связей Мали, что скажется в дальнейшем на расстановке сил в системе международных отношений Сахеля.

Цель исследования – определение динамики и специфики экономического сотрудничества США и Мали для выявления основных тенденций, факторов, ограничивающих американское присутствие, а также перспектив экономического взаимодействия в будущем.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке экономического присутствия США в Мали в контексте трансформации международной обстановки, что позволяет проследить долгосрочные изменения в инвестиционной политике США в отношении данного государства.

По теме исследования представлена научная литература как российских, так и зарубежных авторов, которую можно разделить на несколько групп.

Первая группа включает исследования, посвященные в целом политике США в Африке и в зоне Сахеля. А. Ю. Урнов в серии монографий рассмотрел изменения курса Вашингтона в отношении континента при различных администрациях [6; 7; 8]. Х. Леллу анализирует американскую стратегию на континенте в контексте новой холодной войны [16], а Дж. Чин и Х. Бартос [12; 13] рассматривают цели и инструменты африканской политики Вашингтона. Отдельное внимание уделяется провалу контртеррористической активности США в Сахеле: Юань Чжу и В. Гао [18] демонстрируют, почему военное участие не привело к заявленным целям стабилизации. При этом Р. Форд предлагает не отделять поддержку демократии от вопросов безопасности [15]. В статье Д. А. Дегтерева и Т. Н. Кириковой [4] анализ африканской политики Д. Трампа представ-

лен в контексте снижения роли международной помощи в африканской стратегии США.

Вторая группа охватывает литературу, касающуюся политики Франции в Африке. В работах В. Р. Филиппова изучается французская и африканская политика эпохи Э. Макрона, показана постепенная эрозия классической модели «Франсафрик» [9]. Исследования Ф. Фекира фокусируются на том, что безопасность и процветание самой Франции мыслится тесно связанным с контролем над ресурсами и коммуникациями Африки [14]. М.-А. Перуз де Монкло, опираясь на опыт операции «Бархан», демонстрирует системный характер ошибок Парижа в Сахеле и их связь с кризисом легитимности французского присутствия [17]. Г. Адела пишет о том, что западные контртеррористические операции в Сахеле воспринимаются как оккупация и создают новые конфликты [11]. Е. А. Абрамова и Д. А. Дегтерев показывают, как французский язык утрачивает роль инструмента внешнеполитического влияния [1].

Третий блок составляют работы отечественных ученых, анализирующих перспективы российско-африканского сотрудничества, такие как исследования И. О. Абрамовой [2], Л. Л. Фитуни [10], С. Н. Волкова [3], Е. Н. Корендясова и О. В. Константиновой [5] и др.

Общая экономическая ситуация в Республике Мали

Структурное развитие экономики страны остается очень медленным и характеризуется высокой зависимостью от сырьевых отраслей и низкой производительностью труда. Значительная часть населения занята в сельском хозяйстве, при этом существенных сдвигов за долгий период не наблюдается. В частности, с 1991 по 2021 г. доля населения, занятого в сельском хозяйстве, снизилась с 69,3 до 67,7%. Доля промышленности за данный период увеличилась лишь на 2%¹. Текущее правительство выделяет приблизительно 12% годового бюджета на развитие сельскохозяйственного сектора и поощряет как внутренние, так и иностранные инвестиции в эту отрасль. Производство в Мали включает текстиль, косметику, батареи, краски, пластмассы, цемент, сигареты и напитки. Импорт страны составляют строительные материалы (включая цемент, который также производится на месте), химикаты (в особенности удобрения), фармацевтические препараты, транспортные средства, телекоммуникационное, горнодобывающее оборудование и большинство иных промышленных товаров².

¹ Mali Economic Outlook. African Development Bank Group. - URL: <https://www.afdb.org/en/countries/west-africa/mali/mali-economic-outlook>

² Mali Country Commercial Guide. International Trade Administration. - URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/mali-market-overview>

Рост реального ВВП Мали составил 3,5% в 2022 г., 4,7% – в 2023 г., 4,7% – в 2024 г., но данные темпы остаются недостаточными для качественного изменения структуры экономики страны. Кризис в электроэнергетическом секторе, стихийные бедствия, снижение объемов добычи золота замедляют динамику экономического роста. Более высокий, чем прогнозировалось, объем сельскохозяйственного производства частично компенсировал спад, в результате чего темпы роста в 2024 г. оказались в целом сопоставимыми с уровнем 2023 г. Рост инфляции с 2,1% в 2023 г. до 3,2% в 2024 г. был обусловлен главным образом повышением цен на продовольствие и нарушениями в цепочках поставок вследствие наводнений¹.

По данным Национального института статистики Мали (*Institut national de la statistique – INSTAT*), главной статьей экспорта Мали является золото². После разрыва отношений с Францией Республика Мали стала проводить диверсификацию партнеров. Крупнейшим направлением поставок в 2024 г. стала ЮАР, на которую в четвертом квартале 2024 г. пришлось около 212,2 млрд франков КФА экспортной выручки, далее следуют Швейцария с объемом 189,4 млрд франков КФА и Австралия – 51,5 млрд франков КФА.

Внутрирегиональные направления существенно меньше по масштабу. Например, экспорт в Кот-д’Ивуар составил 21,8 млрд франков КФА, а в Сенегал – 19,2 млрд франков КФА. Поставки в США несоизмеримо меньше (около 6 млрд франков КФА) объемов экспорта в указанные выше страны и подтверждают второстепенную роль США в структуре экспорта малийского золота.

Торговые отношения США и Мали

Мали не является крупным торговым партнером США, но в последние годы экспорт американских товаров в страну постепенно увеличивается. На рис. 1 представлена динамика торговли между США и Мали в 2001–2024 гг.

За рассматриваемый период товарооборот между США и Мали остается ограниченным. Объемы экспорта США в Мали варьировались от 30 до 100 млн долларов в год при импорте не более 8 млн долларов, что указывает на преобладание односторонних товарных потоков. Основу

¹ Mali: 2025 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Mali. IMF. – P. 3. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/cr/issues/2025/09/10/mali-2025-article-iv-consultation-press-release-staff-report-and-statement-by-the-executive-570204>

² См.: Institut national de la statistique (INSTAT). Note trimestrielle du commerce extérieur. 4e trimestre 2024. – Bamako : INSTAT, 2025. – P. 12–17. – URL: https://www.instat-mali.org/laravel-filemanager/files/shares/pub/cmex-ctci4t24_pub.pdf

поставок из Мали в США составляют растительные экстракты и смолы, жиры и масла растительного происхождения и переработанные продукты из фруктов и орехов¹. Товарооборот остается минимальным и слабо диверсифицированным. Несмотря на ключевую роль золота в экспортной структуре Мали в целом, его поставки на американский рынок либо не представлены, либо носят эпизодический характер и не оказывают заметного влияния на двусторонний товарооборот. Товары с высокой добавленной стоимостью также не фигурируют в импорте США из Мали. Потенциал торгового оборота остается крайне ограниченным. В результате торговля не выступает самостоятельным источником роста, а выполняет вспомогательную функцию в рамках более широких механизмов развития и присутствия США в регионе.

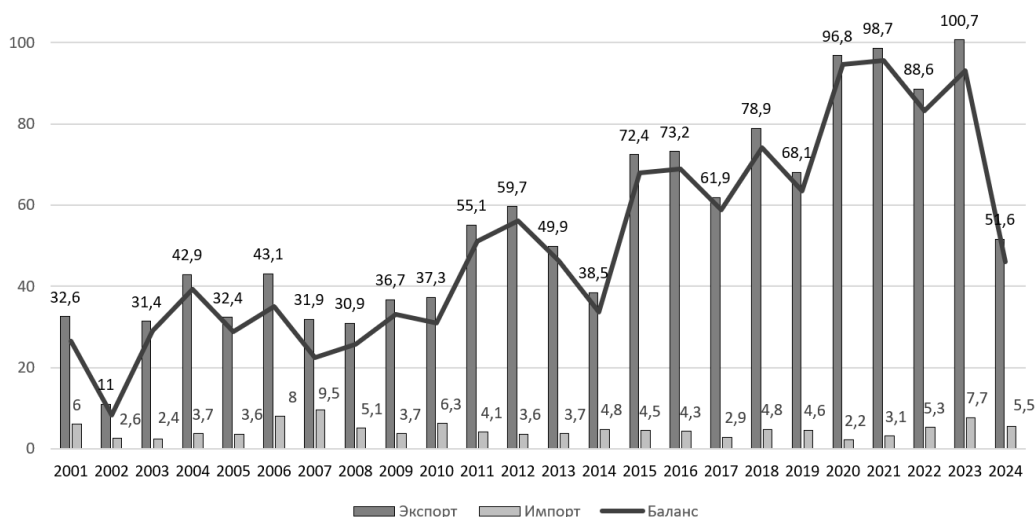

Рис. 1. Торговля товарами США с Мали в 2001–2024 гг. (в млн долл.)²

Основу экспорта из США в Мали составляют машины и механическое оборудование, электрические устройства, транспортные средства, изделия из пластмасс, а также продукция химической промышленности. Существенными остаются поставки изделий из железа и стали, неорганических химикатов и оптических и медицинских приборов. В 2023 г. в 6 раз выросли поставки удобрений по сравнению с 2022 г. (резкий рост с 4,4 до

¹ URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c466%7c%7c842%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

² Trade in Goods with Mali. US Census Bureau. – URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c7450.html>

26,9 тыс. долларов)¹. Таким образом, структура импорта отличается высокой долей технологически сложной продукции и отражает низкий уровень развития малийской промышленности на данном этапе.

Ресурсный потенциал Мали как фактор инвестиционного интереса

Мали занимает третье место в Африке после ЮАР и Ганы по добыче золота. В стране находятся крупные месторождения бокситов и железной руды, имеются запасы урана. В табл. 1 представлены данные по производству золота и цемента в Мали в 2015–2021 гг.

Т а б л и ц а 1
Добыча золота и производство цемента в Мали, 2015–2021 гг.*

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Золото, кг	40 889	41 356	46 483	55 029	61 000	65 300	50 650
Цемент, тыс. т	630	630	670	1 000	1 540	1 700	1 800

* Составлено по: 2019 Minerals Yearbook. – URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2019/myb3-2019-mali.pdf>; The Mineral Industry of Mali, 20–21 tables-only release. USGS, 2024. – URL: <https://www.usgs.gov/media/files/mineral-industry-mali-20-21-tables-only-release-xlsx>

Геологическая служба США (*United States Geological Survey – USGS*) фиксирует постепенное наращивание объемов производства ряда ресурсов. Согласно данным *USGS*, добыча золота, которое остается основным экспортным ресурсом Мали, устойчиво росла с 2015 по 2020 г. В 2021 г. наблюдался спад рассматриваемого показателя, что связано с мировой пандемией. С 2022 г. рост добычи золота в Мали возобновился, и в 2024 г. он достиг рекордного значения в 70 тыс. кг². Наряду с этим данные Геологической службы США фиксируют интенсивное развитие цементной промышленности, объем выпуска которой увеличился почти втрое – с 630 тыс. т в 2015–2016 гг. до 1,8 млн т в 2021 г. Дополнительно указано, что в стране могли добываться и другие ресурсы – алмазы, железная руда, соль, серебро, драгоценные камни, кварц и др., но данных для точной оценки не хватает³.

Золотодобывающий сектор Мали характеризуется преобладанием иностранных инвесторов, преимущественно из Канады и Австралии. Компании *Barrick Gold*, *B2Gold*, *Allied Gold*, *Robex Resources* и *Resolute Mining*

¹ URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c466%7c%7c842%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

² Mali Gold Production. CEIC Data. – URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/mali/gold-production>

³ The Mineral Industry of Mali, 20–21 tables-only release, 2024. – URL: <https://www.usgs.gov/media/files/mineral-industry-mali-20-21-tables-only-release-xlsx>

долгое время контролировали около 80% долей в совместных предприятиях по добыче золота. Принятый в 2023 г. новый горный кодекс Мали¹ закрепил переход к более активному участию государства в горнодобывающих проектах. Согласно статье 126, совокупная доля государства и национальных инвесторов увеличилась до 35%. Установленные нормы стали определяющими при заключении в 2024 г. новых соглашений с компаниями *Allied Gold* (проект по золотодобыче *Sadiola*), *Kodal Mining* (проект *Bougouni*) и *Ganfeng Lithium* (проект *Goulamina*)².

По состоянию на 2025 г. крупнейшие разведанные запасы лития в Мали сосредоточены на месторождении *Goulamina*, которое разрабатывает китайская компания *Ganfeng Lithium*. Запасы месторождения составляют около 52 млн т руды со средним содержанием 1,51% оксида лития (Li_2O)³. Вторым значимым литиевым проектом в стране является *Bougouni*, оператором которого выступает британская компания *Kodal Minerals*. В ноябре 2023 г. компания представила обновленную оценку ресурсов – 31,9 млн т при содержании 1,06% Li_2O ⁴. Сейчас литий рассматривается как стратегический ресурс, определяющий траекторию мирового энергетического и технологического развития. Он необходим для производства аккумуляторов, используемых в электромобилях и цифровых устройствах. Для Мали добыча лития способна обеспечить диверсификацию экспорта сырья и потенциальный рост валютных поступлений, создавая новые источники инвестиционной активности.

Осенью 2025 г. стало известно, что американская компания *Flagship Gold Corp.* подписала соглашение с малийским государственным холдингом *SOREM (Société de Recherche et d'Exploitation des Ressources Minérales)* о восстановлении золотого месторождения *Morila*. Этот проект стал первым примером участия американского капитала в Мали после вступления в силу нового горного кодекса⁵.

Так, мы видим возрождение американского интереса к горнодобывающему сектору Мали на фоне растущей конкуренции за доступ к ресурсам. В перспективе данное сотрудничество может выйти за рамки золоторудной отрасли и распространиться на разработку литиевых место-

¹ République du Mali. Journal officiel de la République du Mali. – 2023. – N 22. – URL: <https://sgg-mali.ml/JO/2023/mali-jo-2023-22.pdf>

² См.: Mali applies new mining code to gold and lithium projects. Ecofin Agency, 2025. – URL: <https://www.ecofinagency.com/news-industry/2209-48903-mali-applies-new-mining-code-to-gold-and-lithium-projects>

³ ASX Announcement. Leo Lithium, 2023. – URL: <https://api.investi.com.au/api/announcements/III/d8f19d64-f5b.pdf>

⁴ Bougouni Lithium Project. – URL: <https://kodalminerals.com/operations/bougouni-lithium-project>

⁵ См.: Mali revives flagship Morila gold mine with American partner, 2025. – URL: <https://apanews.net/mali-revives-flagship-morila-gold-mine-with-american-partner/>

рождений, что соответствует растущему вниманию США к обеспечению устойчивых цепочек поставок критически важных минералов.

Динамика американских вложений в Мали в 2001–2025 гг.

США занимают ведущие позиции в мировой экономике по объему экспорта прямых иностранных инвестиций¹. При этом их активность на африканском направлении остается ограниченной из-за геополитических и экономических рисков. Это относится как к потоку ПИИ, так и к объему накопленных американских инвестиций в Африке. Динамика ПИИ подвержена сильным годовым колебаниям, однако их поток в Африку остается наименьшим из всех регионов мира. Традиционными странами-реципиентами являются Египет, Нигерия, ЮАР.

В табл. 2 представлены потоки американских ПИИ в Африку и другие регионы мира в 2020–2024 гг.

Т а б л и ц а 2

Поток ПИИ из США по регионам мира, 2020–2024 гг.* (в млн долл.)

Регион	2020	2021	2022	2023	2024
Африка	1 817	212	2 157	5 276	-2 023
Европа	145 012	168 908	113 981	115 659	154 949
Латинская Америка	39 677	10 697	53 551	64 117	40 497
Ближний Восток	6 677	3 027	-1 746	1 098	11 759
Азиатско-Тихоокеанский регион	26 516	22 775	84 707	70 184	60 846

* Составлено по: U.S. Direct Investment Abroad: Balance of Payments and Direct Investment Position Data. – URL: <https://www.bea.gov/histdatacore/archive-us-direct-investment-abroad-balance-payments-and-direct-investment-position-data>

Так, объем накопленных американских инвестиций в Африке составил в 2024 г. почти 47,5 млрд долларов. Это наименьший показатель среди всех регионов мира. Для сравнения: рассматриваемый показатель на Ближнем Востоке достиг 92 млрд долларов, в Латинской Америке – 1 120, Азиатско-Тихоокеанском регионе – 1 132, Европе – 3 974 млрд долларов². При этом США входят в тройку крупнейших инвесторов в Африку по объему накопленных инвестиций наряду с ЕС и Китаем.

¹ См.: FDI in figures, 2025. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/04/fdi-in-figures-april-2025_bc1bf149/d5a76fd0-en.pdf

² U.S. Direct Investment Abroad: Balance of Payments and Direct Investment Position Data. – URL: <https://www.bea.gov/histdatacore/archive-us-direct-investment-abroad-balance-payments-and-direct-investment-position-data>

Одновременно с этим США активно вкладывают в Мали посредством помощи развитию. На рис. 2 представлена динамика государственных вложений США в Мали в 2001–2025 гг.

Из графика, приведенного ниже, следует, что в период с 2001 по 2024 г. наибольшая часть американских инвестиций производилась с помощью *USAID*. Исключение составляет период с 2009 по 2013 г., когда вложения через иные структуры американского правительства были значительно выше. Пик общих вложений США в Мали приходится на 2012 г., когда страна была потрясена туарегским восстанием.

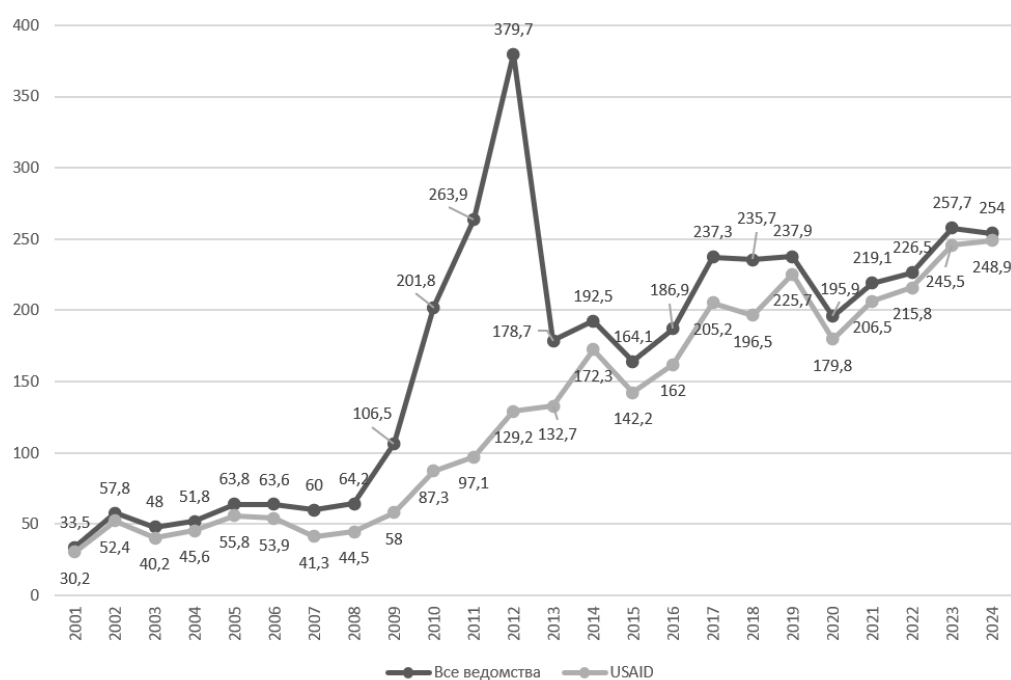

Рис. 2. Вложения США в программы Мали, 2011–2024 гг. (в млн долл.)¹

В 2012–2013 гг. около 3% американской помощи Мали составляла военная поддержка, тогда как в предыдущие годы этот показатель находился в диапазоне 0–2%, причем в основном он оставался на нулевом уровне. В последующие годы акцент в финансировании окончательно сместился в сторону экономической помощи. Что касается финансов, поступавших через Агентство международного развития, можно заметить устойчивую тенденцию к росту вложений, несмотря на обстановку в Ма-

¹ US Foreign Assistance by Country. Mali. – URL: <https://www.foreignassistance.gov/cd/mali/2023/disbursements/1>

ли. На графике можно увидеть некоторые колебания сумм, которые направлялись в страну, но их можно считать естественными.

Трансформация списка партнеров *USAID* отражает изменение подходов агентства к помощи Мали¹. В 2012–2014 гг. крупнейшими партнерами были структуры, специализирующиеся на образовательных инициативах и экономическом развитии (*Abt Associates, Education Development Center*). Однако к 2019 г. среди партнеров стало появляться все больше гуманитарных организаций, таких как *CARE International, Save the Children, Chemonics International*, и значительно больше средств стало уходить на оперативное реагирование на ситуацию в стране. В отчетных материалах Агентства содержание данной категории не раскрывается. К 2024 г. среди партнеров увеличилось число непрозрачных НПО и частных структур с маркировкой *United States Redacted* («засекречено США»), что свидетельствует о снижении открытости распределения средств и усилении скрытого влияния США в регионе.

С 2001 по 2008 г. Мали воспринималась США как стабильный партнер без приоритетного значения, соответственно, это был период ограниченного присутствия Вашингтона. США в целом были заинтересованы в оперативном реагировании на ситуацию в Мали и возможности влиять на процессы, протекающие в стране. После 2009 г. финансирование *USAID* в Мали претерпело значительные изменения. До этого периода вложения оставались относительно низкими (30–65 млн долларов), что отражало умеренное внимание США к стране, где ситуация была относительно стабильной.

Резкий рост вложений, начавшийся в 2010 г. и достигший пика в 2012 г. (379,7 млн долларов), совпал с малийским кризисом. На короткий срок наступил период экстренных мер поддержки. После 2013 г. финансирование сократилось почти вдвое, вероятно, из-за завершения экстренных мер, но затем стабилизировалось на более высоком уровне (160–250 млн долларов), что свидетельствует о долгосрочном интересе США в укреплении безопасности региона. Основное внимание уделяется программам здравоохранения, образования и демократического управления, что подчеркивает роль *USAID* как главного инструмента финансирования. При этом мировые и региональные кризисы продолжают влиять на динамику финансирования Мали: например, снижение в 2020 г. (179,8 млн долларов) было вызвано очередным государственным переворотом, а также влиянием пандемии *COVID-19*, но к 2023–2024 гг. объем средств снова увеличился, несмотря на провозглашаемую антиза-

¹ См.: US Foreign Assistance by Country. Mali. – URL: <https://www.foreignassistance.gov/cd/mali/2023/disbursements/1>

падную ориентацию новых властей, которая свидетельствует о корректировке стратегии США в ответ на изменение ситуации в Мали.

Анализ американской помощи Мали в сфере экономического развития отражает те же тенденции. В первой половине 2000-х гг. финансирование было умеренным – в среднем 3–9 млн долларов в год, при ведущей роли Корпуса мира. Существенный рост наблюдался в 2007 г., когда Корпорация «Вызовы тысячелетия» (МСС) реализовала крупный инфраструктурный проект объемом 423,9 млн долларов. Программа включала модернизацию международного аэропорта имени Модибо Кейты в Бамако, ранее известного как Бамако-Сену, и реконструкцию ирригационной и дорожной инфраструктуры в Нигере. После завершения этой программы объем помощи резко снизился и стабилизировался на уровне 20–35 млн долларов в год¹. С 2010-х гг. основным донором выступало Агентство США по международному развитию (*USAID*), на которое приходилось свыше 90% всех американских вложений в Мали. Поддержка концентрировалась на проектах в области сельского хозяйства, устойчивого развития и укрепления институтов управления. В 2023–2024 гг. зафиксированы вложения в размере 24,9 и 62,8 млн долларов соответственно. Скорее всего, эти суммы отражают финансирование ранее утвержденных проектов или обязательств, находящихся в стадии завершения, а не реализацию новых инициатив². Общая тенденция характеризуется переходом от масштабных инфраструктурных инвестиций к адресной поддержке и последующим сокращением активности США в связи с политическим кризисом в Мали. На современном этапе можно говорить о временной заморозке двусторонних программ развития при сохранении минимальных форматов сотрудничества.

Работу США в Мали через *USAID* и другие инструменты следует рассматривать не только как гуманитарную помощь, но и как продвижение интересов США. В условиях террористической угрозы и государственных переворотов адаптивность финансирования Мали демонстрирует прагматизм американской политики: некоторое сокращение помощи в периоды неопределенности и последующий рост указывают на гибкость американской стратегии. Для Мали такая активность имеет неоднозначные последствия: с одной стороны, финансовая поддержка действительно может способствовать развитию страны, а с другой – иностранные организации оказывают прямое экономическое воздействие, сохраняя высокий уровень зависимости от иностранных инвестиций. В данном контексте пересмотр функционирования американских про-

¹ US Foreign Assistance by Country. Mali. – URL: <https://www.foreignassistance.gov/cd/mali/2023/disbursements/1>

² Там же.

грамм в Мали становится важной задачей местного правительства для защиты национальных интересов страны.

Таким образом, эволюцию программ американской помощи Мали можно разделить на четыре этапа. До конца 2000-х гг. участие США оставалось умеренным, объемы помощи были сравнительно небольшими. В 2010–2012 гг. произошел резкий всплеск финансирования, что позволяет охарактеризовать данный этап как период экстренных мер. Далее, в середине 2010-х гг. сформировалась модель, когда главным инструментом стало *USAID*, а ресурсы направлялись прежде всего на здравоохранение, образование и управление. Фактически это была фаза доминирования гуманитарных программ. Наконец, с 2020 г. на фоне изменения внешнеполитических приоритетов Бамако произошел переход к пересмотру стратегии Вашингтона, которая по большей части нацелена на экономическое сотрудничество со странами Африки везде, где это может быть выгодно для США. В частности, в августе 2025 г. состоялась встреча министра иностранных дел Мали с американской делегацией. На данный момент сотрудничество находится на стадии обсуждения вопросов безопасности, экономики и инвестиций, в том числе в сфере здравоохранения для борьбы с малярией¹.

Примеры конкретных американских проектов в Мали показывают, что они не были рассчитаны на долгосрочную перспективу, а изначально являлись временными (3–5 лет) и ориентированными на быстрые результаты и получение репутационных дивидендов США. Ставка была сделана на повышение их роли как глобального лидера, способного оказывать помощь в рамках программ развития. При этом в Мали и других развивающихся государствах после прекращения финансирования происходит регресс, а достигнутые улучшения во многом нивелируются.

Выводы

В 2001–2025 гг. характер экономического присутствия США в Мали претерпел структурные изменения: от масштабных программ развития к сокращению объемов помощи и переориентации на инвестиционное сотрудничество. Современный этап характеризуется сравнительно низким уровнем интенсивности экономической активности США в Мали, однако одновременно фиксируется тенденция к постепенному возобновлению интереса к участию в стратегически значимых отраслях малийской экономики. Приоритетное внимание уделяется точечным инвестициям пока только в сырьевой сектор, что отражает общий пересмотр концепции внешнеэкономической политики Вашингтона и отход от модели донор-

¹ См.: Mali-USA: strengthening cooperation, 2025. – URL: <https://www.capmad.com/diplomacy-en/mali-usa-strengthening-cooperation/>

ства. В результате Мали все чаще рассматривается не как объект внешней помощи, а как потенциальный субъект глобальных цепочек поставок критически важных ресурсов.

В связи с этим можно говорить о переходе США к новой, более прагматичной модели экономического взаимодействия с африканскими государствами. В свою очередь малийское руководство в ближайшей перспективе, по-видимому, будет сохранять курс на диверсификацию внешнеэкономических связей и допускать к проектам компании из разных стран, но с заметной осторожностью, учитывая опыт прошлых лет.

Список литературы

1. *Абрамова Е. А., Дегтерев Д. А.* Политика франкофонии: остаточное влияние Франции в Сахеле? // Россия и современный мир. – 2025. – № 1. – С. 79–99.
2. *Абрамова И. О.* Россия – Нигер: диалог академий наук и возможности научно-образовательного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 12. – С. 5–15.
3. *Волков С. Н., Дейч Т. Л.* Развитие Африки: планы и участие внешних акторов // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 8. – С. 67–70.
4. *Дегтерев Д. А., Кирикова Т. Н.* «Стратегия без стратегии»: африканская политика Д. Трампа // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 4. – С. 37–57.
5. *Корендясов Е. Н., Константинова О. В.* Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 170–186.
6. *Урнов А. Ю.* Политика Администрации Дж. Байдена в Африке. Конец 2021 г. – начало 2023 г. – М. : Институт Африки РАН, 2023.
7. *Урнов А. Ю.* Политика США в Африке (конец 2022 – начало 2024 г.). – М. : Институт Африки РАН, 2024.
8. *Урнов А. Ю.* США – Африка: политика администрации президента Б. Обамы. 2015–2016 годы. Хроника событий. – М. : Институт Африки РАН, 2017. – 368 с.
9. *Филиппов В. Р.* Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). – М. : Институт Африки РАН. – 2023. – 214 с.
10. *Фитуни Л. Л.* Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 5. – С. 33–43.

11. Adela G. A Force for the Right Purpose? Rethinking Western COIN in the Sahel // *Journal of Military and Strategic Studies*. – 2023. – Vol. 20. – N 3. – P. 60–92.
12. Bartos H., Chin J. J. Biden’s Africa Policy Trilemma. – URL: <https://www.duckofminerva.com/2023/10/bidens-africa-policy-trilemma.html>
13. Chin J. J., Bartos H. Rethinking U.S. Africa Policy Amid Changing Geopolitical Realities // *Texas National Security Review*. – 2024. – Vol. 7. – N 2. – P. 114–132. – DOI: <https://doi.org/10.26153/tsw/52237>
14. Fekir F. La présence française en Afrique subsaharienne // *Revue d’études internationales et stratégiques*. – 2023. – Vol. 8. – N 2. – P. 645–666.
15. Ford R. U.S. Foreign Policy in the Sahel and the Case for a Revitalized “3R” Approach // *Liberty University Journal of Statesmanship and Public Policy*. – 2024. – Vol. 5. – N 1. – Article 5. – DOI: <https://doi.org/10.70623/MFGO1734>.
16. Lellou H. US Relations with Africa and the New Cold War // *Parameters*. – 2024. – Vol. 54. N 4. – P. 5–18.
17. Pérouse de Montclos M.-A. Lessons Not Learned: Ten Years of French Military Intervention in the Sahel // *The Journal of Modern African Studies*. – 2025. – Vol. 63. – N 1. – P. 51–62. DOI:10.1017/S0022278X25100906
18. Zhu Y., Gao W. The Sahel on the Edge of the Abyss? Why Has U.S. Counterterrorism Engagement Failed to Achieve Its Goal? // *Frontiers in Political Science*. – 2024. – Vol. 6. – DOI: <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1466715>

References

1. Abramova E. A., Degterev D. A. Politika frankofonii: ostatochnoe vliyanie Frantsii v Sakhele? [Francophonie Policy: Residual Influence of France in the Sahel?]. *Rossiia i sovremennyy mir* [Russia and the Contemporary World], 2025, No. 1, pp. 79–99. (In Russ.).
2. Abramova I. O. Rossiya – Niger: dialog akademiy nauk i vozmozhnosti nauchno-obrazovatel'nogo sotrudnichestva [Russia – Niger: Dialogue between Academies of Sciences and Opportunities for Scientific and Educational Cooperation]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2025, No. 12, pp. 5–15. (In Russ.).
3. Volkov S. N., Deych T. L. Razvitie Afriki: plany i uchastie vneshnikh aktorov [Africa’s Development: Plans and Participation of External Actors]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2025, No. 8, pp. 67–70. (In Russ.).
4. Degterev D. A., Kirikova T. N. «Strategiya bez strategii»: afrikanskaya politika D. Trampa [“Strategy Without Strategy”: Donald

Trump's Africa Policy]. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog* [Russia and the World: Academic Dialogue], 2023, No. 4, pp. 37–57. (In Russ.).

5. Korendyasov E. N., Konstantinova O. V. Nekotorye aspekty rossiysko-afrikanskogo sotrudnichestva na sovremennom etape [Some Aspects of Russian–African Cooperation at the Present Stage]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 170–186. (In Russ.).

6. Urnov A. Yu. Politika Administratsii Dzh. Baydena v Afrike. Konets 2021 g. – nachalo 2023 g. [The Policy of the Biden Administration in Africa. Late 2021 – Early 2023]. Moscow, Institut Afriki RAN, 2023. (In Russ.).

7. Urnov A. Yu. Politika SSHA v Afrike (konets 2022 – nachalo 2024 g.). [U.S. Policy in Africa (Late 2022 – Early 2024)]. Moscow, Institut Afriki RAN, 2024. (In Russ.).

8. Urnov A. Yu. SSHA – Afrika: politika administratsii prezidenta B. Obamy. 2015–2016 gody. Khronika sobytiiy. [U.S. – Africa: Policy of President B. Obama's Administration. 2015–2016. Chronicle of Events]. Moscow, Institut Afriki RAN, 2017. (In Russ.).

9. Filippov V.R. Afrikanskaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: khronika deystviy i evolyutsiya idey (2017–2022 gg.). [African Policy of President Emmanuel Macron: Chronicle of Actions and Evolution of Ideas (2017–2022)]. Moscow, Institut Afriki RAN, 2023. (In Russ.).

10. Fituni L. L. Rossiysko-afrikanskoe sotrudnichestvo v nauchno-tekhnicheskoy sfere: strategicheskii i operatsionny podkhody [Russian – African Cooperation in Science and Technology: Strategic and Operational Approaches]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], 2021, No. 5, pp. 33–43. (In Russ.).

11. Adela G. A Force for the Right Purpose? Rethinking Western COIN in the Sahel. *Journal of Military and Strategic Studies*, 2023, Vol. 20, No. 3, pp. 60–92.

12. Bartos H., Chin J. J. Biden's Africa Policy Trilemma. Available at: <https://www.duckofminerva.com/2023/10/bidens-africa-policy-trilemma.html>

13. Chin J. J., Bartos H. Rethinking U.S. Africa Policy Amid Changing Geopolitical Realities. *Texas National Security Review*, 2024, Vol. 7, No. 2, pp. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.26153/tsw/52237>

14. Fekir F. La présence française en Afrique subsaharienne. *Revue d'études internationales et stratégiques*, 2023, Vol. 8, No. 2, pp. 645–666.

15. Ford R. U.S. Foreign Policy in the Sahel and the Case for a Revitalized “3R” Approach. *Liberty University Journal of Statesmanship and Public Policy*, 2024, Vol. 5, No. 1, Article 5. DOI: <https://doi.org/10.70623/MFGO1734>.

16. Lellou H. US Relations with Africa and the New Cold War. *Parameters*, 2024, Vol. 54, No. 4, pp. 5–18.

17. Pérouse de Montclos M.-A. Lessons Not Learned: Ten Years of French Military Intervention in the Sahel. *The Journal of Modern African Studies*, 2025, Vol. 63, No. 1, pp. 51–62. DOI:10.1017/S0022278X25100906

18. Zhu Y., Gao W. The Sahel on the Edge of the Abyss? Why Has U.S. Counterterrorism Engagement Failed to Achieve Its Goal? *Frontiers in Political Science*, 2024, Vol. 6. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1466715>

Поступила: 12.01.2026

Принята к печати: 27.03.2026

Сведения об авторах

Анна Александровна Крупина
аспирант Института Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской академии наук, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
ORCID: 0009-0001-7457-4360
E-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

Анна Юрьевна Шарова
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН.
Адрес: Институт Африки Российской академии наук, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
ORCID: 0000-0003-4439-9028
E-mail: sharova.inafr@gmail.com

Information about the authors

Anna A. Krupina
PhD student, Institute for African Studies of the RAS.
Address: Institute for African Studies of the RAS, 30/1 Spiridonovka Street, Moscow, 123001, Russian Federation.
ORCID: 0009-0001-7457-4360
E-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

Anna Yu. Sharova
PhD, Senior Research Fellow,
Centre for Global and Strategic Studies
Institute for African Studies of the RAS.
Address: Institute for African Studies of the RAS, 30/1 Spiridonovka Street, Moscow, 123001, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-4439-9028
E-mail: sharova.inafr@gmail.com

Требования, предъявляемые к статье для публикации в журнале

Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

Структура статьи должна включать следующие обязательные элементы:

1. **Заглавие** статьи (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).
2. **Инициалы и фамилию** автора(ов).
3. **Резюме** статьи (200–250 слов).
4. **Ключевые слова** (5–10 слов).
5. **Основной текст** (не более 30 тыс. знаков).
6. **Список литературы**.
7. **Сведения об авторе** (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, включая почтовый индекс, научная специализация, e-mail).

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах даются на русском и английском языке, пристатейный библиографический список на русском языке должен быть транслитерирован латиницей и переведен на английский язык.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова) в англоязычной версии указывать как **Plekhanov Russian University of Economics**.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволят облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Авторское резюме статьи является кратким изложением научной работы. Результаты работы описывают предельно точно и информативно. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение. В авторском резюме не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии статьи.

1. *Основная часть* статьи должна содержать в себе теоретико-методологическую часть, в которой определяется и обосновывается выбор методов для решения поставленного вопроса или проблемы; демонстрацию количественных и качественных данных, полученных в ходе ре-

ализации указанных методов и методик; обобщение и встраивание полученных результатов в интеллектуальную историю исследуемого предмета. Статья должна быть написана языком, понятным как специалистам в данной области, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в обсуждении темы. Оригинальность текста должна быть более 80%.

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в **квадратных скобках** порядкового номера упоминаемого произведения из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого произведения [3. – С. 5].

Текст печатается в редакторе MS Word через полтора интервала с одной стороны бумаги формата А4 шрифтом Times New Roman размером 12 пт, страницы нумеруются.

Рисунки должны иметь расширение, совместимое с MS Word. Все буквенные обозначения на рисунках необходимо пояснить в основном или подрисуночном тексте. Подписи к рисункам и заголовки таблиц обязательны. Поскольку журнал печатается в одну краску, использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется.

В математических формулах греческие и русские буквы следует набирать прямым шрифтом, латинские – курсивом. Нумеровать необходимо только те формулы, на которые есть ссылки в последующем изложении. Нумерация формул сквозная.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных списка литературы. Один список литературы для русскоговорящих читателей оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (**References**) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Транслитерировать можно автоматически с помощью **translit.ru**, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи, поступающие в редакцию журнала, проходят обязательное «слепое» рецензирование. По решению редколлегии журнала статьи могут быть отправлены автору на доработку или отклонены по формальным или научным причинам (автору направляется мотивированный отказ). Вместе со статьей авторы передают в редакцию лицензионный договор и акт передачи.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Плата за публикацию рукописи не взимается.